

Министерство образования Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

Т.Е.АВТУХОВИЧ

АНТИЧНАЯ РИТОРИКА

Учебное пособие по курсу «Риторика»
для студентов гуманитарных специальностей

Гродно 2003

УДК 82.085:807(075.8)

ББК 83.7

А22

Рецензенты: кандидат философских наук, доцент кафедры философии
ГрГУ им.Я.Купалы В.Н.Глина;

старший преподаватель кафедры русского языка ГрГУ им.
Я.Купалы Г.Н.Жданеня.

Рекомендовано Советом филологического факультета ГрГУ им. Я.Купалы.

Автухович Т.Е.

А22 Античная риторика: Учеб. пособие / Т.Е.Автухович. – Гродно:
ГрГУ, 2003. – 144 с.

ISBN 985-417-446-8

В учебном пособии рассматриваются основные этапы развития античной риторики, дается системное изложение античного риторического учения. Античная риторика соотнесена с идеями современной филологии. Теоретические сведения закрепляются в системе вопросов и заданий.

Пособие предназначено для студентов гуманитарных специальностей, аспирантов и преподавателей.

УДК 82.085:807(075.8)

ББК 83.7

ISBN 985-417-446-8

© Автухович Т.Е., 2003

Когда на греческий амвон,
Когда на римскую трибуну
Оратор восходил и славословил он
Или оплакивал народную фортуна
И устремлялись все взоры на него
И силой слова своего
Вития властвовал народным произволом, –
Он знал, кто он; он ведать мог,
Какой могучий правит бог
Его торжественным глаголом.

(Е.Боратынский. Рифма)

РИТОРИКА В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РИТОРИКИ

Судьбы идей, как известно, напоминают человеческие судьбы. Идеи рождаются, живут, достигают расцвета и умирают. Но некоторым суждена иная судьба – родиться заново и вновь получить признание.

Такова судьба одной из древнейших наук – риторики. Парадоксальность этой судьбы отразилась в двух взаимоисключающих высказываниях. Одно из них, принадлежащее Э.Ренану, приводит в своей книге известный польский эстетик В.Татаркевич: «Риторика – самая непростительная, может быть, единственная ошибка древних» [67, с.244]. Автор другого – В.Флореску: «*Rhetorika rediviva* – одна из наиболее существенных характеристик современной культуры» [60, с.11]. Бессмысленно было бы ставить вопрос об истинности этих мнений, которые разделяют более чем полвека, ибо каждое – для своего времени – справедливо: негативизм Ренана отражает скептическое отношение к риторике как к схоластической науке, распространившееся в XIX веке; пиетет В.Флореску – восторг неопита, увидевшего несметные сокровища в старом чулане.

И все-таки, что же такое риторика – донаучное знание, с которым знакомятся, преодолевая почтительную скуку, или же вновь – на современном уровне – царица наук, прежде всего гуманитарных? Какие причины побуждают современных исследователей обращаться к полузабытым риторическим трактатам прошедших эпох, издавать их, комментировать, изучать? Лишь несколько примеров в подтверждение последнего тезиса: в 1980 г. на Украине издана в украинском переводе «Риторика» Феофана Прокоповича; через несколько лет в

Германии Ренате Лахманн издает фототипическим способом с научным комментарием риторики Феофана Прокоповича, псевдо-Макария, Ф.Кветницкого; в последнее десятилетие активизировалось изучение русских риторик в России (диссертации и статьи Т.В.Буланиной, В.И.Аннушкина, исследования В.П.Вомперского, Л.К.Граудиной и Г.И.Миськевич) и латиноязычных в Литве и Белоруссии (статьи и исследования Е.Ульчинайте, Н.Б.Мечковской и др.). Корпус славянских риторик, таким образом, является предметом самого пристального изучения.

Как же совместить столь неоднозначные оценки риторики как науки, обозначившиеся в высказываниях Ренана и Флореску? Как совместить повсеместный риторический «бум», выразившийся в переиздании старых и появлении новых учебников по риторике, с характерным для бытового сознания восприятием риторики как схоластики и пустословия?

Это противоречие заложено в самой природе риторики как науки о правилах ораторского искусства: слово «искусство» в этом определении предполагает наличие творческого начала, в то время как слово «правила» вводит представление о догматичности установления. Диалектическое противоречие динамики и статики, креативной и нормативной интенций являлось стимулом творческого развития риторики на протяжении веков и в то же время условием сохранения ею своего неизменного ядра – суммы основополагающих идей.

Какие же эти идеи? Обозначим их по необходимости схематично, так как подробный разговор пойдет ниже.

1. Уже античные риторы осознали ораторское искусство как речевое взаимодействие, как триаду оратор – речь – аудитория, в которой все составляющие взаимосвязаны и взаимообусловлены.

2. В античных риториках подробно разработаны этические аспекты этого взаимодействия, сформулированы категории этоса и пафоса, регулирующие формы и методы речевого воздействия оратора на аудиторию.

3. В античных риториках процесс тексто- и речепорождения был сегментирован и представлен в виде схемы идеоречевого акта, каждый этап которого изучен и подробно описан. Пять частей риторики – *inventio*, *dispositio*, *elocutio*, *memoria*, *actio* – включали в себя правила, касающиеся соответственно нахождения материала (этапа дориторической рефлексии, анализа проблемы), его расположения в линейном пространстве текста, а также словесного оформления, запоминания и произнесения.

4. Была осознана типология ораторских речей в соответствии с целевой установкой оратора, а также временем и местом их произнесения.

Вершиной античной риторической культуры явилась «Риторика» Аристотеля, в которой риторика – наука о возможных способах убеждения относительно каждого избранного предмета, о формах и методах речевого воздействия на аудиторию – вдохновляется идеей Логоса как единства мысли и ее словесного выражения. Однако уже у Квинтилиана риторика – это искусство говорить хорошо (*ars bene dicendi*), где говорить хорошо означает говорить убедительно и красиво. Впоследствии, когда возобладает именно элокутивный аспект и риторика утвердится как искусство эффективной, украшенной речи (*ars ornandi*), былое – в аристотелевском понимании – единство мысли и слова будет утрачено; соответственно разрушится и диалектическое единство творческого и нормативного начала в пользу последнего. Этот внутренний саморазлад обернется кризисом науки, которая на протяжении двух с половиной тысяч лет находилась в центре гуманитарного знания: на рубеже XVIII–XIX вв. романтики объявят войну риторике как своду схоластических норм и правил, сковывающих творческую активность личности, и риторика переместится на периферию культуры, станет обычным школьным предметом. Именно в это время и произнесет Э.Ренан свой приговор риторике как историческому заблуждению древних.

Приговор сколь несправедливый, столь и поспешный, ибо вместе с водой, по известной поговорке, выплеснули и ребенка.

Но, наверное, и неизбежный: необходим был новый виток развития, должна была вновь сложиться ситуация общественной, культурной, интеллектуальной потребности в риторическом знании.

Такая ситуация возникла в XX веке в силу ряда причин, среди которых выделим *философскую*: начиная с 1920-х годов постепенно складывается новая философская эпистема, в центре которой – язык, определяющий как восприятие и понимание человеком мира, так и принципы intersубъективной коммуникации; *общественно-политические*: XX век – век массовых политических движений, век развития средств массовой коммуникации, торговли, рекламы.

Риторика оказалась востребованной, востребованной не только в своем креативном смысловом ядре, не утратившем значения по сей день, но и в своих противоречиях и заблуждениях. Ибо если верен принцип, согласно которому критерием эвристической ценности любой теории является наличие в ней противоречий, то риторика

является таковой. Именно наличие таких противоречий античной риторики обусловило ее рождение в новом качестве. Но это, в свою очередь, означает необходимость глубоко рефлексивного отношения к древней теории и отсутствия всякой фетишизации этой науки.

В современном представлении риторика – «наука о способах убеждения, разнообразных формах преимущественно языкового воздействия на аудиторию, оказываемого с учетом особенностей этой аудитории и с целью получения желаемого эффекта. Воздействие может осуществляться как в устной, так и в письменной форме с помощью аргументов, доказательств, демонстрации вероятностей и других приемов с целью порождения – при помощи языковых и неязыковых средств – определенных эмоций и ощущений, способных в конечном итоге привести к направляемому (осознанному) формированию новых либо к модификации изначальных стереотипов восприятия и поведения» [22, с.10]. В этом определении мы узнаем идеи древней науки, но идеи развернутые и, если можно так сказать, специфицированные. Можно сказать иначе: те истины, которые представлялись античности непререкаемыми постулатами, подвергнуты современной наукой сомнению и дополнительной верификации. Соответственно риторика вновь оказалась в центре уже современного гуманитарного знания, ее идеи стали объектом пристального внимания самых разных наук:

- как описание механизма речевого общения риторика вызывает интерес со стороны современной теории массовой коммуникации, которая сегодня представляет собой совокупность лингвистических, семиотических, социологических и социально-психологических исследований;

- как система аргументации риторика представляет интерес для современной логики, которая, столкнувшись с несовместимостью формальной логики и законов живого языка, где действует закон полисемии, контекста, обратилась к изучению тех дискурсивных приемов, которые позволяют вызвать сочувствие к предлагаемым для одобрения положениям;

- как описание способов порождения текста и способов познания мира риторика имеет точки соприкосновения с философией, ибо если философия – это наука о познании мира, то риторика, которая представляет приемы формализации интеллектуальной деятельности, является условием эффективности философского освоения мира;

- как описание средств словесного и несловесного воздействия риторика, с одной стороны, стала интегрирующим зерном нового фи-

логического знания, устраняющим разделение на лингвистов и литературоведов, с другой стороны – стимулировала появление новых идей как в теории литературы, так и в языкознании и стилистике.

Поэтому справедливым представляется высказывание Флореску. Действительно, возрожденная риторика, став существенной характеристикой современной культуры, может быть названа метатекстом современной гуманитарной науки.

Сказанное определяет необходимость изучения риторики вообще и античной риторики в частности. Античная риторика может изучаться и как фундамент современной культуры, и как самоценное явление, имеющее свою историю, прежде всего историю формирования понятий, категорий, предстающих в итоге в виде стройной системы, и в то же время историю своих взлетов, ошибок и заблуждений.

Вопросы и задания

Подтверждают ли данные библиографических обзоров выказанный тезис о риторическом «буме»? Какие новые исследования по истории риторики, в частности античной, а также по риторической проблематике в гуманитарных науках появились за последний год?

Рекомендуемая литература

Авеличев А.К. Возвращение риторики: Вст. ст. // Общая риторика: Пер. с фр. / Ж.Дюбуа, Ф.Пир, А.Тринон и др. – М.: Прогресс, 1986.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ РИТОРИКИ

История античной риторики насчитывает 800 лет – от первых сохранившихся риторических трактатов Аристотеля и Анаксимена до знаменитого компендиума античной риторической мысли, составленного Квинтилианом. По мнению М.Л.Гаспарова, историю античной риторики вряд ли можно рассмотреть как процесс по двум причинам: во-первых, сохранилось множество риторических сочинений (риторика преподавалась в античной школе и требо-

вала многочисленных учебных пособий), посвященных частным вопросам и противоречащих друг другу; во-вторых, на русский язык памятники античной риторики переводились неполно и несистематически, представление о них можно составить лишь в самых общих чертах [34, с.27].

Вместе с тем представляется возможным и необходимым обозначить основные этапы становления фундаментальных идей античной риторики.

Когда и почему возникла риторика? Возникновение той или иной идеи (науки) всегда исторически подготовлено и обусловлено рядом объективных и субъективных причин. Культ устной речи, словесного искусства характерен уже для времени истоков греческой цивилизации. В античной мифологии имеются два божества устного слова – Аполлон, бог поэтов, и Гермес Логий («Словесный»), бог ораторов. Именно Гермес изобрел лиру, которую он подарил Аполлону, что свидетельствует о более раннем происхождении ораторского искусства по сравнению с искусством поэтическим. Гермес (в римской мифологии ему соответствует Меркурий) – покровитель торговли и красноречия. «...римлянин Гораций назовет два дара, с помощью которых Гермес, этот «красноречивый (facundus) внук Атланта» и «отец округленной лиры», цивилизовал дикие нравы первобытных людей: дар культивируемого голоса и дар «чинной палестры». Дары эллинских богов – вокально-ораторская культура и физическая культура, хорошая постановка голоса и хорошая тренировка мышц – это главные символы классической «калокагатии» [26, с.194]. Стоит подчеркнуть, что Гермес в мифах выполняет функцию посредника между богами и людьми, между миром жизни и миром смерти, и в этом проявляется представление об основополагающей для человеческой цивилизации роли слова. Кроме того, известна одна из харит богиня Пейто («убеждение»), в образе которой воплотилось представление о магическом характере словесного искусства.

Культ устного слова отразился и в речах гомеровских героев. Это было связано с публичным характером жизни древних греков. И все же как расцвет ораторского искусства, так и рождение риторики было обусловлено прежде всего мощной общественной потребностью: в условиях расцвета афинской рабовладельческой демократии, когда в эпоху Перикла (V век до н.э.) формируется развитая общественная и политическая жизнь, красноречие становится основополагающим признаком культуры в целом. Как справедливо заметил В.Г.Белинский, «республиканс-

кая форма правления древних обществ сделала красноречие важным и необходимым искусством» [Белинский В.Г. ПСС: В 13 т. – М., 1953 – 1959. – Т.2. – С.506]. Дебаты в Народном собрании, в Совете пятисот, публичное обсуждение важнейших решений делало необходимым для политика (именно в это время появляется понятие *aner politicos* – муж, участвующий в политике) владение искусством слова. Так зарождается политическое («совещательное») красноречие. «Мы сами обсуждаем наши действия или стараемся правильно оценить их, не считая речей чем-то вредным для дела. Превосходство наше состоит также в том, что мы обнаруживаем и величайшую отвагу и зрело обсуждаем задуманное предприятие» (Перикл).

Как справедливо подчеркивает В.И.Исаева, «риторика неотделима от типа организации древнегреческого общества, особенностей его управления. Не случайно феномен политического красноречия практически отсутствовал в древневосточных деспотиях, где государственный строй исключал свободное состязание мнений» [41, с.3].

Бурное развитие судебного красноречия стимулировалось своеобразным характером древнегреческого судопроизводства, в котором отсутствовали процедуры судебного следствия, разбирательства, а также такие привычные для нас фигуры судебного процесса, как обвинитель, защитник. Исход тяжбы между истцом и ответчиком определялся решением нескольких сот судей, чье мнение полностью зависело от убедительности и красноречия соперников. В этой ситуации многократно возрастала цена человеческого слова, приемы же ораторского искусства, обеспечивающие превосходство одной из сторон, становились предметом пристального внимания и изучения.

Позднее возникло эпидейктическое (торжественное) красноречие, которое также получило широкое развитие именно благодаря публичному характеру жизни древних греков: пышные чествования наиболее отважных воинов, знаменитых спортсменов, прославленных актеров были непременным атрибутом античной культуры.

Разносторонняя общественная потребность в результативном словесном высказывании подкреплялась и культурологическим фактором – принципом состязательности, присущим греческой культуре. Для древних греков было характерно стремление привнести дух борьбы, соревнования, игры во все сферы жизни и быта; нацеленность на победу, на совершенство и совершенствование – важнейшее слагаемое личности. По словам Аристотеля, «соревнование

<как ревностное желание сравняться> есть нечто хорошее и бывает у людей хороших. ... Такими [то есть склонными к соревнованию] бывают люди молодые и люди, обладающие величию души, а также люди, владеющие такими благами, которые достойны мужей, пользующихся уважением; к числу этих благ принадлежит богатство, обилие друзей, власть и другие тому подобные блага... Если чувство соревнования проявляется по отношению к благам, пользующимся уважением, то сюда необходимо нужно относить добродетели и все то, с помощью чего можно приносить пользу и оказывать благодеяния другим людям...» [Arist. Rhet., 1388a 35 – 1388b 0-10]. Состязания, в которых мог проявить себя человек *агонистический*, присущи греческому спорту (вспомним знаменитые Олимпийские игры), театру, они породили форму публичных философских прений. «Все, что только можно было, пронизывает дух агонистики: все полно состязания, от самого низменного и шуточного состязания в скорости выпивания кружки до самого серьезного и возвышенного состязания в красоте созданных поэм и рожденных детей» [39, с.188].

Таким образом, развитая общественная потребность, а также фундаментальные особенности греческой культуры и греческого менталитета предопределили появление риторики – науки о правилах ораторского искусства. В ситуации, когда зачастую только сила и убедительность красноречия предопределяли исход дела и соответственно судьбу человека, а иногда и целого народа, возникает стремление выявить секреты, обеспечивающие действенность человеческого слова.

С.С.Аверинцев указывает еще на одно существенное обстоятельство, сделавшее возможным появление риторики: возникновение первых риторических пособий совпадает с «первым рождением европейского рационализма», что можно считать своеобразной философской революцией в сознании древних. Когда человек начинает «подсматривать» за результатами своей словесной деятельности, анализировать ее, возникает *методическая рефлексия*, обращенная, во-первых, на самую мысль, во-вторых, на инобытие мысли в слове. «Рефлексия, обращенная на мысль, дала открытие гносеологической проблемы и кодификацию правил логики; рефлексия, обращенная на слово, дала открытие проблемы «критики языка» и кодификацию правил риторики и поэтики» [24, с.338].

Именно в этой ситуации культурного «взрыва», порожденного совокупностью общественно-исторических, философских и культурных причин, в V веке до н.э. в Греции возникают первые риторики.

Констатация революционного для античной культуры характера риторического знания не означает, что риторика появилась на пустом месте. Риторы отрефлектировали приемы, многие из которых существовали в словесной практике еще дориторической эпохи. Так, топика присутствовала в недифференцированном виде в устнопоэтическом нарративе в форме устойчивых клише, общих мест, пословиц, поговорок, сентенций; бинарные оппозиции, характеризующие мифопоэтическое (дориторическое) мышление, также можно рассматривать как эмбриональное состояние аналитической топики. Вместе с тем формирование логического мышления, сменившего мифопоэтическое мировосприятие, наиболее отчетливо проявилось именно в возникновении первых риторик, первых опытов рефлексии над целями и результатами речемыслительной деятельности и означало своеобразную философскую революцию в сознании.

Вопросы и задания

1. Проанализируйте речи героев «Илиады» и «Одиссеи» как произведения ораторского искусства: какие типы речей представлены в поэмах Гомера? Из каких фрагментов они состоят? Какие аргументы используют говорящие, чтобы повлиять на своих собеседников? Каковы цели этого воздействия? Используют ли они средства языковой выразительности? Какие повторяющиеся приемы воздействия можно выделить в этих речах? Можно ли выделить типологию ораторов на основании этих литературных памятников? Какие примеры вы можете еще привести в доказательство того, что античная культура – это культура слова и прежде всего звучащего слова? (Используйте для ответа материал античной литературы и свидетельства античных историков Плутарха и Фукидида).

2. Как соотносятся общественно-политические, культурные и философские факторы, обусловившие возникновение риторики?

Рекомендуемая литература

- Боннар А. Греческая цивилизация: В 2 т. – М., 1958.
Иванов В.Г. История этики древнего мира. – СПб., 1997.
История всемирной литературы: В 9 т. Т.1. – М., 1983.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. – М., 1994.
Реале Дж., Антисера Д. Западная философия от истоков до наших дней: Античность. – СПб., 1994.
Фукидид. История. – М., 1993.

Первые риторические руководства. Риторика софистов. «Естественный разрыв между малым числом тех, кто от природы одарен даром слова, и потребностью общества в лицах, умеющих говорить перед толпой, восполнялся в классической Греции двумя путями: обучением ораторскому мастерству и сочинением речей для клиентов, которые заучивали купленную речь и произносили ее перед судом от своего имени. В том и другом случае ораторское выступление из импровизации превращалось в работу, подчиненную определенным нормам и правилам» [57, с.32].

Согласно Аристотелю, первым изобрел риторику Эмпедокл из Акраганта в Сицилии, крупный философ VI–V вв. до н.э., который был учителем Горгия. Первыми риториками считаются полумифические *Корак(с)* и *Тисий*, имена которых известны благодаря Платону и Аристотелю. Жители Сиракуз, учитель и ученик, они открыли первые риторические школы и составили первые руководства по написанию судебных речей. Учебник Корака стал известным во всей Греции. Впоследствии Тисий переселился в Афины, где стал преподавать красноречие. Сюда же последовал и Горгий из Леонтина.

То обстоятельство, что риторика возникла именно в Сицилии, по мнению С.Меликовой-Толстой, объясняется соседством философской школы элеатов: «Элеаты, поставившие на место знания о мире мнение (докса) и разорвавшие казавшуюся до тех пор естественной, самой природой установленной связь между словом и вещью, сделав вместо этого слово лишь условным обозначением вещи, произвели тот идеологический переворот, в котором и надо искать мировоззренческий корень риторики» [56, с.147-148].

В это время в Греции складывается новая система образования и воспитания гражданина полиса. Ее стали осуществлять софисты, странствующие учителя философии и красноречия. Слово «софист» первоначально означало «способный стать мастером», «мастер», затем «учитель мудрости», потому что софисты брались каждого научить секретам ораторского мастерства. Так, в V–IV вв. до н.э. складывается софистика – духовно-воспитательное и философское учение, основанное на принципах *субъективизма* («Человек есть мера всех вещей, существующих – в том, что они существуют, несуществующих – в том, что они не существуют»), *отрицания закономерности* во всем («Что каждому кажется, то для него и есть действительность») и *релятивизма* («О всяком деле может быть высказано два совершенно противоположных мнения»). Софисты в принципе отрицали возможность истинного знания, утверждая, что существуют только мнения (*doxa*) –

различные, взаимоисключающие, множественные. Основополагающие принципы софистики были сформулированы выдающимся философом *Протагором* (481–411 до н.э.).

Гуманистический смысл этой философии бесспорен: софисты в центр мира поставили человека познающего и сомневающегося, выступив против авторитетного мифологического сознания, основывавшегося на признании незыблемости традиционных постулатов. В противовес ему софисты выдвинули требование *доказывать* все.

Бесспорна и демократичность софистики: «Демократическим было, прежде всего, само предложение научить любого желающего всем доступным знаниям и этим сделать его совершенным человеком... Демократический образ мыслей лежал и в основе тех представлений о знании, с которыми выступали софисты: в основе учения об относительности истины. Как в свободном государстве всякий человек имеет право судить о государственных делах и требовать, чтобы с ним считались, так и о любом предмете всякий человек вправе иметь свое мнение, и оно имеет столько же прав на существование, как и любое другое» [36, с.9].

Распространившееся позднее мнение о софисте как о ловком обманщике и о софистике как о системе приемов ложного убеждения и ложного красноречия справедливо лишь отчасти. Действительно, софисты в своей ораторской практике довели до предела основные постулаты философии Протагора, однако даже в их крайностях содержались идеи, которые стимулировали впоследствии развитие философии и риторики.

В самом деле, если справедливо то, что может быть доказана любая мысль, независимо от ее объективного смысла, возникает вопрос о приемах такого доказательства и соответственно интерес к проблемам риторики. Софисты признавали огромное значение слова, которое в их интерпретации сродни колдовству, магии, чарованию. «Чарование духа и обман мысли» видел в слове Горгий. Фрасимах же сравнивал искусство слова с волшебным заговором.

Такая оценка возможностей человеческого слова основывалась на наблюдениях софистов над психологией толпы (аудитории), которая поддается манипулированию и легко меняет свои мнения. Для софистов характерен интерес к адресату ораторского искусства и к акту восприятия.

Основным теоретиком риторики среди софистов был *Горгий*, который создал иллюзионистскую, апатетическую (от греч. слова *apate* – состояние иллюзии, галлюцинации) теорию искусства, в том числе и искусства красноречия. Риторика в таком понимании срод-

ни словесной игре и потому (для Горгия) это удобный инструмент гражданского управления, точнее – манипулирования: «искусство убеждать [людей] много выше всех искусств, т.к. оно делает всех своими рабами по доброй воле, а не по принуждению». Именно софисты выделили в природе человека два начала: с одной стороны, природное – постоянное, неизменное, с другой стороны – привнесенное обычаями, привычками, являющее собой изменчивую условность и подверженное воздействию извне. Горгий утверждал, что человеческое знание по своей сути является ложным, неполным и условным «мнением», а не истиной.

В своем упоении возможностями человеческого слова как инструмента управления софисты часто не замечали морально-этических проблем, неизбежно возникающих в коммуникативной ситуации.

Тем не менее именно деятельность софистов впервые заострила проблему этических основ риторики как проблему морального облика оратора, единства его убеждений и высказываний, а также нравственности целевых установок. Уже Платон устами Сократа обвинит оратора-софиста в угодничестве перед демосом, толпой: Горгий из своих прагматических побуждений остается в пределах практической морали, которую исповедует аудитория с ее зачастую низменными представлениями о мире.

Этической проблематикой чревата и разработанная софистами теория спора – эристика. Софистика – крайнее выражение эристики – предлагает обманные методы ведения спора. Система логических уловок-софизмов обогатила теорию аргументации методами неправильного ведения спора, основанными на логических уловках, на дискредитации общепринятых норм морали.

Постановка вопроса о цели и функциях словесного искусства, осознание изменчивости аудитории, ее подверженности манипулированию позволили софистам создать первую формализованную теорию словесного творчества, которая включала в себя как собственно риторическую проблематику, так и вопросы грамматики и орфоэпии. Еще первые риторы Корак и Тисий создали сборник «общих мест» – хрестоматию готовых примеров для оратора, предназначенных для заучивания наизусть (по другим сведениям, изобрел «общие места» Протагор), и теоретическое руководство (techne) – рекомендации по структуре ораторских выступлений.

Софисты сформулировали такое основополагающее требование к речи, как требование цельности и законченности высказывания: речь должна иметь четко очерченные начало и конец (вступ-

ление и заключение), главную часть, которая включает в себя два раздела – повествование о событиях и спор.

Для спора был разработан такой вид аргументации, как доказательство от правдоподобия поступка (eikos): исходя из неизменности человеческой природы и относительности истины, софисты предложили особую технику вероятностного объяснения человеческих поступков – систему «общих мест» (loci communes), а также учение об этопее, предполагающее выявление общезначимого в человеке, возведение его к определенному повторяющемуся типу поведения и т.д. «За неимением фактических улик или достоверных свидетельств о реальности какого-либо события, оратор раскрывал логическую или психологическую зависимость между лицами и происшествиями и признавал, что событие могло иметь место, если оно похоже на то, что часто случается в жизни, и потому вероятно» [57, с.39].

Софисты выдвинули и принцип построения ораторского произведения – «препон» («должное», «подобающее»), согласно которому оратор должен заботиться об уместности своего высказывания, о соответствии стиля и содержания речи ситуации и ожиданиям аудитории.

Именно софисты попытались сформулировать основные приемы словесной выразительности. Большое внимание они уделяли звуковой стороне речи, выразительным возможностям языка. Горгий впервые ввел в ораторскую прозу поэтические средства, использовал в своих выступлениях аллитерации, ассонансы, звуковые повторы, такие поэтические фигуры, как антитеза, оксюморон и аналогия. Излюбленными приемами Горгия-оратора были антитеза, исколон (параллелизм, симметрия слогов) и гомойотелевтон (созвучие окончаний), которые придавали предельную четкость и ясность его публичным выступлениям и вошли в историю как «горгиевы» («горгианские») фигуры. Фрасимах, первый теоретик речевого ритма, впервые осознал художественные функции периодической речи, которая придавала фразе особый колорит выстроенности, искусственности, благодаря чему ораторская проза приобретала литературный характер, занимая промежуточное положение между поэзией и обиходной речью. Можно сказать, что, увлеченные колдовской магией звучащего слова, софисты открыли неиссякаемый источник ораторского воздействия внутри самого языка, в самих словесных приемах. Новаторские открытия Горгия использовались не только в ораторской и художественной прозе, но и в поэзии; ораторская проза благодаря ему приобрела статус произведения искусства.

Наконец, софисты (Гиппий) первыми начали разработку учения о мнемонике – приемах запоминания обширных ораторских текстов, а также системы обучения ораторскому искусству.

Деятельность софистов воспринималась современниками двойственно, вызывая как шумный успех, так и обвинения в шарлатанстве. Но прав был профессор А.Покровский, который в своей замечательной и, к сожалению, забытой работе «О красноречии у древних эллинов» писал, заключая свой рассказ о том, какими нападками, какой критикой – как со стороны необразованной толпы, так и со стороны снобов-философов – сопровождалось утверждение риторики: «Нам не может быть не понятен тот протест, какой встречало эллинское красноречие со стороны науки, или философии, как и протест, с каким – чем дальше, впрочем, тем все реже – выступали против него претендовавшие на то, чтоб представлять собою common sense... должно быть понятно также – почему эти протесты не могли греметь, могли только шуметь, и почему они бессильны были – заставить вернуться назад, домой, вкусивших сладкого, как мед плода лотоса, красноречия» [62, с.113].

Вопросы и задания

1. Познакомьтесь с философскими воззрениями софистов. Как вы понимаете известные слова А.Ф.Лосева об их учении: «В софистах античный дух впервые обращается к самому себе, внутрь себя, рефлектирует над самим собою... Его нигилизм – творческий хаос, из которого тотчас появляются конструктивные системы Платона и Аристотеля» [52, с.44-45]. Покажите диалектическую двойственность тезиса Протагора «Человек есть мера всех вещей» – его гуманистическую сущность и потенциальный деструктивный смысл.

2. Проанализируйте речь Горгия «Похвала Елене». Как проявляются в ней субъективизм, релятивизм и скептицизм софистов как философские основания их отношения к миру, к человеческому слову, к адресату ораторского искусства?

3. По определению Горгия, «риторика – мастерица убеждения», он же утверждал, что оратор может говорить «обо всех вещах самым лучшим образом». Чем эти определения отличаются от сходной формулы Аристотеля «Риторика – способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета»? Какими нравственно-этическими проблемами, на ваш взгляд, чревата такая релятивистская и прагматическая ин-

терпретация задач ораторского искусства и риторики, как у Горгия? Почему эстетику софистов называют иллюзионистской, или апатетической? Как это связано с внушающей, гипнотической интенцией их красноречия?

4. Какой вклад внесли софисты в разработку теории спора – эристики? Как соотносятся между собой следующие понятия: софистика, эристика, диалектика? Проанализируйте один из софизмов, выявите тип логической ошибки, которая намеренно использована в нем.

5. Как философские посылки софистов, их концептуальные представления о мире и человеке проявляются в их риторических рекомендациях, в технике объяснения человеческих поступков?

6. Как трактуют софисты понятия истины и доблести (arete) и как эта трактовка проявляется в их понимании этических основ риторики?

7. Известно, что кроме разработки логических и психологических основ речи софисты создали еще и первую формализованную теорию словесного творчества, обнаружив выразительные возможности в самом языке. Как в ораторских приемах, используемых софистами, реализуется их стремление «слабейший довод сделать сильнейшим»? Какие приемы словесной выразительности введены софистами? Что такое «горгианские фигуры»? Найдите их в тексте речи Горгия. Удалось ли переводчику в полной мере передать тот эффект искусственности, к которому стремилась Горгия?

8. Прочитайте пьесы Аристофана «Облака» и «Лягушки» и определите, как воспринимали современники теоретические построения софистов в области риторики. Можно ли рассматривать эту критику как проявление культурного взрыва, обозначенного появлением риторики, и почему? Как реконструируется риторическая теория софистов на основании анализа указанных пьес Аристофана?

Рекомендуемая литература

- Аристофан. Комедии: В 2 т. – М., 1954.
Каракулаков В.В. Из истории античных теорий художественной речи // Уч. зап. Душанбинского гос. пед. ин-та, сер. филол. – Вып. 1, 1952; Вып. 3., 1953; Вып. 5, 1954.
Лосев А.Ф. Софисты // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М., 1969.
Маковельский А.О. Софисты: В 2 т. – Баку, 1940-1941.
Миллер Т.А. Аттическая проза V в. до н.э. // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 1. – М.: Наука, 1983. – С.382–384.

Покровский А. О красноречии у древних эллинов // Известия историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. – Т. XXI. – Нежин, 1904.

Ярхо В.Н. Афинский полис V–IV вв. до н.э. // История всемирной литературы. – Т. 1. – С. 343–345.

Разработка риторической теории в практике судебного красноречия. Риторическая техника разрабатывалась и в практической ораторской деятельности. Наиболее известные ораторы V в. до н.э. – *Антифонт, Андокид и Лисий* – подвизались в судебном красноречии, для нужд которого ими была разработана *теория правдоподобия*.

Основные положения этой теории вытекали из особенностей древнегреческого судопроизводства, в котором отсутствовала процедура судебного следствия, и находили философское обоснование в софистическом тезисе «мнения».

Антифонт создал сборник риторических упражнений, где предложил систему универсальных «общих мест», которые закрепились в практике судебного красноречия, например, восхваление справедливости законов и судей, апелляция к состраданию и т.д. В том же ключе и разработанное *Лисием* (ок. 459–380 гг. до н.э.) искусство создания характеров – *этопея*. Не имея данных для профессиональной ораторской деятельности, *Лисий* в большей степени проявил себя как *логограф* – изготовитель речей для других людей, поэтому стремился воссоздать в речах характеры своих заказчиков, вынужденных выступать в роли подзащитных. Речь «Об убийстве Эратосфена» – редкий пример выступления Лисия в суде.

Задание

Прочитайте речь Лисия «Об убийстве Эратосфена». Как проявляется в ней Лисий свое мастерство этопеи? Сделайте выводы о влиянии ораторской техники этопеи на искусство литературного повествования.

Рекомендуемая литература

Лисий. Речи. – М., 1994.

Ораторы Греции. – М., 1985.

Теория и практика политического красноречия. *Исократ* (436–338 гг. до н.э.), который, как и Лисий, тоже не был практи-

ческим оратором, известен в качестве наставника и логографа, теоретика красноречия. В то же время Исократ – один из самых известных политических ораторов первой половины IV в. до н.э. Его речи (из 60 речей дошла до нас 21) предназначены для чтения и делятся на две группы: *философско-риторические* («Бусирикс», «Похвала Елене»), в которых обосновывается необходимость новой, практической философии, и *политические* («Панегирик», «О мире» и др.).

Рассматривая искусство слова как универсальный инструмент для понимания человека и воздействия на него, Исократ настаивал на фундаментальной общеобразовательной подготовке оратора, который, по его мнению, должен быть сведущ в любой отрасли знания. Изучение искусства красноречия, по его мнению, – условие профессионализма, показатель общей культуры человека: «Люди могут стать лучшими, более достойными, чем были раньше, если загорятся желанием научиться красноречию и страстно захотят постигнуть искусство убеждать слушателей»; риторика помогает достигнуть известных выгод, «но не тех, к которым стремятся невежественные люди, но тех, которые действительно таковы». При этом Исократ настаивал на том, что оратор должен знать правила красноречия.

Вклад Исократа в разработку риторической теории определяется следующим:

– развивая идею риторики как практической философии, Исократ вступает в полемику и с софистами, и с Платоном. В отличие от Горгия, который акцентировал эмоциональный аспект могущества слова, Исократ настаивал на силе его общественного воздействия. Возражая попыткам Платона ограничить функции философии узко-элитарными рамками «чистого знания» и отделить ее от риторики, Исократ считал, что именно риторика является звеном, соединяющим две сферы человеческой деятельности – теоретические знания и практическое их воплощение. «Причины оппозиции, столкновения двух этико-политических концепций следует искать в развитии Афин. Новое поколение граждан, а также общественных деятелей, воспитанных при Перикле, расцвет демократии – все это требовало изменения системы ценностей, формирования иных, чем прежде, идеалов, адекватных новым вариантам политики и идеологии. Роль синтезатора изменений и одновременно генератора новых идей взяла на себя риторика. Ей предстояло выработать концепцию, в которой культурные, этические принципы могли бы воплотиться в практической деятельности, теоретически обогатить ее» [41, с. 13]. Соответственно «риторика становится

квинтэссенцией политической культуры, базирующейся на педагогике, ... логос ... – основой цивилизации, ... показателем уровня развития цивилизации и степени приобщения к культуре» [41, с.14];

– рассматривая ораторское искусство как фундаментальный принцип культуры, Исократ настаивает на том, что знание риторических законов и правил не может быть самоцелью, а должно стать инструментом изучения мира и воздействия на него;

– в отличие от софистов, которые увлекались использованием поэтических приемов в ораторской прозе, Исократ поставил вопрос о специфике поэтической и прозаической речи, которая, по его мнению, состоит в аналитическом исследовании как методе публицистической прозы и пластическом изображении как методе поэзии;

– аналитический метод исследования предмета реализуется у Исократа в последовательном выявлении логических связей между предметами и явлениями с помощью антитез и параллелизмов; антитеза используется Исократом для создания системы бинарных оппозиций, которые становятся у него основой техники убеждения. Это оппозиции «прошлое – настоящее», «польза – справедливость», «сила – справедливость», «свобода – равенство» и др. Кроме того, антитеза является у Исократа основным конструктивным приемом создания ораторского периода, придавая ему содержательную и формальную завершенность;

– отказавшись от злоупотребления тропами и риторическими фигурами, Исократ разрабатывает собственные критерии оценки ораторского искусства, среди которых он выделяет:

а) степень важности затронутых оратором проблем (оратор, по Исократу, должен служить родному городу, поэтому политическое красноречие для него предпочтительнее судебного);

б) единство этоса, пафоса и логоса в высказывании оратора: «Лучшими из речей я признаю те, которые посвящены наиболее важным вопросам, наиболее ярко характеризуют ораторов и приносят наибольшую пользу слушателям»;

в) соответствие требованиям уместности (словесное выражение должно отвечать теме), подобающего настроения, новизны и благозвучия (одним из первых Исократ осознал недопустимость так называемых *зияний* – стечения гласных в конце одного и начале другого слова);

– Исократ создал жанр энкомия – похвального слова, разработав содержательные принципы и приемы создания идеализированной биографии, среди которых мифологизация родословной героя, воспевание только его достоинств в соответствии с актуальной для

общественного сознания этической нормой, преувеличение добродетелей героя с помощью ссылок на авторитет и сопоставления его со знаменитыми лицами, изображение жизненного пути персонажа в процессе становления и укрепления его добродетелей, т.е. каноническую формулу жизнеописания государственного деятеля.

Задания

1. Проанализируйте речь Исократов «Евагор» [Вестник древней истории. – 1966. – №4]. В речи Исократов выделите «аретэ» – комплекс общепризнанных добродетелей. Как использует оратор для возвеличения своего героя ссылки на авторитет? сопоставление с известными историческими лицами? принцип антитезы в этом сопоставлении? Как трансформирует довод вероятного («эйкос») для подведения слушателей к выводу об исключительных заслугах своего вполне заурядного героя и его безусловном праве на трон? Как соотносится идеализированный образ Евагора, созданный Исократом, с его реальной биографией? Какие возможности открывает перед Исократом метод бинарных оппозиций? Почему изобретенная Исократом модель энкомия оказалась столь жизнеспособной, проявляясь в разные эпохи то в виде жития святого, то в литературе соцреализма, то в пропагандистской политической статье? Как соотносится друг с другом жанры энкомия и панегирика?

2. Исократ известен как мастер периодической речи; благозвучие периода достигло у него образцового совершенства. Проанализируйте периодические конструкции в речи Исократов «Евагор» и попытайтесь определить (насколько, разумеется, это возможно при анализе перевода), в чем специфика периода Исократов, как достигает оратор благозвучия в своей речи?

3. Прочитайте речь Исократов «Панегирик» и комментарий к ней в книге «Ораторы Греции». Как в аргументации оратора проявляется фиктивный характер его речи? Какие общие места использует Исократ в своем выступлении? Как формирует облик оратора в тексте? Как сочетаются в его речи приемы рационального, эмоционального и вербального убеждения?

Рекомендуемая литература

Миллер Т.А. От поэзии к прозе. Риторическая проза Горгия и Исократов // Античная поэтика. – М., 1991.

Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. – М., 1994.

Демосфен (384–322 гг. до н.э.) – легенда древнегреческого красноречия, человек, который, не имея никаких исходных – физических, социальных и т.д. – данных, сделал себя сам, став, наряду с Цицероном, персонифицированным воплощением ораторского искусства. Демосфен, от которого дошло до нас 30 речей, известен тем, что ввел в политическое красноречие жанр инвективы, поношения, обличения конкретного лица (др. название – филиппики, поскольку обвинительные речи Демосфена направлены против македонского царя Филиппа). Приемы поношения – ирония, антитеза, серия риторических вопросов. Демосфен отдавал предпочтение смысловым приемам выделения ключевых слов – анафоре как способу логического ударения, синонимии, антитезе, различным видам повторов. Драматизации повествования служили вставные диалоги, восклицания и риторические вопросы, умелое использование ораторского периода и ритма, а также такие тропы, как метафора и гипербола. Ясность и отчетливость мысли – основная особенность ораторского искусства Демосфена. Одним из первых он стал использовать невербальные средства воздействия на аудиторию: жестикуляцию, мимику, поведение оратора на трибуне.

Задания

1. Прочитав портрет Демосфена в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, определите особенности его ораторской манеры и источники воздействия этого оратора на слушателей. Как соотносятся с вашими выводами следующие слова Демосфена: «Не слово и не звук голоса ценны в ораторе, но то, чтобы он стремился к тому же, к чему стремится народ, и чтобы ненавидел или любил тех же, кого ненавидит или любит родина?»

2. Как гражданская позиция оратора проявляется в речи Демосфена «О мире»? Какие риторические приемы использует автор для обличения внешней политики Филиппа?

3. Сравните речи Исократ и Демосфена. Известно, что Исократ ориентировался на читателя, Демосфен – на многотысячную аудиторию. Как сказывается противоположная установка авторов на композиции и словесном оформлении их речей, на диалогической направленности текстов и на преобладающих синтаксических конструкциях, используемых ораторами?

4. Прочитайте речь Демосфена «О венке». Сопоставьте свое впечатление с характеристикой речи, данной Е. Орловым: «... знаменитая речь «О венке» – величайшая, какая когда-либо выходила

из уст человека. Решительно невозможно передать здесь содержание этого колоссального произведения хотя бы в сжатой форме: то защищаясь от нападков, то, в свою очередь, нападая, то возвышаясь до поразительного пафоса, то опускаясь на самое дно шаржа и карикатуры, чередуя гнев и остроты, угрозы и насмешки, увещания и оскорбления, выражаясь то метафорами, то парадоксами, оратор обозревает всю свою жизнь и публичную карьеру, стараясь показать чистоту своего характера и патриотизма и благотворность своей деятельности» [61, с.37]. Дайте риторический анализ речи «О венке»: с помощью каких приемов достигает Демосфен такого сильного воздействия? Сопоставьте речи Демосфена с речью его оппонента Эсхина (см. сб. «Ораторы Греции»). Почему, на ваш взгляд, Эсхин проиграл процесс? Обоснуйте свое мнение с помощью риторического анализа обеих речей.

Рекомендуемая литература

- Борухович В. Демосфен. – М., 1985.
Демосфен. Речи: В 3 т. / Под ред. Е.С.Голубцовой, М.П.Маринович, Э.Л.Фролова. – М., 1994.
Орлов Е. Демосфен и Цицерон: Их жизнь и деятельность // Демосфен и Цицерон. – Челябинск: «Урал», 1995 (ЖЗЛ. Биографическая библиотека Ф.Павленкова).
Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – М., 1994.

Критика риторического учения софистов и осмысление этических аспектов риторики в диалогах Платона. Сократ (470–399 гг. до н.э.) и Платон (427–347 гг. до н.э.).

Новый этап развития риторического учения связан с деятельностью Сократа и Платона, учителя и ученика, величайших философов древности. Сократ не оставил систематического изложения своих трудов, о его взглядах можно судить благодаря записи бесед с учителем, которые делали по памяти его ученики и, в частности, самый знаменитый среди них – Платон. В диалогах Платона образ Сократа строится на совмещении документального и художественного, в них воспроизводятся реальные реплики, интонации, в то же время образ Сократа используется Платоном как художественный прием, как своеобразная литературная «маска» для изложения собственных взглядов.

Разработка вопросов словесного искусства ведется Платоном в контексте общефилософских проблем, в частности – в кон-

тексте проблемы идеального государства. Поэтому вопросы воспитания нового типа гражданина побуждают Платона обратиться к этическим основам ораторского искусства.

В диалогах «Горгий» и «Протагор» Платон выступает с резкой критикой риторики софистов, делая предметом обсуждения этические основания риторики и искусства красноречия. По мнению Сократа, от лица которого ведутся диалоги, красноречие софистов – это не искусство, а сноровка («Знать существо дела красноречию нет никакой нужды, надо только отыскать какое-то средство убеждения, чтобы казаться невеждам большим знатоком, чем истинные знатоки» – «Горгий», 459С) и угодничество перед толпой. Сократ отмечает, что софисты обращаются с народом, как с ребенком, лишь бы ему угодить. Однако «потворствовать надо лишь тем из желаний, которые, исполнившись, делают человека лучше, а тем, что делают хуже, – не надо...» («Горгий», 502Е-503С). Поэтому истинное красноречие – то, которое является «прекрасным попечением о душах сограждан, чтобы они стали как можно лучше, бесстрашной защитой самого лучшего, нравится это слушателям или не нравится» («Горгий», 503А-В). Заостряя свою мысль, Сократ утверждает, что абсолютная истина существует безотносительно, истина – мера всех вещей, поэтому риторика бесполезна: истина сохранит свою убедительность и без риторических ухищрений, в то время как ложное мнение даже с помощью риторики не удержится.

Анализируя формулу «красноречие – это искусство убеждения», Сократ предлагает различать два вида убеждения: то, которое внушает веру (эристическое), и то, которое дает знание (диалектическое). Соответственно эристика софистов использует лишь внешнюю сторону речевого мастерства, добиваясь субъективной правоты, а диалектика, опираясь на речевое мастерство, развивает знание и помогает продвинуться к истине; эристика – это метод спора, в то время как диалектика – метод беседы и рассуждения. Софисты обманывают толпу, пользуясь искусством слова, как гипнозом, Сократ же предлагает диалектический диалог, в котором вера формируется на основе рационального убеждения и приводит к истине-знанию.

В диалогах Сократ демонстрирует противоположный эристике софистов метод ведения беседы (спора). Если цель софистов заключается в том, чтобы выиграть спор любой ценой, то цель диалектики Сократа – в продвижении к истине, к философскому познанию мира. Приемами диалектики Сократа являются *ирония* (в сократовском понимании – т.е. притворство, когда говорящий прикидыва-

ется незнающим, для того чтобы уличить в незнании своего собеседника), и *майевтика* (искусство родовспоможения) – система вопросов, позволяющая загнать собеседника в логический тупик и привести к пониманию истины. Представления Сократа о целях и задачах красноречия формируются в категориях счастья (учение эвдемонизма), добродетели и блага, знания и нравственности, которые являются основными понятиями его этики и философии. Сократ, таким образом, «пытается привить скептической и релятивистской риторике этический принцип, запрещающий использовать всевозможные ухищрения и уловки в целях доказательства мнений, противоречащих объективной истине» [43, с. 77]. Создание новой этики, новых методов ведения спора и по существу нового мышления делает Сократа знаковой фигурой античного мира. «*Этот человек хотел понять и оценить жизнь.* <...> Сократ захотел перевести жизнь в царство самосознания» [52, с. 52].

Критика софистики завершается в диалоге «Софист», где Платон развенчивает претензии софистов на роль учителей мудрости: «Мудрецом его невозможно назвать: ведь мы признали его незнающим. Будучи подражателем мудреца (*sophou*), он, конечно, получит производное от него имя, и я почти уже понял, что он действительно должен называться во всех отношениях подлинным софистом (*sophisten*). <...> Этим именем обозначается основанное на мнении лицемерное подражание искусству, запутывающему другого в противоречиях, подражание, принадлежащее к части изобразительного искусства, творящей призраки и с помощью речей выделяющей в творчестве не божественную, а человеческую часть фокусничества: кто сочтет истинного софиста происходящим из этой плоти и крови, тот, кажется, выразится вполне справедливо» («Софист» 268CD). В существенной для Платона диалектике бытия и небытия, истины и лжи софистика осмыслена как гносеологическое оправдание лжи, поскольку, согласно Протагору, лжи вообще не существует, существует только истина, а значит, ложь тоже истинна.

В борьбе с риторикой софистов определяется и отношение Платона к науке об ораторском искусстве. Уже в «Горгии» формируется мысль о том, что «риторика и вообще всякое подлинное искусство, ... есть творческая деятельность, которая воплощает высшую справедливость в человеческом обществе при помощи последовательного приведения всех низших страстей в строгое и упорядоченное состояние. Эта деятельность не преследует никаких целей чистого и автономного искусства, но лишь реально-жизненные цели. Риторика и искусство есть та сила, которая призвана

усовершенствовать человеческую жизнь и создать для нее максимально справедливые формы» [51, с.800]. Как и его учитель Сократ, Платон стремится ввести в риторику принципы истинности и целесообразности. Критикуя, например, в диалоге «Федр» речь Лисия, Платон обосновывает принцип логической обусловленности, органической цельности и соразмерности (порядка, меры, пропорции) речи как высказывания: «Всякая речь должна быть составлена, словно живое существо, – у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг к другу и соответствовать целому» («Федр», 264C). В «Федре» Платон формулирует принцип общей идеи речи как порождающей модели высказывания: именно наличие общей идеи обеспечивает единство темы, рациональное ее разделение в линейном пространстве текста и целесообразность всех частных.

В этом же диалоге культивируемому софистами принципу правдоподобия (эйкос) Платон противопоставляет принцип истинности познания, соответственно требование глубокого изучения сути предмета становится главным условием деятельности оратора. Платон отмечает потенциальную опасность ситуации, при которой невежественные ораторы поучают других и вмешиваются в управление государством: «Когда оратор, не знающий, что такое добро, а что – зло, выступит перед такими же несведущими гражданами с целью убедить их, причем будет расхваливать... зло, выдавая его за добро, и, учтя мнения толпы, убедит ее сделать что-нибудь плохое вместо хорошего, какие плоды... принесет впоследствии посев его красноречия?» («Федр», 260D). Он настаивает на том, что оратор обязан уметь постичь суть предмета, уметь классифицировать и систематизировать явления, определить их признаки, дать дефиницию и т.д. Оратор, по его мнению, должен быть философом.

Стремясь подвести прочные научные основания под деятельность оратора, Платон поставил вопрос о необходимости изучать психологию восприятия и в связи с этим осознавать многообразие человеческих характеров: «Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу, тому, кто собирается стать оратором, необходимо знать, сколько видов имеет душа: их столько-то и столько-то, и они такие-то и такие-то, поэтому слушатели бывают такими-то и такими-то. Когда это должным образом разобрано, тогда устанавливается, что есть столько-то видов речей и каждый из них такой-то. Таких-то слушателей по такой-то причине нелегко убедить в таком-то такими-то речами, а такие-то потому-то и потому-то с трудом поддаются убеждению» («Федр», 271CD).

Таким образом, субъективизму риторики софистов, ораторская практика которых к тому же во многом носила интуитивно-эмпирический характер, Платон противопоставляет подход, в котором риторические рекомендации основываются на законах логики и психологии.

В диалоге «Кратил» Платон поставил важнейшую проблему соответствия имени и вещи, слова и предмета. Возражая софистам, которые утверждали конвенциональную природу слова, которое, по их мнению, является результатом договоренности людей, Платон настаивал на том, что слово выражает суть предмета, и тем самым исключал всякую возможность манипуляции истиной.

Платон беспощаден в своей оценке теоретических высказываний и ораторской практики софистов. В диалоге «Софист» он пародирует стиль софистов, их злоупотребление антитезами и параллелизмами, которые в выступлениях софистов являлись лишь средством достижения внешнего эффекта. Именно поэтому софистику Платон определяет как искусство, «творящее призраки», основанное на мнении, а не на знании. В своем пафосе отрицания софистики Платон приходит к отрицанию риторики и искусства красноречия в целом: в трактате «Государство» он изгоняет риторов, поэтов из идеального государства, ставя вопрос о запрете на публичное слово. Будучи убежденным сторонником аристократии, Платон отрицал демократическую форму государственного устройства, которую он отождествлял с властью толпы (черни) и демагогов, ораторствующих на трибуне и заботящихся лишь о собственном преуспевании.

Однако сказанное означает, что Платон одним из первых заговорил о риторике в контексте политических идей. Этические аспекты ораторского искусства неотделимы для Платона от таких существенных для него категорий, как «прекрасное», «мудрость» и «благо», от теории совершенного государства. Платон настаивал на том, что оратору в большей степени необходима четкая нравственная и философская позиция, нежели знание риторических правил.

Следует отметить также, что борьба Платона против риторики включала в себя еще один важный момент – стремление разделить сферы влияния философии и красноречия (риторики). Синкретизм гуманитарного знания должен был уступить самоопределению различных его отраслей; философия и риторика должны были, по мнению Платона, пойти – соприкасаясь и взаимодействуя – разными путями.

«Философская проза платоновских диалогов ... не удовлетворялась допущением полной условности речи, а искала для словесно-

го искусства объективный критерий правильности и предлагала в качестве такого две стоящие вне самого художественного произведения нормы: норму этическую и норму верности изображаемому объекту. «Материальный» субстрат словесного произведения – звук, стихотворный размер, гармония, ритм – получал в философской прозе свое истолкование, как носитель нравственного и смыслового содержания» [57, с.64].

Отметим также вклад Платона в развитие художественной прозы. Прежде всего этот вклад определяется разработкой формы диалога, которая у Платона отражает процесс напряженного поиска истины. В рамках диалога Платон постоянно использовал речи, многообразные по своему стилистическому воплощению и ораторским приемам; бытовые драматические сцены, мифологические рассказы.

Задания

1. Проанализируйте диалог Платона «Горгий» и дайте ответы на следующие вопросы:

– Как выявляются противоположные точки зрения Сократа и Горгия на красноречие, в чем суть этого различия?

– Как рассматривают Сократ и Горгий образ оратора – его функции в обществе, приемы воздействия на аудиторию, целевые установки ораторской деятельности?

– Как соотносятся практическая и духовная мораль (этика) в интерпретации Горгия и Сократа? Какую роль сыграла предложенная Платоном дифференциация различных видов морали в разработке этических основ искусства красноречия?

– Как проявляются различные методы ведения спора – диалектический и софистический – в этом диалоге? Какие способы продвижения к истине использует Сократ, как проявляется в его репликах установка на диалог? Как стремление Сократа найти истину реализуется в этических и этикетных формах его речевого общения?

2. Прочитайте диалог «Федр» и сопоставьте приведенные в нем речи Лисия и Сократа с точки зрения ораторского искусства. Как проявляются противоположные представления Лисия и Сократа о целях красноречия в используемых ими приемах убеждения?

3. Прочитайте диалоги Платона «Федр», «Теэтет», «Софист», трактат «Государство». Как эволюционирует отношение философа к слову, ораторскому искусству, риторике?

4. Прочитайте внимательно диалоги «Горгий» и «Федр» и попробуйте составить схемы, отражающие представление Платона о ложной («Горгий») и правдивой («Федр») риторике.

Рекомендуемая литература

Васильева Т.В. Беседа о Логосе в платоновском «Гезетете» // Платон и его эпоха: К 2400-летию со дня рождения. – М.: Наука, 1979.

Кессиди Ф.Х. Сократ. – М., 1976.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М.: Искусство, 1969.

Миллер Т.А. Основные этапы изучения «Поэтики» Аристотеля // Аристотель и античная литературная теория. – М., 1978.

Муратова К. Диалектический метод ведения спора (опыт семантико-лингвистического анализа диалога Платона «Горгий») // Риторика. – 1995. – №2. – С.146–159.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М., 1997.

Риторическое учение Аристотеля (384–322 гг. до н.э.).

Аристотель – величайший мыслитель древности. «По широте своего влияния на философскую и научную мысль древности, средневековья и нового времени Аристотель – фигура исключительного значения» [31, с.3]. Это объясняется не только широтой научных интересов ученого (наследие Аристотеля охватывает весь спектр научных вопросов – от глобальных философских до частных естественнонаучных и гуманитарных), но главным образом особым складом его мышления, в котором тонкий анализ сочетался с убедительной систематизацией понятий и категорий. В философии Аристотеля максимально проявилась специфика познания мира, свойственного античности, – склонность к кодификации.

Из многочисленных трудов Аристотеля, посвященных вопросам эстетики, о которых сохранились сведения у античных авторов, сохранились только четыре трактата – «О поэтическом искусстве (Поэтика)», «Риторика», «Политика» и XII книга «Метафизики»; кроме того, для понимания риторической концепции Аристотеля чрезвычайно важна его «Тописка» в 8 книгах, а также «Этика». Вместе с тем, риторическая концепция Аристотеля неразрывно связана с его эстетическим учением, и в этом ее определяющая специфика. Это своего рода метариторика, объединяющая сквозной проблематикой ряд работ, в центре которых лежат проблемы человеческого общения и которые в своей совокупности составляют целостное гармоничное учение. В отличие от своих предшественников, останавливавшихся, как правило, на уровне эмпирического описания приемов красноречия и утилитарно-прагматического подхода к риторике как своду образцов для подражания,

Аристотель создал комплексное «философское исследование проблемы прекрасного и принципов достижения его в искусстве слова, причем это искусство, в философском понимании, – не самоцель, а средство познания» [42, с.22].

В этом отношении важнейшим в философии и эстетике Аристотеля является термин «энтелехия» (entelecheia), объединяющий в смысловом единстве такие категории, как материя, эйдос – форма (идея) вещи, причинное происхождение вещи и ее целевое назначение. Комментируя этот введенный Аристотелем термин, А.Ф.Лосев пишет: «Это ... энергичное понимание вещи, полученное в результате совокупного объединения всех определяющих ее принципов, ... максимально насыщенная энергия вещи, максимально насыщенное ее выражение» [54, с.93-94]. В контексте данного термина большую определенность приобретает у Аристотеля античный термин «технэ» (techne), который обозначает уже не только «науку», «ремесло», «искусство», но главным образом – осмысленную, целесообразную деятельность. Этот максимальный акцент на модельно-порождающем (термин А.Ф.Лосева, см.: 54, с.355) аспекте характерен для аристотелевской «Риторике», в которой все слагаемые ораторского искусства впервые в античной традиции выступили в системном, целесообразном и поистине энергичном выражении. Конструктивной осью аристотелевской «Риторике» является триада оратор – речь – аудитория, которая именно у Аристотеля впервые становится системообразующим фактором, обуславливающим целесообразный и глубоко рефлексивный характер процесса речепорождения.

Второй существенной особенностью «Риторике» Аристотеля является ее вероятностный характер: риторика определяется им «как искусство убеждать, то есть как использование возможного и вероятного в тех случаях, когда абсолютная достоверность оказывается недоступной» [54, с.529]. В этом кроется одна из причин последующей экспансии риторической теории, когда идеи поэтики растворились в идеях риторики. Именно в «Риторике» Аристотеля были сформулированы законы не только ораторского искусства, но и всех поэтических жанров. Более того, в данной особенности риторики заложена огромная эвристическая способность возмещать «огромные провалы человеческой коммуникации, возникающие ввиду невозможности всегда пользоваться только одним достоверным знанием» [54, с.529], а значит, способность стать метанаукой гуманитарного знания в целом и искусства (литературы) в частности.

Наконец, важнейшим отличием риторической концепции Аристотеля является осуществленный мыслителем синтез теории и практики. Если для Платона характерен акцент на теоретическом аспекте риторической деятельности, а для Исократа на практическом, то Аристотель устранил это противоречие, создав учение, в котором эпистемологическое противоречие между наукой и ее практическим применением было снято.

«Риторика» Аристотеля состоит из трех книг. В первой части книги первой излагаются общие понятия и основные принципы риторики. Аристотель устанавливает соотношение риторики и диалектики, под которой он понимает учение о вероятных умозаключениях, то есть о таких умозаключениях, которые претендуют на правдоподобие, а не на абсолютную достоверность. «Диалектика, по Аристотелю, есть логика чистой возможности или вероятности, а не абсолютной достоверности» [54, с.531], соответственно «искусство, построенное на диалектической логике, ... есть риторика» [54, с.531]. Риторика – наука о законах мнения, в то время как логика – наука о законах знания. Принципы риторики, основанной на диалектической логике, определяют топика как совокупность топов (топов) – общих мест, позволяющих найти убедительное доказательство при отсутствии достоверных.

Таким образом, задача риторики по Аристотелю – «не убеждать, но в каждом отдельном случае находить способы убеждения» (1355b10), соответственно риторика – «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» (1355b25).

Аристотель выделяет два способа убеждения – «нетехнические» (к ним относятся свидетели, документы, показания и т.д.) и «технические», т.е. чисто риторические, и устанавливает зависимость способов убеждения от трех факторов: характера оратора, настроения аудитории (адресата) и самой речи, – подчеркивая их взаимообусловленность. Так формируется классическая триада оратор – речь – аудитория, в которой, как показывает Аристотель, все компоненты связаны многосторонними отношениями и выявляют универсальный характер самой риторики как науки: риторика охватывает данные всех гуманитарных дисциплин, изучающих человека в его многообразных проявлениях (логика, психология, политика и т.д.), и предлагает метод для нахождения доказательств.

Аристотель выделяет три способа доказательства в риторике: это пример (риторическое наведение), энтимема (риторический силлогизм) и кажущаяся энтимема (кажущийся силлогизм), дает

их определения, с тем чтобы вернуться к подробному толкованию во второй книге. Доказательство с помощью примера (индукция), по Аристотелю, предполагает, что на основании многих подобных случаев делается вывод о наличии какого-либо факта или явления; доказательство с помощью энтимемы (дедукция) предполагает, что из наличия какого-либо факта делается вывод, что всегда или часто он является причиной другого факта или явления. Интеллектуалистский характер риторических рекомендаций Аристотеля сказывается в следующем замечании: «Речи, наполненные примерами, не менее убедительны, но более впечатления приводят речи, богатые энтимемами» (1356b20).

Завершает первую часть первой книги классическое определение риторической речи, основанное на триаде оратор – речь – аудитория: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; он-то и есть конечная цель всего» (1358b). Исходя из этой взаимообусловленности, Аристотель во второй части первой книги предлагает четкую, логически целесообразную типологию ораторских речей, при этом основаниями классификации и характеристики каждого рода красноречия являются категории *цели* и *места* высказывания; *времени*, которое имеет в виду оратор, *посылок* (критериев), определяющих характер аргументации в речи, а также *способа убеждения*. Соответственно характеристика основных видов риторических речей, по Аристотелю, выглядит следующим образом:

Род риторической речи	Цель	Время, которое имеет в виду оратор	Место произнесения речи	Критерии, определяющие характер аргументации оратора	Способ убеждения
Совещательная	склонять или отклонять от решения	будущее	народное собрание	польза и вред	пример
Судебная	обвинять или оправдывать	прошлое	суд	справедливое и несправедливое	энтимема
Эпидейктическая, торжественная	хвалить или порицать	настоящее	форум	прекрасное и постыдное	преувеличение

Во второй части первой книги Аристотель подробно рассматривает внутренние принципы каждого рода речей.

Предмет совещательного красноречия – политика в таких ее аспектах, как финансы, война и мир, защита страны, ввоз и вывоз продуктов, законодательство. Аристотель настаивает на глубоком знании политическим оратором фактической стороны данных вопросов, а также видов государственного устройства, так как глобальная цель совещательного красноречия, подчеркивает он, – упрочить или же разрушить тот или иной строй. В то же время, обращая речь к конкретным людям, оратор апеллирует к их представлениям о пользе и благе. Аристотель формулирует способы убеждения относительно блага и полезного, к каковым он относит добродетель, удовольствие, счастье, добродетели души, красоту и здоровье, богатство и дружбу, честь и славу, умение хорошо говорить и действовать, природные дарования, науки, знания и искусства, жизнь, справедливость, то есть определяет топику совещательной речи. Столь же подробная разработка характерна для разделов, посвященных эпидейктической и судебной речи: Аристотель от предмета (объекта) – через определение исходных содержательных посылок – переходит к характеристике конкретных топосов данного рода красноречия.

Наряду с частной топикой (*idiotopoi*, *eide*) Аристотель разрабатывает и общую топику (*koinoi topoi*), в которой зафиксированы наиболее продуктивные и употребительные приемы мыслительной деятельности: определение (род и вид); сопоставление (сравнение, различие, степень); взаимосвязь (причина и результат; антецедент и последствие; противоположность); обстоятельства (возможное и невозможное; прошлое и будущее); доказательство (от авторитета; от свидетельств; от закона; от прецедента и т.д.). Всего же в восьми книгах его «Топики», примыкающей к «Риторике», систематизировано 360 общих мест (топосов).

Разработка топики (теории общих мест) является бесспорной заслугой Аристотеля и наиболее перспективным фрагментом риторического учения, его креативным ядром. Как подчеркивает современный исследователь, «для правильных суждений общие места представляют набор общепризнанных понятий, служащих операторами для описания мира» [63, с.29].

Здесь же Аристотель выявляет психологические механизмы убедительности и соотносит определенные приемы убеждения с тем или иным родом красноречия: «Вообще из приемов, одинаково принадлежащих всем [трем] родам речей, преувеличение всего

более подходит к речам эпидейктическим, потому что здесь оратор имеет дело с деяниями, признанными за неоспоримый факт; ему остается только облечь их величием и красотой. Что же касается примеров, то они наиболее подходят к речам совещательным, потому что мы произносим суждения о будущем, делая предположения на основании прошедшего. Энтимемы, напротив, [наиболее пригодны] для речей судебных, потому что прошедшее, вследствие своей неясности, особенно требует указания причины и доказательства» (1368a 25–30).

Вторая книга «Риторики» Аристотеля посвящена подробной разработке общих оснований ораторского искусства, очерченных в первой книге, и содержит учение о страстях, нравах и общих способах доказательства.

Вся аргументация Аристотеля во второй книге подчинена утверждению идеи взаимозависимости и взаимообусловленности слагаемых ораторского искусства и выявлению логических, психологических и эмоциональных оснований взаимодействия оратора и аудитории в процессе убеждения. К психологическим основаниям относятся нравственный облик оратора, а также страсти и нравы. «Так как сама риторика существует для вынесения решения, <...> необходимо не только заботиться о том, чтобы речь была доказательной и возбуждающей доверие, но также и показать себя человеком известного склада..., потому что для убедительности речи весьма важно..., чтобы оратор показался человеком известного склада и чтобы [слушатели] поняли, что он к ним относится известным образом, а также чтобы и они были к нему расположены известным образом» (1377b 20–25).

Аристотель выделяет важнейшие причины, возбуждающие доверие к говорящему, каковыми, по его мнению, являются разум, добродетель оратора и его благорасположение к аудитории, и обращается к учению о страстях.

«Страсти – все то, под влиянием чего люди изменяют свои решения, с чем сопряжено чувство удовольствия и неудовольствия» (1378A 20). Страсть – это то состояние, которое должен вызвать оратор в своих слушателях и с помощью которого может склонить их к принятию того или иного решения. Аристотель подробно рассматривает основные страсти (гнев, милость, любовь, дружба, страх, стыд, благодеяние, сострадание, негодование, зависть, соревнование), характеризуя их в трех аспектах – характер, предмет и причина страсти.

Таким образом, определяются возможные способы убеждения, которые могут быть использованы оратором, учитывающим психологические механизмы человеческих аффектов. Вот, к примеру, как завершается третья глава второй книги, посвященная анализу такой страсти, как гнев: «Очевидно, – пишет Аристотель, – что обязанность [оратора] – привести слушателей в такое состояние, находясь в котором, люди сердятся, и [убедить их], что противники причастны тому, на что [слушатели] должны сердиться, и что [эти противники] таковы, каковы бывают люди, на которых сердятся» (1380a).

Однако для того чтобы вызвать определенные страсти (аффекты) у слушателей, оратор должен учитывать не только значимые для его слушателей мотивы, факторы, но и характер аудитории. Аристотель ставит вопрос о том, что восприятие речи аудиторией всегда обусловлено такими факторами, как возраст, социальный и имущественный статус. Психологические характеристики, которые дает Аристотель различным типам аудитории, закономерно подводят к выводу о том, что оратор должен выбирать аргументы, значимые для данной аудитории и потому обеспечивающие максимальную эффективность ораторской речи.

К логическим основаниям взаимодействия оратора и аудитории относятся способы доказательства.

Риторика Аристотеля – это риторика убеждения, ибо главная цель любого оратора – добиться решения вопроса в свою пользу. «Убеждающие речи употребляются ради решения (ибо для того, что мы знаем и относительно чего приняли известное решение, не нужно никаких речей), а это бывает в том случае, когда кто-нибудь с помощью речи склоняет или отклоняет какое-нибудь отдельное лицо, как, например, делают люди, уговаривая и убеждая, так как один человек есть все-таки судья» (1391b 8–12). Аристотель указывает на наличие общих принципов достижения этой цели, не зависящих от рода красноречия. К ним он относит рассуждения о возможном и невозможном, о прошлом и будущем, о меньшем и большем, то есть универсальные топы, на которые может опираться оратор в своей аргументации.

К способам убеждения, согласно Аристотелю, относятся:

– *пример как риторическое наведение*: в качестве примера оратор может сослаться на реально случившиеся факты или сочинить вымышленные (притчи или басни). Предпочтительнее, по Аристотелю, примеры из реальной истории. При этом «примерами следует пользоваться в том случае, когда не имеешь энтимем для доказательства, ибо для того, чтобы убедить, требуется [какое-

нибудь] доказательство; когда же [энтимемы] есть, то примерами следует пользоваться как свидетельствами, помещая их вслед за энтимемами в виде эпилога» (1394а 10–15);

– *энтимема* – риторический силлогизм, который создается с помощью топов. Аристотель выделяет *показательные* (показывающие) энтимемы, т.е. такие силлогизмы, которые построены на основании посылок, признаваемых противником, и *изобличительные* энтимемы, т.е. силлогизмы с посылками, не признаваемыми противником; каждый из видов энтимем располагает своими топами (общими местами), которые подробно характеризуются во второй книге. Частным случаем энтимемы является *изречение* (сентенция) – утверждение общежитейского характера.

Вторую часть «Риторики» Аристотеля можно, таким образом, рассматривать как обоснование необходимости единства этоса, логоса и пафоса в ораторском высказывании, где *этос* отражает специфику аудитории и условий произнесения речи (отсюда вытекает риторическое требование *уместности*, т.е. соответствия характера используемых оратором словесных средств данной аудитории), *логос* – единство мысли и выражения, смысла и словесных средств его воплощения; *пафос* – целевая установка и замысел оратора, определяющие выбор им словесных средств и способы воздействия на аудиторию. Сказанное означает, что в категориях пафоса–логоса–этоса система функционального взаимодействия оратор – речь – аудитория приобретает психологическую, этическую и идеоречевую конкретизацию.

Третья книга посвящена проблемам стиля и построения (композиции) речи. Интеллектуальный характер риторической теории Аристотеля определяет отношение теоретика к проблеме стиля. Аристотель не преувеличивает значение внешней отделки ораторского произведения: «Справедливо сражаться оружием фактов так, чтобы все находящееся вне области доказательств становилось излишним. ... При всяком обучении стиль необходимо имеет некоторое небольшое значение, но все-таки [значение это] не так велико, [как обыкновенно думают]: все это относится к внешности и касается слушателя» (1404а 5–10).

Аристотель создает теорию классического стиля, поэтому основными достоинствами ораторского стиля он считает ясность («раз речь неясна, она не достигнет цели» – 1404b) и уместность (соответствие предмету речи). Ясность речи обеспечивается отбором слов и фигур: оратор должен предпочитать общеупотребительные незаимствованные однозначные слова и выражения, по-

сколькo новые слова, необычные омонимы затрудняют восприятие смысла. Напротив, правильность языка способствует ясности, с этой целью оратор должен точно употреблять союзы, избегать описательных выражений (перифраз) и иносказаний, многосоюзия, использовать правильные грамматические формы и согласования, а также четкие синтаксические конструкции. Признаком хорошей ораторской речи, по Аристотелю, является ее удобочитаемость и удобопонимаемость. Поэтому из всей номенклатуры тропов Аристотель выделяет метафору, которая, по его мнению, «обладает ясностью, приятностью и прелестью новизны» (1405а 5) и заключает в себе загадку, а также эпитет и уменьшительные выражения.

Основным регулятором стиля Аристотель считает чувство меры. Указывая на срединное положение, которое занимает стиль ораторской прозы между естественным стилем разговорной речи и искусственным стилем поэтической речи, Аристотель подчеркивает, что злоупотребление поэтическими приемами (к таковым он относит сложные слова, необычные выражения, длинные и неуместные эпитеты и метафоры) делает ораторский стиль холодным (выспренным), искусственным и привносит в него «оттенок чего-то чуждого» – поэтичности. «Следует стремиться к умеренности, потому что [неумеренность здесь] есть большее зло, чем речь простая, [то есть лишенная эпитетов]: в последнем случае речь не имеет достоинств, а в первом она заключает в себе недостаток» (1406а 15).

Критерий меры у Аристотеля функционально обусловлен («стиль будет обладать надлежащими качествами, если он полон чувства, если он отражает характер и если он соответствует истинному положению вещей» – 1408а 10) и является одним из условий, обеспечивающих доверие слушателя к оратору («Стиль, соответствующий данному случаю, придает делу вид вероятного» – 1408а 20). Аристотель настаивает на соотносённости рода речи и стиля, указывает и на различие между стилем устной и письменной речи.

Итак, Аристотель создает стройную теорию того, что на языке современных эстетических понятий именуется классическим стилем. «Этот стиль – ясный, исключая холодность, нехаотический, в меру сжатый, в меру длительный, соответствующий действительности (характерам, возрасту, полу, национальности), в меру патетический, общедоступно языковой, ... стиль, в котором *пафос* и *необычность* умело соединены с *ясностью*, *мерой* и общедоступностью» [54, с.544].

Важным разделом стилистической теории Аристотеля является разработанное им учение о ритме прозы и о периодической речи. Стиль, подчеркивает Аристотель, не должен быть ни метрическим, ни лишенным ритма. «В первом случае [речь] не имеет убедительности, так как кажется выдуманной, и вместе с тем отвлекает внимание [слушателей], заставляя следить за возвращением сходных [повышений и понижений]. ... Стиль, лишенный ритма, имеет незаконченный вид, и следует придать ему вид законченности, но не с помощью метра» (1408b 20–25).

Следует подчеркнуть, что все стилистические рекомендации Аристотеля отражают его установку на потенциального слушателя ораторской речи. Наиболее отчетливо эта установка сказывается в том, как Аристотель аргументирует свои тезисы. Так, устанавливая наличие стиля непрерывного и стиля периодического, он дает функциональное объяснение превосходства периодической речи. «Я называю непрерывным такой стиль, который сам по себе не имеет конца, если не оканчивается предмет, о котором идет речь; он неприятен по своей незаконченности, потому что всякому хочется видеть конец... Стилем же периодическим называется стиль, составленный из периодов.

Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозреть. Такой стиль приятен и понятен» (1409a 30–35 – 1409b 0–5).

Функционально обусловлена и предлагаемая Аристотелем структура ораторской речи, в которой теоретик, помимо предисловия и заключения, выделяет обвинение, рассказ и доказательство, и определяет функции каждой части высказывания.

Подводя итог, можно сказать, что риторика Аристотеля – искусство убеждения. При этом его риторика «вовсе не говорит относительно объективных предметов в их абсолютной данности, но говорит о них только постольку, поскольку они восприняты человеком, поскольку он их понимает, поскольку они его убеждают» [54, с.539].

Риторическое учение Аристотеля – явление классической эстетики, подчиняющееся принципам меры, ясности, целесообразности. Вместе с тем Аристотель вошел в историю как парадигматическая фигура всей европейской цивилизации, поскольку в его философии, во-первых, концептуализирована взаимосвязь знания, политики, языка и общества, во-вторых, продемонстрирован тот тип рационалистической ментальности, которая и сегодня характеризует западный мир.

Вопросы и задания

1. Прочитайте разделы книги А.Ф.Лосева «Аристотель и поздняя классика», посвященные анализу риторической теории Аристотеля (см.: 54, с.522–544, а также с.249–262). Как вы понимаете следующую характеристику: «... Риторическое искусство Аристотеля есть одна из тех интереснейших областей, где иррациональная сторона человеческой мысли, человеческой жизни и творчества показана во всей своей логической значимости. Аристотель много потрудился для того, чтобы вскрыть логическую природу таких, казалось бы, нелогических процессов, каким является всякое убеждение одного человека другим человеком» (54, с.529–530)?

2. Как сказывается вероятностный характер «Риторики» Аристотеля в его учении об общих принципах убеждениях, о страстях, о стиле? Найдите в тексте примеры, подтверждающие ваше мнение.

3. Пр продемонструйте на тексте «Риторики» принципы функциональной взаимозависимости оратора, речи и аудитории.

4. Опираясь на изученное ранее, проанализируйте «Риторику» Аристотеля как завершение и обобщение теоретических разысканий предшественников и полемику с ними. Как в этом аспекте соотносится риторическое учение Аристотеля с идеями софистов с одной стороны и идеями Сократа и Платона с другой?

5. Считается, что одним из самых продуктивных разделов риторики для современной гуманитарной науки является инвенция, или учение о нахождении, в частности такой его раздел, как топика. Проанализируйте в этом аспекте трактаты Аристотеля «Топика» и «Риторика». В какой мере, на ваш взгляд, оправданна такая оценка? Применимы ли топосы, выделяемые Аристотелем, для современного оратора?

6. Подведите итог изучению первого периода развития античной риторики, обозначив кратко основные достижения и продуктивные противоречия ораторской практики и риторической теории V–IV вв. до н.э.

Рекомендуемая литература

Лосев А.Ф. Риторическая эстетика // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М.: Искусство, 1975.

Лосев А.Ф. Античные теории языка и стиля в их историко-литературной значимости // Античные риторики / Под ред. А.А.Тахо-Годи. – М., 1978.

Миллер Т.А. Аристотель и античная литературная теория // Аристотель и античная литература. – М., 1978.

Трохачев С. Аристотель и классическая теория литературы // Аристотель. Поэтика. Риторика. – СПб., 2000.

Развитие риторической теории в эпоху эллинизма (III–I вв. до н.э.). Эпоха эллинизма принесла смену культурных доминант: культ крайности после культа гармонии, культ индивидуальности после культа общей нормы [35, с.398]. В литературе это выразилось в распространении декоративности, монументальности и в то же время внимания к быту, психологии.

Красноречие в эпоху эллинизма утрачивает свое значение: судебное и политическое красноречие уступает первенство эпидейктическому красноречию, которое возле тронов начинает превращаться в пустословие. Цель оратора теперь – не убедить слушателя, а понравиться ему, поэтому ценятся пышность, формальный блеск, который достигается с помощью словесной игры, ритмизации и метафоризации речи. Эта тенденция наметилась уже в ораторском творчестве Деметрия Фалерского (к. IV в. до н.э.) и достигла апогея в речах Гегесия (III в. до н.э.). В I в. до н.э. подобный изнеженный, пышный стиль получит название «азианство», поскольку его возникновение будут связывать с восточным влиянием. Однако, как подчеркивает М.Л.Гаспаров, «азианский стиль» является результатом естественной эволюции классического стиля в новых условиях [35, с.418]. Как диалектический противовес азианству в I в. до н.э. появляется стремление подражать языку и стилю аттических ораторов IV в. – аттицизм. Борьба азианства и аттицизма определяет диапазон поисков в области теории и практики красноречия на протяжении всей эллинистической эпохи.

Отсутствие реальной трибуны для политических и судебных ораторов приводит к бурному развитию так называемой школьной риторики – сочинению декламаций, речей по вымышленным поводам, политическим (суазории) и судебным (контроверсии). Измельчение предмета красноречия, учебный характер риторики как одного из направлений античного образования демонстрирует кризис ораторского искусства и подтверждает известное правило, согласно которому оратору в первую очередь необходима общественная трибуна. Вместе с тем именно от контроверсий и суазорий берут свое начало беллетристика и позднейшая художественная проза.

Следует сказать также и о том, что в эпоху эллинизма появляется идея подражания образцам. С этой целью в III в. до н.э.

определяется канон десяти аттических ораторов, в который входили Антифонт, Андокид, Лисий, Исократ, Исей, Ликург, Демосфен, Гиперид, Динарх, Эсхин. Подражать им предлагалось новейшим поколениям ораторов.

Начинается литературизация риторики: риторические приемы все шире проникают в произведения разных жанров, например в трагедии, комедии, в историческую прозу.

Закономерным результатом новой культурной ситуации стало бурное развитие риторической науки за счет дифференциации и детализации уже существующих теоретических предписаний. Новым вкладом была система статусов – теория «нахождения», разработанная Гермагором (II в. до н.э.) для судебного красноречия, но имеющая более широкий познавательный смысл. По существу Гермагор предпринял попытку философской систематизации риторики. В споре азианизма и аттицизма Гермагор поддерживал сторонников классического наследия и призывал к проведению новых исследований в области риторики.

Уже в эпоху римского господства, когда греческие традиции развиваются в рамках римской культуры, были созданы трактаты *Дионисия Галикарнасского* (ок. 55–8 гг. до н.э.) «О соединении слов» и *Деметрия* «О стиле».

Дионисий, который был родом из малоазийского города Галикарнасса, двадцать лет прожил в Риме, где преподавал ораторское искусство. Ему принадлежат: трактаты «О старинных ораторах», «О Динархе», «О Фукидиде», в которых он выступает пропагандистом греческой культуры слова; «Риторика», в которой он подробно разрабатывает теорию торжественного красноречия; «Письма» с интересными характеристиками стиля известных греческих писателей и ораторов.

Наибольший интерес представляет его сочинение «О соединении слов», в котором Дионисий развивает идею музыкальности речи, подчеркивая необходимость единства мысли и выражения: «Как бесполезна хорошая мысль, если ты не украсишь ее прекрасным словесным выражением, так точно и здесь нет никакого проку в изыскании чистого, благозвучного выражения, если последнее не вправлено в соответствующее ему красивое построение» (*Cosmon ... Harmonias*) (11). Стиль Дионисий оценивает в категориях прекрасного и приятного, которые, по его мнению, создаются с помощью мелодии и ритма. Теоретик подчеркивает необходимость ритмического разнообразия ораторской речи: своевременные перемены ритма, разнообразия строй речи, делают его прият-

ным; в то же время «строй речи должен быть свойственным и соответствующим содержанию» (69-70), а также учитывать нравы и страсти аудитории. Так на уровне стиля в учении Дионисия реализуются идеи аристотелевской «Риторики» о единстве этоса, пафоса и логоса в ораторской речи.

Логично вытекает из этого общего постулата учение Дионисия о трех стилях, в котором ощутимо стремление теоретика определить индивидуальные особенности поэтической и прозаической формы. Как отмечает А.А.Тахо-Годи, единство эстетическо-этических и физических характеристик отличает развиваемую Дионисием теорию звуковых свойств языка и теорию ритма (см.: 1, с.321). Это единство определяет и стилистическую теорию Дионисия, которая фиксирует прежде всего восприятие ораторской речи слушателем (аудиторией). Соответственно этому восприятию Дионисий выделяет строгий (*austera*), изящный (*glaphyga*) и средний (*coine*) стили, при этом строгий стиль отмечен такими характеристиками, как «шероховатость», «шершавость», «значительность», а изящный – «гладкость», «полированность», «выпуклость».

Деметрий в своем трактате «О стиле» называет четыре стили: простой, или скучный (*ischnos*), величественный, или торжественный (*megaloprepes*), изящный, или гладкий (*glaphygos*) и мощный, или сильный (*deinos*), а также исследует возможность их сочетания, пытаясь обосновать логические законы такого сочетания. Типология стилей Деметрия основана не только на конструктивных особенностях речи и словесном составе, но и на характере мыслей, высказываемых оратором.

Стилистическая теория Дионисия и Деметрия в полной мере отражает вкусы эллинистической эпохи.

В разработке риторической теории намечается и педагогический компонент: разрабатываются упражнения для будущих ораторов, составляются сборники сюжетов для контroversий. Во времена Александра Македонского в рамках масштабной культурной программы (*paideia*) была разработана система образования, которая просуществовала в Европе вплоть до недавнего времени. Согласно этой программе обязательному изучению во всех школах империи подлежали предметы тривиума (грамматика, риторика и логика) и квадравиума (арифметика, геометрия, музыка, астрономия). Предметы тривиума (*artes sermoniales*, «словесные искусства») и квадравиума (*artes reales/materiales*, «реальные/материальные» искусства) в своей совокупности составляли «семь свободных искусств». Риторика в системе тривиума занимает цент-

ральное место. Данное обстоятельство стимулировало разработку стандартных компонентов подготовки ораторов. В число обязательных упражнений входили: 1) пересказ сюжетов поэтических и исторических сочинений; 2) составление хрии на основе амплификации изречений или пословиц с помощью парафразы, иллюстрации, сравнения и цитирования; 3) использование топики при составлении различных видов ораторских речей на вымышленные темы; 4) упражнение в сравнении различных предметов и явлений; 5) упражнение в просописии – составлении монологов от лица вымышленного или исторического персонажа; 6) упражнение в описании (экфразис) предметов, в словесной живописи; 7) упражнение в аргументации за или против какого-либо закона или теоретического утверждения. В сочетании с контрверсиями и суазориями данная система отражает представления античных риториков о методике обучения ораторскому искусству. Причина такого внимания к развитию методики обучения риторике кроется в бюрократических нуждах эллинистического государства; система риторического образования закрепляет статус государственного человека как человека говорящего.

Кризис эллинизма в к. III в. до н.э. приводит к затуханию гуманитарного знания и литературы. Последним значимым эпизодом в истории древнегреческой риторики эпохи эллинизма можно считать спор между школой Аристарха Самофракийского и Кратета Малльского об основаниях нормы литературного языка («аналогия» или «аномалия»). Перспективным для дальнейшего развития искусства прозы, в том числе и для ораторской прозы, было создание жанра диатрибы (Бион Борисфенский и Менипп) – философского диалога в монологической форме.

Вопросы и задания

1. Сравните стилистические концепции Аристотеля, Дионисия и Деметрия. В каких категориях формулирует Аристотель идеи классического стиля, как сказывается у Дионисия и Деметрия их эллинистическая ориентация? В чем каждый теоретик находит излишества, крайности стиля? В чем проявляется единство этических и эстетических принципов каждого?

2. В каких направлениях осуществляет Деметрий детализацию риторических рекомендаций Аристотеля в теории стиля? Как связаны у Дионисия и Деметрия форма и содержание ораторской речи? Что для теоретиков эпохи эллинизма означает формула

«риторика – искусство говорить хорошо»? Какие новые смысловые аспекты появляются в этой формуле и как они проявляются в стилистических рекомендациях Дионисия и Деметрия?

Рекомендуемая литература

Грабарь-Пассек М.Е., Гаспаров М.Л. Эллинистическая литература III–II вв. до н.э. // История всемирной литературы. – Т.1. – М.: Наука, 1983.

Комментарии // Античные риторики. – М., 1978. – С.287–344.

Римская риторика периода республики. В III в. до н.э. центром развития теории и практики ораторского искусства становится Рим. Особенности ментальности римлян: практицизм, рассудочность, культ индивидуализма – обусловили их более прагматичное отношение к красноречию, которое было призвано обслуживать прежде всего политическую деятельность, и поэтому характерный для греческой цивилизации культ слова не свойствен цивилизации римской.

Взлет красноречия связан с историей республиканского Рима, когда бурная политическая жизнь, включавшая в себя всенародное обсуждение государственных законов, прения в сенате, выдвинула таких известных ораторов, как Гай Гракх, Луций Лициний Красс, Марк Антоний, Марк Порций Катон. Именно политическое красноречие наиболее интенсивно развивается в Риме, причем установка на политическую действенность определила характерные особенности раннего римского ораторского искусства – лаконичность (ср. афоризм Катона Старшего «Придерживайся сути дела – слова найдутся»), пристрастие к инвективам, афористичность и остроумие.

Однако достаточно быстро в римском красноречии возникает тенденция к пышному азианскому стилю. Как результат – появляются первые риторические школы, которые поначалу осваивают уроки греческого красноречия и пытаются создать собственные учебники риторики на латинском языке. Так, между 86 и 82 гг. до н.э. в Риме появилась анонимная «*Риторика к Гереннию*» – системное изложение эллинистических руководств, но с примерами из речей ранних римских ораторов. Попытки властей противостоять распространению риторического знания (в 92 г. до н.э. был издан указ о закрытии риторических школ) были безуспешны: в обстановке начинающихся гражданских войн, когда повышается ценность ораторского искусства, когда «стало ясно, насколько средний оратор, владеющий

риторической техникой, выше среднего оратора, не владеющего таковой, ... когда стало возможным учиться тайнам красноречия, а не только перенимать их у отцов, ораторы из «новых людей», стремящихся к власти, оказались в равном и даже превосходящем положении по сравнению со своими противниками – родовитыми ораторами-сенаторами» [35, с.436]. Риторика в Риме утверждает свои права, равно как и красноречие, влияние которого распространяется и на зарождающуюся римскую прозу, и на историографию, и на публицистику (публицистические трактаты пишутся в форме речей). Как и в Греции, в Риме обозначилось противостояние между азианством и аттицизмом. В борьбе этих тенденций развивается история собственно римского красноречия и риторики.

Специфика римской ментальности и особенности римской истории объясняют характер искусства и науки красноречия у римлян – стремление к пышности, подражательность и отсутствие новых идей. «Их можно считать скорее эрудитами, нежели творцами. Они стремились больше к передаче взглядов греческих теоретиков, чем к их развитию» [67, с.165].

Вопросы и задания

1. Какие философские, культурные и общественно-политические факторы повлияли на характер римского красноречия и на отношение римлян к риторике?

2. Познакомьтесь по трактату Цицерона «Брут» с историей раннего римского красноречия. Какие факторы выделяет Цицерон в формировании ораторов? Как связывает он развитие красноречия с развитием культуры в целом? С развитием риторической и философской мысли? С политическими обстоятельствами?

Рекомендуемая литература

Гаспаров М.Л. Римская литература III–II вв. до н.э. Греческая и римская литература III–II вв. до н.э. – II–III вв. н.э. // История всемирной литературы: В 9 т. – Т.1. – М.: Наука, 1983.

Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика: Вст. ст. // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л.Гаспарова. – М.: Наука, 1972.

Вершиной римского красноречия является творчество Марка Туллия *Цицерона* (106–43 гг. до н.э.), политика, философа, оратора, автора семи трактатов об ораторском искусстве.

Как оратор Цицерон подвизался на политическом и судебном поприще. Из его ораторского наследия сохранилось 58 речей; кроме того, от 17 речей остались отрывки; еще 30 речей известны благодаря упоминаниям о них у самого Цицерона и у других авторов. Известно, что Цицерон редактировал свои речи после их произнесения, привнося дополнительную аргументацию и уделяя много внимания их стилистической обработке. Самые известные речи Цицерона: пять речей против Верреса, четыре речи против Катилины и четырнадцать «филиппик» (речей против Антония) – были порождены ситуацией нарастающей гражданской войны между сторонниками республики и защитниками утверждающейся империи. Именно благодаря удивительному ораторскому дару Цицерон, в котором широта и основательность сочетались с художественным вкусом писателя и гражданским темпераментом политика, сумел сделать политическую карьеру, пробившись из сословия всадников в число римских сенаторов.

В самом деле, огромная роль Цицерона в истории римской и – шире – мировой культуры определяется прежде всего его яркой индивидуальностью: «Цицерон – первый в европейской и мировой литературе писатель, за сочинениями которого с планомерной отчетливостью выступает его собственная личность» [35, с.444]. Несомненна его заслуга в нормализации латинского языка – функциональной систематизации лексики, грамматических форм и синтаксических возможностей языка в проекции на различные стили речи. При этом стилистическая дифференциация в прозе Цицерона зависела не только от жанра произведения (трактат, письмо, ораторская речь), но и от рода красноречия, а также типа адресата. К стилистическому разнообразию Цицерон стремился даже в пределах одной речи, в изложении используя шутки, а в заключении поднимаясь до высокого пафоса.

Однако наиболее важным является вклад Цицерона в разработку и совершенствование приемов риторической обработки текста. Из древности дошла до нас поговорка: «Трудно сказать короче, чем Цезарь, и пространнее, чем Цицерон». Совершенство ораторского искусства Цицерона таково, что его имя стало нарицательным, означая высшую ступень красноречия. Выдающийся ритор Квинтилиан писал: «Небо послало на землю Цицерона <...> для того, чтобы дать в нем пример, до каких пределов может дойти могущество слова». Арсенал риторических приемов Цицерона многообразен. Используя риторические вопросы и восклицания, различные виды повторов, перечисления, иронию и персонифика-

цию, Цицерон добивается максимального воздействия на слушателей, воздействия прежде всего эмоционального. Логическая стройность композиции не является сильной стороной речи Цицерона, поскольку оратор часто отклоняется в сторону от намеченного плана, иногда он впадает в многословие и патетику. Однако эти недостатки искупаются блестящими рассказами в повествовательной части, в которой оратор проявляет себя как мастер художественной прозы, оживляя изложение события анекдотами, воображаемыми диалогами между действующими лицами, портретными характеристиками исторических деятелей, а также цитатами, сентенциями, поговорками и словесной игрой. Общее впечатление закрепляется эффектом периодической речи, мастером которой был Цицерон.

Теоретическим проблемам риторики, кроме раннего компилятивного сочинения «О нахождении», посвящены три трактата Цицерона «Об ораторе», «Брут», «Оратор». Риторическая трилогия Цицерона носит полемический характер: она направлена против характерной для эпохи эллинизма школьной риторики; критика беспредметного красноречия, оторванного от политической борьбы и сосредоточенного на эстетическом наслаждении, ведется автором сразу с двух сторон – с позиций греческой философии и римской политики [36, с.25].

В первом трактате, написанном в форме беседы между крупными ораторами, предшественниками Цицерона, обсуждается проблема связи красноречия с политикой и философией. Формулируя идеал политического оратора, Цицерон настаивает на необходимости разностороннего образования, опыта и политической благонадежности как нравственного основания ораторского мастерства. Оратор, объединяя в себе философа и политика, своим искусством должен служить благим целям и потому должен обладать разносторонними знаниями. Красноречие, согласно Цицерону, – вершина словесного искусства, оно выше поэзии, поскольку красноречие служит истине, а поэзия – наслаждению. Идеальный образ политического оратора подкрепляется в трактате сведениями о технологии ораторского мастерства, содержащимися в основных разделах риторики – нахождении, расположении, словесном оформлении, памяти и произнесении. Поэтому образование оратора должно включать как позитивное (сведения разных наук), так и собственное риторическое знание. Проблемы стиля и ритма Цицерон рассматривает в трактате «Оратор».

В трактате «Брут» Цицерон обобщает историю римского красноречия, краткий обзор которого включает имена более 200 ораторов, и излагает свою биографию.

Вопросы и задания

1. Проанализируйте одну из речей Цицерона и покажите, как связаны в ней общественно-политическая ситуация и приемы красноречия, используемые оратором. Как проявляется в речи идейная позиция и нравственно-психологический облик оратора? Почему речи Цицерона против Антония называются филиппиками? На какую традицию опирается в данном случае оратор?

2. Познакомьтесь с трактатами Цицерона об ораторском искусстве. Сопоставьте различные точки зрения на природу красноречия, на задачи риторики, высказанные в трактате «Об ораторе». Почему Цицерон выбрал для своего трактата диалогическую форму? Как она способствует рассмотрению таких важнейших риторических проблем, как: условия и истоки истинного красноречия; соотношение содержания речи и ее словесного оформления; роль «цветов красноречия» в ораторском искусстве? Какова стилистическая теория Цицерона и как она связана с представлением теоретика о целях ораторского искусства? Какой вклад вносит Цицерон в разработку проблемы ритма ораторской речи и ее периодической структуры? Как рассматривает проблему сочетания слов?

3. Как Цицерон в своих трактатах разрабатывает проблему психологии аудитории и роли социальных условий для развития искусства красноречия? Сравните концепцию Цицерона с концепцией Аристотеля: в чем Цицерон следует за своим предшественником и в чем отходит от него? Попытайтесь объяснить, чем вызваны эти отступления.

4. Проанализируйте трактат «Брут»: какие факторы и условия, повлиявшие на становление римских ораторов, выделяет Цицерон? Какова его концепция развития римского красноречия? Как соотносятся в этой концепции внутренние и внешние факторы?

Рекомендуемая литература

Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972.

История римской литературы / Под ред. С.И.Соболевского. – М., 1959.

Кнабе Г. Цицерон, культура и слово // Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения. – М.: Худ. лит., 1975.

Цицерон: Сб. ст. / Под ред. Н.Ф.Дератани, С.И.Радцига, И.М.Нахова. – М., 1959.

Цицерон: Сб. ст. / Под ред. Ф.А.Петровского. – М., 1958.

Утченко С.Л. Цицерон и его время. – М.: Мысль, 1972.

Теория и практика римского красноречия I–III вв. н.э.

Новый этап в развитии риторической теории и практического красноречия начинается после падения римской республики и утверждения империи в I в. н.э. Уходит в прошлое политическое красноречие, уступив место красноречию торжественному (эпидейктическому). Как скажет Тацит в «Диалоге об ораторах», «Август умиротворил красноречие». Важно и другое. В.Татаркевич приводит мнение автора анонимного трактата I в. н.э. «О возвышенном» о причине отсутствия великих людей во всех сферах римской жизни, в том числе и в искусстве красноречия, которая, по мнению теоретика, кроется в отсутствии внешней и внутренней свободы: «Мы, люди современной эпохи, с детства возрастаем в духе деспотизма... и не пьем от самого прекрасного и выдающегося источника, источника свободы. Всякий деспотизм, даже самый справедливый, все равно только клетка и всеобщая тюрьма. <...> Корыстолюбие, которым все охвачены в своей ненасытности, и жажда наслаждения делают нас рабами» [Цит. по: 67, с.166].

Детальная разработка римского права, как частного, так и государственного, сделала излишним красноречие судебное. «Разрушение гуманистического идеала политической активности как единства философии и красноречия, в последний раз провозглашенного Цицероном, в равной степени отразилось на судьбе и философии, и красноречия. Как философия все больше уходит в религию, так красноречие все больше уходит в эстетическую игру стилем» [35, с.469]. Становится популярным так называемое «новое красноречие», характерными чертами которого были короткие, рубленые фразы, игра парадоксами, антитезами, увлечение сентенциями, т.е. погоня за внешними эффектами.

Получают распространение риторические школы, в которых основным видом занятий стали декламации – речи на вымышленные темы. Сенека Старший (Сенека-ритор) на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. составил сборник риторических упражнений «Контроверсии», в котором темы для судебных речей сопровождаются ценными автобиографическими, бытовыми сведениями, а также материалами о современных ораторах. Как и в Греции, контроверсии и суазории оказали влияние на разработку не только риторической,

но и литературной техники, в частности на становление романа. Другим примером школьных риторических руководств могут быть девять книг «Достопамятных деяний и изречений» Валерия Максима (31 г. н.э.) – собрание необходимых для оратора исторических примеров и афоризмов. В риторических школах закрепляется «новый стиль» красноречия.

Памятниками теоретической мысли данного периода, отразившими противостояние «нового стиля» с одной стороны и формирующейся классической реакции на этот стиль с другой, являются анонимный греческий трактат «О возвышенном» (40-е гг. н.э.), долгое время приписывавшийся ритору II в. н.э. Лонгину, и сочинения Марка Фабия *Квинтилиана* (35–96 гг.) – трактат «О причинах упадка красноречия» и обширный труд «Образование оратора», своеобразный компендиум античной риторической науки, в котором вопросы собственно риторические рассматриваются вкуче с вопросами педагогическими.

Непосредственным поводом для написания трактата «О возвышенном» послужило появление трактата ритора Цецилия с тем же названием, однако псевдо-Лонгин подключается к более широкому кругу дискуссионных проблем, обсуждавшихся сторонниками азианства и аттицизма. Псевдо-Лонгин осуждает крайности стиля, в чем бы они ни выражались; он ставит вопрос о природе категории возвышенного и, в отличие от Цецилия, который сводил возвышенное к стилистическому явлению, видит истоки возвышенного в пафосе и экстазе оратора: «... в речах следует искать то, что возвышает их над повседневной человеческой жизнью». Эта исследовательская установка определяет его интерпретацию фигур речи, в характеристике которых он акцентирует их психологическое воздействие. Например, преимущество такой фигуры, как асиндетон (бессоюзие), он объясняет так: «Союзы до гладкости отполировали все неровности и шероховатости патетической речи, соскоблив заодно же всю ее остроту и блеск. <...> Подобно бегуну, которого внезапно связали и лишили свободы передвижения, спотыкается патетическая речь, опутанная союзами и прочими препятствиями» [9, с.43-44].

Подчеркивая роль демократических свобод в развитии искусства красноречия, автор трактата приводит слова неизвестного философа: «Раб никогда не может быть оратором. Боязнь свободного слова, подобно некоему недремлющему стражу, сразу же бурно закипает в его груди и смиряет его, привыкшего к постоянным побоям <...> Для человека любое рабство – тот ящик, в который,

словно в темницу, заключена его душа, ... а от пребывания в нем душа становится ничтожной и безобразной» [9, с.79].

В отличие от автора трактата «О возвышенном» Квинтилиан основной причиной упадка красноречия считает несовершенство системы подготовки ораторов и потому разворачивает масштабную концепцию риторического обучения, в основе которой – воспитание личности оратора. Средством этого воспитания, по его мнению, является формирование нравственности и вкуса; при этом нравственный облик оратора зависит как от уровня его общей культуры (оратору необходимо знание философии, гражданского права и истории), так и от образа жизни («Нельзя быть истинным оратором, не будучи честным человеком»), а вкус обеспечивается постоянными риторическими занятиями, прежде всего чтением текстов образцовых ораторов. Идеальным образцом для подражания, согласно Квинтилиану, является Цицерон, однако наследие Цицерона Квинтилиан трансформирует в соответствии со вкусами эпохи: «Для Цицерона основу риторики представляет освоение философии, для Квинтилиана – изучение классических писателей; Цицерон хочет видеть в ораторе мыслителя, Квинтилиан – стилиста; Цицерон ратует против школярства, за практическое образование на форуме, у Квинтилиана центром всей образовательной системы является риторическая школа; для Цицерона критерий ораторского успеха – одобрение народа, для Квинтилиана – суждение литературно искушенных ценителей. Все показывает глубокую разницу двух эпох: при Цицероне красноречие было орудием общественной борьбы, при Квинтилиане – стало ученым развлечением в общественном застое» [35, с.480].

Эта исторически взвешенная оценка тем не менее не должна заслонять значение труда Квинтилиана как первого педагогического руководства, многие рекомендации которого не утратили актуальности по сей день. Среди них выделим следующие соображения: в детстве важны культурный уровень семьи и среды, грамотная речь людей, окружающих ребенка; развитие памяти; заучивание в процессе игры изречений, стихотворных строк; формирование дикции через произнесение скороговорок; на стадии школьного обучения – постоянные упражнения в составлении речей; анализ литературных (поэтических) произведений с точки зрения стиля – выяснение значений слов, малоупотребительных выражений; анализ фигур и тропов; обязательные упражнения в грамматике и орфоэпии; чтение ораторов и историков; упражнения в пересказе произведений разных жанров, в переложении стихов в прозу, в пе-

реводе с одного языка на другой и т.д. По существу Квинтилиан создал стройную педагогическую систему воспитания языковой личности. В то же время Квинтилиан оформил классическую методику обучения ораторскому искусству, которая предполагает изучение риторической теории, изучение классических образцов ораторского искусства, подражание образцам и собственную ораторскую практику. Настаивая на знании риторических правил, Квинтилиан предостерегает от слепого следования им: «Риторика была бы наукою весьма легкою и маловажною, ежели бы состояла из столь малого числа кратких правил». Оратор, по мнению Квинтилиана, должен соотносить риторические рекомендации со здравым смыслом и иметь в виду приличие (соответствие ситуации) и пользу слушателя. «Великого труда, непрерывного учения, многих опытов, совершенного благоразумия и здравого рассудка требует наука красноречия» [6, ч.1, с.139].

Можно согласиться со справедливым утверждением Ю.В.Рождественского: «...Риторика Квинтилиана – это первая строгая методическая система, отличающаяся всеми признаками систем программированного обучения.

Как и всякая система программированного обучения, эта система не считается с индивидуальными способностями, с интуицией обучающегося, с возможностями переноса механизмов психики с одних задач на другие... Но данная система безусловно воспитывает риторическую грамотность, если все элементы обучения будут пройдены прочно.

Развитие риторики после Квинтилиана показывает, что никто не достиг в последующих риториках методической цельности в пределах поставленной образовательной задачи. Все последующие риторики под воздействием стиля речевых отношений разрабатывали какие-то блоки схемы Квинтилиана – то учение о фигурах, то учение об общих местах, то аргументацию, то дикцию, то формы устных и письменных текстов и др.» [64, с.173].

Задание

Сопоставьте рекомендации Цицерона и Квинтилиана для начинающих ораторов. Чем отличаются концепции риторического образования Цицерона и Квинтилиана? Какими факторами можно объяснить эти отличия?

К обсуждению причин упадка ораторского искусства обратился в «Разговоре об ораторах» Публий Корнелий *Tacitum* (ок. 54-123 гг.),

видный оратор и историк. Утверждая божественное происхождение и небесную мощь красноречия, подчеркивая, что риторика выше поэзии, равно как слава ораторов выше, прочнее, чем слава поэтов, герои диалога тем не менее вынуждены признать, что время красноречия кончилось вместе с республикой: в империи красноречие утрачивает смысл и мыслящий человек может больше принести пользы обществу на ниве поэзии или истории. Признавая высокие достоинства ораторского искусства Цицерона, Тацит настаивает на том, что в изменившихся условиях ораторский стиль должен быть иным: «У красноречия не всегда одно и то же лицо». Поэтому Тацит, критикуя недостатки «нового стиля», признает его жизнеспособность. Позднее в своей «Истории» и «Анналах» Тацит сумеет трансформировать «новый стиль», придав риторике монументальность и значительность. Затронут в «Разговоре» и вопрос о воспитании оратора. Тацит справедливо считает, что подлинной школой красноречия может стать только реальная ораторская практика под руководством опытного наставника, а не сочинение надуманных речей в риторических школах.

Последний этап развития античной риторики и красноречия – II–III вв. н.э., время «эллинского возрождения» и «второй софистики», когда в культурной жизни процветает эллинофильство, когда вновь появляются странствующие риторы, устраивая показательные выступления перед многочисленной аудиторией. «В эту пору идеологической депрессии и духовного рантье́рства философия и риторика одинаково дороги общественному сознанию как наследие благословенной древности. Поэтому философия и риторика начинают сближаться и взаимопроникать. ...Этот странный смешанный духовный продукт – центральное явление «эллинского возрождения». Ритор Филострат, подводя в III в. итоги «возрождения», назвал его «философствующей риторикой» и провозгласил ее мастеров непосредственными продолжателями древних софистов. Поэтому в историю это умственное движение II–III вв. н.э. вошло под названием второй софистики» [35, с.489].

Синтез философии и риторики не был органичным. Чаще всего это была игра в философствование, маска мудрости вместо подлинного поиска истины (Элий Аристид, Лукиан, Либаний). Наиболее известный оратор этой эпохи – Дион Хрисостом (Златоуст – 40–120 гг. н.э.), стремившийся не к игровому, а подлинному синтезу философии и риторики. В ораторской практике представителей «второй софистики» с совершенной очевидностью обозначился тот саморазлад риторики, который наметился в период Римской республики и

вполне определенно проявился в труде Квинтилиана. Идея единства мысли и слова в Логосе, которая определяла риторическую концепцию Аристотеля и ораторскую практику Демосфена (риторика – искусство убеждать), уже у Квинтилиана и Цицерона начинает разрушаться: для Квинтилиана риторика – искусство говорить хорошо, где «хорошо» означает не только убедительно, но и красиво (этим представлением определяются достоинства и недостатки ораторской практики Цицерона). К моменту «второй софистики» в правой части этой формулы остается только одно слагаемое – «красиво».

Памятник теоретической мысли периода «второй софистики» – трактат «Об идеях» *Гермогена* из Тарса (к. II – нач. III в.), в котором разрабатывается проблема типов речи и ее свойств – красоты, величавости, ясности.

III век обозначил кризис античной культуры и ее завершение. На смену античности шло средневековье, когда христианство трансформирует риторiku и ораторское искусство применительно к своим нуждам. Риторика не исчезнет, но ее развитие в дальнейшем будет осуществляться за счет преимущественного расширения лишь одной части – раздела элокуции о тропах и фигурах, что неизбежно приведет в конце XVIII – начале XIX вв. к полной дискредитации науки об ораторском искусстве.

«История риторики закончилась одновременно с концом античности. Она так и осталась делом античности, когда проявила и реализовала все свои возможности. Риторика оказалась у древних предметом наиболее разноречивых оценок: от крайнего осуждения у Платона до крайнего преувеличения у Цицерона. Риторика усваивала все стили – от классического аттического до «барочного» азианийского. А также все интерпретации – от чисто этической до формальной. Риторика фигурировала как раздел поэтики, раздел этики, раздел логики, раздел философии» [67, с.253]. Уточним: объединяла поэтику, этику, логику, философию, будучи целостным гуманитарным знанием, способом познания, оценки и интерпретации действительности. В этом своем креативном качестве она вновь стала метанаукой современного гуманитарного знания.

Итоги развития античной риторики. Краткий очерк почти тысячелетней истории развития античной риторики и ораторского искусства позволяет сделать следующие выводы:

1. Риторика возникает в ответ на общественную потребность; основные тенденции развития риторического знания соответствуют глубинным политическим и мировоззренческим процессам.

Можно согласиться с Е.Н.Корниловой: «... Если при становлении и расцвете демократии риторика почти не знала искусных приемов обольщения, а рассчитывала только на истинность выводов, нравственность и логику изложения, то есть апеллировала в основном к разуму слушателя, то в периоды политических кризисов многократно усиливаются способы эмоционального воздействия на аудиторию. Многочисленные и выверенные приемы изменяют истинное значение говоримого, помогают создать иллюзию надежности или, напротив, ложности, там где их нет» [43, с.198].

2. Самые яркие эпизоды развития и риторики, и ораторского искусства демонстрируют единство мысли и выражения, убеждающей интенции и нравственной позиции оратора как необходимое условие такого взлета.

3. Исторический экскурс показывает, что в развитии риторического знания действовали две разнонаправленные тенденции: с одной стороны – стремление создать в рамках триады оратор – речь – аудитория систему функционального взаимодействия, основанного на прочных философских и нравственных основаниях; с другой стороны – превратить риторику в служанку политики. Способность риторики соответствовать противоположным ожиданиям пользователя обеспечена, как представляется, и диалогической сущностью языка, и сложностью, многосторонностью механизмов человеческой коммуникации. Трагедия неразрешимости и в то же время великолепия прозрений античных теоретиков риторики заключается в том, что они попытались определить все возможные регуляторы, обеспечивающие эффективность речевого взаимодействия. Не их вина, что эти механизмы не всегда были востребованы и не всегда срабатывали в реальной ораторской практике.

АНТИЧНОЕ РИТОРИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ¹

Общая характеристика

Слово «риторика» образовано от греческого *rhē* – сказать, использовать логос; дискурс. Риторика, таким образом, есть искусство дискурса, или повествования.

¹ При работе над данным разделом автор опирался на статью М.Л.Гаспарова «Античная риторика как система» (см.: 34), вводя необходимые дополнения, разъяснения, комментарии и примеры. Все примеры взяты из речей Цицерона.

В античных риториках процесс порождения высказывания (речи) был сегментирован на ряд последовательных операций. Сущность каждой из них подробно описывалось в соответствующем разделе риторики. Всего таких этапов риторической деятельности (и соответственно разделов риторики) было пять, и каждый предусматривал решение определенной задачи.

№ п/п	Этап риторической деятельности	Задача, разрешаемая на данном этапе	Содержание деятельности оратора
1.	<u>inventio</u> (греч. – <u>heuresis</u>), нахождение материала	Что сказать?	1. Анализ вопроса, подлежащего рассмотрению в речи; 2. Поиск аргументов, доказательств, примеров
2.	<u>dispositio</u> (греч. – <u>taxis</u>), расположение материала	Где сказать?	Размещение материала в линейном пространстве текста в соответствии с требованиями, предъявляемыми к каждому фрагменту высказывания
3.	<u>elocutio</u> (греч. – <u>lexis</u> , <u>hermēneia</u> , <u>phrasis</u>), изложение, словесное оформление	Как сказать?	Оформление текста в соответствии с риторическими принципами уместности, ясности, пышности, правильности
4.	<u>memoria</u> (греч. – <u>mnēme</u>), запоминание	Как запомнить?	Запоминание текста речи с помощью определенных приемов мнемотехники
5.	<u>actio</u> , <u>pronuntiatio</u> (греч. – <u>hypocrisis</u>), произнесение речи	Как произнести?	Выступление перед аудиторией с учетом требований к поведению оратора, его жестикуляции, мимике, а также голосу

Перед нами четкая операционная система, ряд действий, которые в совокупности составляют идеоречевой акт – процесс порождения мысли и ее воплощения в слове в соответствии с целевой установкой (интенцией) оратора, временем и местом высказывания и типом аудитории. Описание механизмов анализа и постоянной рефлексии оратора над целями, способами их достижения и результатами своей речевой деятельности составляет содержание риторического учения и главное методологическое достижение античной риторики. Совершенно очевидно,

что в той или иной степени эти этапы характеризуют и работу над составлением объемного текста (речи, статьи, книги), и процесс непосредственного речепорождения – в последнем случае все операции лишь свернуты во времени, совершаясь в процессе диалога одновременно.

Система инвенции

Итак, первый этап идеоречевого акта (или риторического анализа) – этап нахождения материала, который осуществляется еще до начала работы над текстом. Этап дориторической рефлексии предполагает две операции:

1. Анализ вопроса (спорного случая, явления, ситуации) с целью выявления пункта (аспекта), подлежащего обсуждению в речи;
2. Подбор доказательств для авторской вероятностной реконструкции спорного вопроса (*quaestio, controversia, problema*), события, явления.

В античной риторике была разработана подробная классификация вопросов, в основу которой положена триада оратор–речь–аудитория, обеспечивающая функциональный характер классификации и содержание риторических рекомендаций.

В частности, *по отношению к оратору* выделяются вопросы *общедоступные* и *специальные*, в связи с чем к оратору выдвигается требование иметь как широкую общеобразовательную подготовку, так и необходимую осведомленность в частных вопросах.

С классификацией вопросов *по отношению к аудитории* соотносена типология родов красноречия:

Цель обсуждения вопроса для аудитории	Род красноречия, соответствующий данному вопросу	Результат обсуждения вопроса	Временные рамки обсуждаемого вопроса	Способ убеждения аудитории	Значимые для аудитории критерии оценки факта, явления
приобретение сведений	торжественное красноречие (лат. <i>genus demonstrativum</i> ; греч. – <i>genos epideiktikon / panegyrikon</i>)	ознакомление с имеющимися фактами	настоящее время	накопление подробностей (амплификация)	хороший/плохой (факт, поступок)

принятие решения	совещательное (лат. <i>genus deliberativum</i> ; греч. – <i>genos symbouleutikon</i>)	предположение о возможных фактах (событиях)	будущее	аналогия (примеры)	полезный/ бесполезный
вынесение оценки	судебное (лат. <i>genus iudiciale</i> ; греч. – <i>genos dikanikon</i>)	подытоживание свершившихся фактов, событий	прошедшее	логика (доказательство)	справедливый/ несправедливый

Из этой четкой классификации вытекало требование (не всегда, впрочем, соблюдавшееся) не смешивать в одной речи разные типы вопросов и, соответственно, роды красноречия.

Наиболее сложной была классификация вопросов *по отношению к предмету речи*, согласно которой вопросы делились по степени сложности, по степени конкретности и по характеру содержания. При этом совершенно очевидно, что:

– характеристика *по степени сложности* учитывает восприятие вопроса аудиторией, так как выделяются вопросы *простые* (*simplices*), *составные* (*coniunctae*), *сопоставительные* (*comparativae*);

– характеристика *по степени конкретности* в большей степени ориентирована на оратора, поскольку определяет его стратегию и выделяет вопросы *отвлеченные*, или собственно «вопросы» (*quaestio infinita, thesis*), и *конкретные*, или «дела» (*quaestio finita, causa*). Отметим, что античные риторика предлагали ораторам сводить конкретные дела к отвлеченному вопросу, который может носить теоретический или практический характер;

– наиболее универсальной является характеристика вопросов *по содержанию*: четыре типа вопросов – «статусов» (*status, stasis* – «поза борца, изготовившегося к борьбе») «охватывают в конечном счете весь круг человеческого познания» [34, с.29].

Линия защиты (субъективная точка зрения / мотивация)	Вопрос для обсуждения в суде (речи)	Статус (тип вопроса)	Диапазон обсуждения вопроса	Итог обсуждения	Философская проекция обсуждаемого вопроса
преступления не было	имело ли место преступление (событие, явление), подходящее под данный закон?	статус установления (coniecturalis)	преступление	реконструкция преступления	онтологическая проблема
преступление имело место, но оно было непреднамеренным	в чем состоит преступление (вина) обвиняемого? (какова природа явления?) распространяется ли данный закон на данный поступок?	статус определения (finitionis)	преступление и закон	реконструкция закона, адекватно определяющего степень вины обвиняемого	гносеологическая проблема
преступление имело место, оно было преднамеренным, но оно оправдано благими целями	справедливы ли, полезны ли, хороши ли проступок обвиняемого? (какова ценность события, явления с точки зрения других законов)? убедительна ли предъявленная обвиняемым мотивация преступления?	статус оценки (qualitatis)	преступление, закон и другие законы	реконструкция пункта столкновения преступления с законом	аксиологическая проблема

преступление имело место, оно было преднамеренным, его никак нельзя оправдать, но обвинитель (суд) не имеет права на обвинения, поскольку сам совершал преступные деяния	законно ли обвинение? способен ли человек правильно (объективно) понять и оценить явление, событие?	статус отвода (translationis)	преступление, закон, другие законы и обвинитель	реконструкция столкновения преступления с обвинителем и переход к обсуждению другого вопроса	эпистемологическая проблема
--	---	-------------------------------	---	--	-----------------------------

Проработка вопроса, определение спорного пункта, собственно проблемы, подлежащей обсуждению в речи, представляла собой первый этап дориторической рефлексии; соответственно описание приемов этой реконструкции составляло аналитическую часть инвенции. Второй операцией являлась собственно реконструкция спорного события, приемы которой излагались в синтетической части инвенции – учении о доказательствах.

Доказательства (*argumenta*) различались *внешние* и *внутренние*. Внешние (*atechnoi*, «внериторические») доказательства – свидетельские показания, документы и т.д. – привлекаются оратором как готовые, не нуждающиеся в риторической разработке. Предметом же особой заботы оратора были доказательства *внутренние* (*entechnoi*), т.е. являющиеся результатом логической реконструкции события. Убедительность этой логической реконструкции целиком зависела от риторического мастерства говорящего; кроме того, риторическая разработка этих доказательств позволяла

оратору синтезировать этос (т.е. выбрать такие аргументы, которые демонстрировали его добрый нрав и надежность), пафос (т.е. учесть необходимость влиять на чувства аудитории), логос (в оформлении аргументов добиться единства мысли и слова).

Внутренние доказательства делились на три вида: улики (*signa*), доводы (*argumenta*) и примеры (*exempla*).

Улики помогают реконструировать ближайшие связи спорного события. Как «доказательства от самого дела» они мало интересуют риторiku.

Доводы являются результатом риторической разработки, в процессе которой оратор создавал вероятностную картину события, основываясь на дедуктивной логике риторических умозаключений. Эти риторические умозаключения (силлогизмы) могли выступать в полном виде – две посылки и вывод (эпихирема); в сокращенном – одна посылка и вывод (энтимема) и в сжатом до вывода виде (аподейксис). В любом случае они опирались на логику здравого смысла, апеллируя к бесспорным, очевидным, общепринятым истинам, обычаям, представлениям.

Для каждого рода красноречия существовала своя система *loci communes* – общих мест. Разработкой эвристических доказательств занимались многие риторы, т.к. эта часть риторического нахождения давала оратору содержательный алгоритм высказывания о любом событии, ситуации, лице. Классификаций бесконечно разнообразных доводов было множество, наиболее стройная, по мнению М.Л.Гаспарова [34, с.34], принадлежит Фортунатиану и Юлию Виктору (IV в. н.э.). Общие места в ней делились на 4 разряда: «до предмета», «в предмете», «вокруг предмета», «после предмета».

1. Доводы «до предмета» позволяли установить вероятность поступка. Это доводы:

– **«от лица»:** *Я могу сказать, что такое страшное злодеяние совершенно чуждо нраву Марка Целия; что вряд ли человеку столь предусмотрительному и умному не пришло в голову, что нельзя доверять такое дело незнакомым чужим рабам.*

– **«от причин»:** *Почему, с какой стати нужно было Целию отравить эту женщину?*

– **«от места действия»:** *Нет ничего легче, судьи, как опровергнуть все это. На что дались ей эти общественные бани? И где там укрыться человеку в тоге? Ведь в прихожей не спрячешься, а внутрь войти обутыми и одетыми тоже неудобно...*

– **«от времени действия»:** *Попрекают Целия и тем, будто водил он дружбу с Катилиною; но такие подозрения надо*

от него отвести. Вы ведь знаете, что он еще был очень юн, когда я и Катилина добивались консульства.

– **«от образа действия»:** Так неужто Марк Целий, предаваясь привольной жизни, сумел бы еще юношей привлечь к суду бывшего консула? Убегая трудов, опутанный сетями наслаждений, разве мог бы он жить в повседневном бою, наживать врагов, привлекать к суду, рисковать головой...

– **«от средств»:** Ведь не мог быть Целий столь безрассуден, чтобы, заняв себя наглыми подкупом, обвинить в таком же подкупе другого; и не стал бы подозревать его в том, чем сам и был бы не прочь при случае заняться; еле избежав однажды обвиненья в подкупе, он не стал бы дважды преследовать другого за ту же вину.

2. Доводы «в предмете» помогали четко охарактеризовать сам поступок. Это доводы:

– **«от целого» / «от части»:** А ты, Геренний, хотел, должно быть, чтоб дурная слава всякой молодежи возбудила ненависть только к Целию? Оттого-то и молчали мы на твои слова, что глядели на одного обвиняемого, а думали о пороках многих юношей.

– **«от рода» / «от вида»;**

– **«от особенности»:** Неужели так глуп, чтобы верить судьбу свою чужим рабам? И каким? Это крайне важно. Уж не тем ли, о которых знал он, что живут они при госпоже своей не так, как все рабы, а вольнее и свободней, как свои люди?

– **«от определения»:** Если, вдовствуя, она вела себя свободно, дерзкая – держалась вызывающе, богатая – сорила деньгами, развратная – путалась с кем попало, то назову ли блудодеем того, кто при встрече приветствовал ее без лишней скромности?

3. Доводы «вокруг предмета» позволяли оценить поступок через установление характера его соотношения с другими поступками. Это доводы:

– **«от сходства»:** Да, Целий, уже много лет посещавший форум, взял сторону Катилины. Но и многие другие, разных лет и из разных сословий, поступили так же!

– **«от различия»:** И упоминают при этом осуждение Камурция и Цесерния! Что это? Глупость или беспримерное бесстыдство?! <...> Хотя закон о насилии их не касался, но такое за ними было преступление, что, пожалуй, ни по одному закону их нельзя было отпустить.

– **«от противоположности»:** *Вот поэтому прошу и заклинаю вас, судьи: в государстве, где на днях оправдан был Секст Клодий, который на ваших глазах два года кряду был то пособником, то вожаком мятежей, человек, который своими руками поджег священные храмы, цензорские списки, государственные грамоты римского народа, человек без поприща, вероломный, отчаянный, бездомный, нищий, запятнавший скверною уста, язык, и руки, и всю свою жизнь; тот, кто разрушил портик Катула, мой дом срыл, поджег дом моего брата и на Палатии, на виду у всего города, подстрекал рабов к резне и поджогам, – так вот, не допустите, чтобы в этом государстве Секст был отпущен по милости женщины, а Марк Целий по ее же милости осужден, чтобы одна и та же, вместе со своим супругом-братом, спасла бы мерзопакостного разбойника и сгубила достойнейшего юношу.*

– **«от смежности»:** *Диво ли, что о соседе этой женщины ходят сплетни, когда и родной брат ее не уберется от кривотолков.*

– **«от отношения»:** *Вот и основание для моей защиты, и оно тем прочней, что опирается на суждение сограждан и близких; как бы смог я представить вам молодого человека, если бы не одобряли его ни столь почтенный родитель, ни, тем более, такой достойный и прославленный город.*

4. Доводы «после предмета» позволяли оценить поступок через выявление его связей с последующими событиями, проецируя поступок на будущее. Это доводы:

– **«от последствий»:** *Видя здесь перед собою молодость Марка Целия, вы представьте перед вашим мысленным взором и того несчастного старца, у которого одна опора – единственный сын... <...> Ведь вы не хотите, судьи, чтобы одна жизнь, уже сама собой клонящаяся к закату, угасла до времени от нанесенной вами раны, и чтобы другая, только теперь расцветшая, когда уже окреп ствол доблести, была сломлена как бы внезапным вихрем или бурей.*

– **«от постановлений».**

Данная классификация систематизирует loci communes судебного красноречия. Однако подобной разработке были подвергнуты также совещательное и эпидейктическое красноречие. Так, политический оратор, выстраивая свою систему аргументации в пользу того или иного решения, мог использовать доводы о безопасности и достоинстве (престиже) государства. Автор торжественной речи, со-

ставляя похвалу человеку, должен был отметить в герое достоинства «духовные» (разумность, храбрость, справедливость, чувство меры), «телесные» (сила, здоровье, быстрота, ловкость) и «приходящие» (родина, род, друзья, деньги, могущество, почести).

Существовала и другая концепция *loci communes* как небольшой речи, которая вставлялась в развернутое, пространное ораторское высказывание (речь в речи) с целью амплификации обычно в определенном месте – ближе к заключению.

В широком смысле слова к общим местам относятся устойчивые мотивы и образы, используемые в стандартных литературных ситуациях. В этом значении часто используется термин «топика».

Несмотря на то что в античности *loci communes* были тесно связаны с процессом аргументации (Цицерон и Квинтилиан рассматривали топикку как совокупность аргументов, основанных на ключевых идеях, фигурирующих в каждой речи), постепенно они все больше начинают использоваться для орнаментации, украшения речи, то есть от диалектики передвигаются в сторону стиля.

Примеры позволяли оратору с помощью индуктивной логики подкрепить предлагаемую в речи вероятностную картину события путем установления сходства спорного факта с бесспорным. Примеры различались:

1. По характеру сходства:

– **«от сходства»:** *Если выдающиеся мужи и самые известные граждане не только не запятнали себя, но даже прославились, пролив кровь Сатурнина, Гракхов и Флакка, а также многих предшественников их, то мне, конечно, нечего было бояться, что казнь этого братоубийцы, истребляющего граждан, навлечет на меня ненависть грядущих поколений.*

– **«от несходства» / «от противоположности»:** *Ведь высокопочтимый муж, верховный понтифик Публий Сципион, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха, пытавшегося произвести лишь незначительные изменения в государственном строе, а Катилину, страстно стремящегося резней и поджогами весь мир превратить в пустыню, мы, консулы, будем терпеть?*

2. По источнику материала:

– **собственно «примеры»** (*exemplum, paradigma*), которые могли браться из истории (*Таковы, наверное, были те Камиллы, Фабриции, Курии, которые возвели нас от ничтожества к величю*) или из поэзии.

– **условные «сравнения»** (*similitudo, parabole*), которые сочинялись самим оратором: *Часто люди, страдающие тяжелой*

болезнью и мечущиеся в бреду, если выпьют ледяной воды, вначале чувствуют облегчение, но затем им становится гораздо хуже; так и эта болезнь, которой страдает государство, ослабевшая после казни Катилины, усилится еще более, если остальные преступники уцелеют.

– *ссылка на «авторитет»: Тут-то и я могу воскликнуть, как недавно воскликнул прославленный Марк Красс, сетуя на приезд царя Птолемея: «О если бы в дубраве Пелиона...»*

Такова античная система инвенции, которая – наряду с разделом о словесном оформлении материала (*elocutio*) – оказалась самым жизнеспособным и плодотворным зерном риторики. Именно за счет этих разделов риторика не просто пребывала в качестве «царицы наук», но постоянно развивалась. Современное представление о риторике как о метатексте научного знания, шире – интеллектуальной деятельности во многом обеспечено именно разделом инвенции. Античная система инвенции предлагала набор операций, которые позволяли представить любой предмет и явление в многочисленных и многообразных связях и проекциях и таким образом воссоздать целостное и объемное представление о мире.

Вопросы и задания

1. Познакомьтесь с разделами, посвященными подготовке к речи, в современных пособиях по ораторскому искусству и сравните их с античной системой нахождения материала. В чем сходство и в чем отличие? Какими социокультурными факторами можно объяснить эти отличия?

2. Проанализируйте топику, предлагаемую Аристотелем с одной стороны и Цицероном с другой. Сравните ее с описанной выше. Сделайте выводы о факторах, обуславливающих употребительность тех или иных топосов.

3. Как в рационалистических риториках Нового времени (яркий пример – «Риторика» М.В.Ломоносова) «работает» система локусов – «общих мест»? Может ли быть использована стратегия текстопорождения, предложенная античной риторикой, в школе при обучении сочинению? Попробуйте составить примерную схему развертывания любого суждения на нравственно-этическую тему в текст, опираясь на систему общих мест.

4. Приведите примеры из известных Вам литературных произведений, которые демонстрируют очевидную связь техники риторической инвенции с литературным творчеством (два примера для подсказки: известный монолог Чацкого из комедии А.С.Грибо-

едова «Горе от ума» – очевидный пример использования статуса отвода; аргументация убийства старухи-процентщицы Родионом Раскольниковым в романе Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание», несомненно, опирается на статус оценки).

5. Познакомьтесь со статьей М.Л. Гаспарова «Статусы обвинения в рассказе А.П.Чехова «Хористка» (Сокращенный вариант статьи см.: 34, с.56–58). Попробуйте аналогичным образом проанализировать диалог, в котором один участник обвиняет, другой защищается. Используйте с этой целью литературное произведение соответствующего жанра, например, детектив или семейный роман.

6. Проанализируйте с точки зрения риторического нахождения речь одного из знаменитых ораторов древности и приведите примеры использованных им риторических аргументов.

7. Проанализируйте топику, использованную Платоном в «Апологии Сократа». Релевантна ли античная топка для современного оратора/слушателя?

Диспозиция

Найденный на этапе инвенции материал (система доводов-аргументов, сладывающихся в вероятностную картину события) необходимо было последовательно и целесообразно расположить в линейном пространстве текста. Принципы и правила расположения в соответствии со схемой основных разделов (фрагментов) ораторского высказывания излагались во втором разделе риторического учения – *dispositio*.

Схема членения ораторской речи на протяжении развития античной риторики постоянно усложнялась, прежде всего за счет главной части, которая дробилась на все новые и новые фрагменты; соответственно уточнялись как представления о функциональном назначении каждого фрагмента, так и требования к ним.

Так, в ранних риториках представлена трехчастная структура речи: *вступление* (*prooemium, exordium*), *главная часть* (*probatio*) и *заключение* (*peroratio*); задача первой части – «привлечь», второй – «убедить», третьей – «взволновать» и «склонить» аудиторию.

Уже в «Риторике» Аристотеля в главной части выделены «повествование» (*narratio*), где событие излагалось во временной последовательности, цельно и связно, и «разработка» (*tractatio*), где спорные пункты реконструировались в логической последовательности.

Квинтилиан разделил «разработку» на «доказательство» (*probatio*) точки зрения оратора и «опровержение» (*refutatio*) точки зрения противника.

В поздних риториках обоснованы такие фрагменты, как «постановка вопроса» (*propositio*), «разделение вопроса» (*partitio*) и использовавшееся факультативно «отступление» (*digressio*), которые, как правило, вводились между «повествованием» и «разработкой».

Во вступлении к речи оратор должен был добиться внимания, предварительного понимания и сочувствия к предмету речи.

Целью повествования, в котором излагался предмет речи, было «убедить» и «объяснить» свою версию событий; дополнительные цели – «усладить» и «взволновать» слушателя – имели факультативный характер и зависели от содержания речи: повествованием о малозначительных вещах оратор стремился «усладить», о более значительных – «взволновать» слушателя.

Античные риторы выдвигали три основных требования к повествованию: *ясность*, *краткость* и *правдоподобие*. Каждое требование обеспечивалось определенным условием:

– условие ясности – *порядок* (*ordo*), т.е. изложение событий в их естественном хронологическом течении; иногда для достижения художественного эффекта допускался *искусственный* порядок изложения, т.е. перестановка событий;

– условие краткости – *мера* (*modus*), т.е. умение определить необходимое и достаточное количество подробностей;

– условие правдоподобия – *уместность*, *соответствие* (*decorum, conveniens*). Под соответствием понималось прежде всего совпадение в ораторском изложении рисуемого лица, поступка, который это лицо совершило, и обстоятельств данного поступка. Соответствие обеспечивалось непротиворечивостью ответов на семь основных вопросов: Кто? Что сделал? Почему? Где? Когда? Как? Какими средствами? Заметим, что эти вопросы обеспечивали исчерпывающую информативность повествования – именно поэтому, утратив позднее свою соотнесенность с принципом соответствия, этот перечень – через посредство новейших риторик – перешел в современную журналистику. Важным аспектом соответствия как условия правдоподобия являлось соотнесение авторской реконструкции факта, события с общепринятыми представлениями и мнениями: факт должен был представлять как проявление общего «так бывает». «Такие «расцветки» (т.е., выражаясь современным языком, «художественные домыслы») были обычны при разработке фиктивных казусов школьной риторики, но, конечно, в судебной практике поводов для них было немного: обычно это были психологические мотивировки, задним числом подводимые под поступок, они могли быть убедительны, но недоказуемы. Работа с ними была для словесности хорошей психологической школой» [34, с.38].

Целью доказательства и опровержения тоже было «убедить» и «объяснить». Для достижения этой цели оратор должен был группировать доводы и контрдоводы, помещая сильные в начало и конец, слабые – в середину; самые важные доводы подавать наиболее ярко, используя средства эмоционального и словесного воздействия, а слабые объединять для взаимного усиления.

Заключению придавалось особое значение: оратор должен был обобщить сказанное и – главное – возбудить в слушателе выгодные для него страсти и закрепить впечатление от речи в целом.

Работе над вступлением и заключением рекомендовалось уделять максимальное внимание: в античных риториках по существу было открыто то, что на современном языке называется «эффект края». Известно, например, что многие античные ораторы накапливали эффектные вступления, с тем чтобы впоследствии использовать их в своих публичных выступлениях.

Схема расположения материала, разработанная в античности, основывалась на принципах рационально-логического развертывания мысли и была строго функциональна: если в основных разделах главной части (*narratio*, *probatio*, *refutatio*) осуществлялось многоаспектное развитие основного предмета речи, который освещался с разных точек зрения – с точки зрения самого предмета, с точки зрения оратора и «от противного», т.е. с точки зрения противоположной стороны, то вступление, заключение и отступления в основной части выполняли функцию многоаспектного контакта с аудиторией. Целесообразность такого членения способствовала тому, что оно применялось не только в ораторском искусстве, но и в большинстве поэтических жанров риторической эпохи. Этот принцип членения применяется по сей день в нехудожественных текстах, а также в художественно-документальных жанрах.

Вопросы и задания

1. Сравните интерпретацию различных частей ораторского высказывания в риторических трактатах Аристотеля и Цицерона. В чем сходство и различие в их подходе к функции каждого раздела диспозиции?

2. Проанализируйте с точки зрения правил диспозиции одну из речей Цицерона: выделите основные разделы речи; обозначьте переходы от одного раздела к другому. Какие задачи решает оратор во вступлении и заключении? Как добивается внимания аудитории? Как и где определяет цель выступления? Как формулирует

тезис и какими способами обосновывает свою мысль? Какая мысль доказывается в каждом фрагменте? Можно ли сказать, что мысль оратора развивается стройно и логично? Есть ли в речи смысловые повторы? С какой целью Цицерон использует их, достоинство это или недостаток Цицерона как оратора? Какова сверхзадача (невербализованная цель) данной речи? Достигнута ли она?

Составьте композиционную схему данной речи. Во всем ли она совпадает с риторической нормой, если нет, то в чем именно? Чем объясняются отступления Цицерона от риторической нормы? Согласны ли вы с утверждением, приведенным в первой части данного пособия (см. раздел «Римская риторика»), что диспозиция не была сильной стороной Цицерона как оратора? Обоснуйте свое мнение.

Какова политическая позиция Цицерона и как она влияет на его ораторскую стратегию? Как проявляется в специфике диспозиции речи?

3. Сопоставьте античные представления о правилах расположения материала в речи с современными. Насколько универсальной является предложенная античностью схема основных разделов речи? Применима ли она к любой ситуации общения? Обоснуйте свое мнение.

4. Проанализируйте с точки зрения диспозиции поэтические произведения риторической эпохи и нового времени? В какой мере в каждом из них «просвечивает» логическая «косточка» ораторского высказывания? (При затруднении обратитесь, например, к статье Ю.Н.Тынянова «Ода как ораторский жанр»).

Элокуция

Приступая к работе над словесным оформлением, античный оратор должен был учитывать четыре основных требования к изложению:

правильности (latinitas, hellenismos), т.е. соответствия грамматическим и лексическим нормам;

ясности (plana elocutio, sapheneia), т.е. использования общепонятных слов в точных значениях;

уместности (decorum, prepon), т.е. соответствия стиля предмету речи;

пышности (ornatus, catasceue), т.е. украшенности и благозвучности.

В своей совокупности эти требования давали возможность возвысить стиль ораторской речи над повседневной разговорной

речью, сделать его искусственным, выстроенным, т.е. стилем *художественного* изложения.

В античных риториках была осознана функциональная зависимость стиля от целевой установки оратора, а также определен отрицательный результат чрезмерного следования оратора принципам того или иного стиля.

Стиль	Способ создания	Цель / результат ораторского воздействия	Нежелательная крайность стиля
высокий (genus grande, sublime)	максимальное использование риторических фигур	«взволновать» (movere) слушателя	напыщенный (inflatum, tumidum) стиль
средний (genus medium)	умеренное использование фигур и тропов	«усладить» (delectare)	вялый (dissolutum) стиль
простой (genus tenue, subtile)	минимальное использование фигур и тропов	«объяснить» (docere)	сухой, низкий (aridum, sordidum)

Три раздела теории изложения: учение об отборе слов, учение о сочетании слов, учение о фигурах – опирались соответственно на требования правильности, ясности, пышности. Требование уместности регулировало использование описываемых в этих разделах приемов и правил.

Учение о фигурах. Термин «фигура» впервые был использован Анаксименом из Лампсака (IV в. до н.э.). Фигуры речи разбирал Аристотель, а его последователи, в частности Деметрий Фалерский, выделяли уже фигуры речи (слова) и фигуры мысли. К фигурам (schemata, «позы» – положения тела, отличавшиеся от естественного неподвижного состояния), т.е. сочетаниям слов, употребленных необычным образом, примыкали «тропы» («обороты»), т.е. слова, употребленные необычным образом. Функция фигур

мысли – выделить данную мысль; функция фигур слова – привлечь внимание слушателя к данному месту в ораторской речи. Цицерон в трактате «Об ораторе» следующим образом определяет разницу между фигурами мысли и фигурами слова: фигуры мысли не зависят от выбора слов, они отражают особую манеру оратора мыслить и чувствовать и потому остаются в силе даже в том случае, если заменить высказывающие их слова, в то время как фигуры слова при такой замене исчезают. Этой же точки зрения придерживался и Квинтилиан.

Огромное количество фигур, описанных в многочисленных риториках, с трудом поддается классификации по двум причинам: во-первых, античные риторы не определяли понятие естественной языковой нормы, отступление от которой квалифицируется как искусственная «фигура» выражения; во-вторых, каждая категория фигур может быть охарактеризована по собственному принципу классификации, найти же единый принцип, который бы позволял охватить все известные античной риторике фигуры и тропы, не представляется возможным: «Сколько-нибудь удовлетворительная систематизация их не давалась никому из теоретиков Нового времени; все они то и дело сбиваются на беспорядочное перечисление» [34, с.41].

Классификация *фигур мысли* основана на функциональном взаимодействии в рамках триады оратор–речь/предмет речи–аудитория, соответственно все фигуры мысли делятся на четыре группы:

1. Фигуры мысли, уточняющие позицию оратора:

– **«предупреждение»** (praeparatio, proparasceue): *Я поведу дело так, что все их замыслы не только дойдут до ушей всего народа; нет, римский народ даже увидит их воочию.*

– **«предвосхищение»** (anticipatio, prolepsis): *Кто-нибудь скажет, пожалуй: «Так вот каковы твои уроки!»*

«Но ведь его преступления, – скажут мне, – были совершены так, что не должны были стать известны всем».

– **«уступка»** (concessio, sygchoreasis): *Вот и теперь защита <...> прибегает к тем же доводам. Пусть Веррес вор, пусть святотатец, пусть он первый в пороке и позоре; но он доблестный полководец, он удачлив и должен быть сохранен государству на черный день.*

– **«дозволение»** (permissio, epitrope): *Но уступаю тебе: обходи все это молчанием, значит, и ты признаешь, говорить здесь не о чем. <...> Правды сказать никакой ты не можешь – ну, по крайности, выдумай что-нибудь подходящее.*

2. Фигуры мысли, уточняющие смысл предмета:

– **«определение»** (finitio, horismos): *Ничего нет слаще победы, а вернейшее свидетельство победы – вид грозного врага, в цепях идущего на казнь.*

– **«поправление»** (correctio, epanorthosis): *Достоинство римского всадника – а достоинство это немалое – всегда признавали за ним.*

– **«присвоение»** (conciliatio, synoikeiosis, coniunctio);

– **«антитеза»** (contrapositum): *Чем меньшего заслуживает оно (дело), если нету улик, вероятия, тем большего, если они налицо, наказания; Стараниями того, кому вручены и доверены были честь мертвого, достоянье живого, обесславлен мертвый, обездолен живой.*

частные случаи антитезы:

– **«возвращение»** (regressio, epanodos): *Или, может быть, боялись они не справиться – многие с одним, сильные с тщедушным, притворные с растерянным?*

– **«сравнение»** (comparatio): *Обвиняют те, кто вторгся в чужое имуществво, – в ответе тот, кому ничего не оставили, кроме бедствий; обвиняют те, к чьей выгоде было убить Секста Росция, – в ответе тот, кому не скорбь одну принесла смерть отца, но и нищету; обвиняют те, кто очень хотел прикончить самого обвиняемого, – в ответе тот, кто даже на нынешний суд явился с охраной, чтобы не быть умерщвленным у всех на виду; короче, обвиняют те, кого требует к ответу народ, – в ответе тот, кто один ускользнул от них, гнусных убийц.*

Они не подпускали сиракузян к морскому берегу, а ты отдал им власть на море; они запретили сиракузянам селиться там, куда причаливают корабли, а ты захотел, чтобы сиракузянин возглавлял флот! Тем, кому не была доверена часть собственного города, ты доверил часть римского владычества! Тех, кто помог нам подчинить Сиракузы, ты велел отдать в подчинение сиракузянину!

– **«различение»** (distinctio, paradiastole): *Перехожу теперь к тому, что сам Веррес называет своей страстью, его друзья – болезнью и безумием, сицилийцы – разбоем; Само преступление его я раньше увидел, чем угадал, раньше застиг, чем заподозрил.*

– **«выворачивание»** (commutatio, antimetabole);

– **«оксиморон»**: *Безмолвный обвинитель.*

3. Фигуры, уточняющие отношение к предмету:

– **«восклицание»** (exclamatio, ecrphonesis): *О, времена! О, нравы!; О, достопамятные суды! Какую громкую славу стяжало наше сословие! Подумать только!*

– **«задержка»** (commoratio, expolitio);

– **«наглядность»** (evidentia, enargeia), детализация: *Я утверждаю, что во всей Сицилии, столь богатой, столь древней провинции, в которой так много городов, так много таких богатых домов, не было ни одной серебряной, ни одной коринфской или делосской вазы, ни одного драгоценного камня или жемчужины, ни одного предмета из золота или слоновой кости, ни одного изображения из бронзы, из мрамора или из слоновой кости, не было ни одной писанной красками или тканой картины, которых бы он не разыскал, не рассмотрел и, если они ему понравились, не забрал себе.*

– **«этопея»** (sermocinatio): *Ведь все честнейшие люди говорили так: «Верреса, пожалуй, вырвут из твоих рук, но нам не удастся в дальнейшем удержать за собой суды; в самом деле, кто, в случае оправдания Верреса, сможет противиться передаче судов?».*

– **«просопопея»** (олицетворение, fictio personae): *Но теперь Отчизна, наша общая мать... так обращается к тебе, Камиллина, и своим молчанием словно говорит: «Не было в течение ряда лет ни одного преступления, которого не совершил ты...».*

– **«подобие»** (similitudo, parabole): *Как не всякий злак и не всякое дерево встретишь на всякой почве, так и не всякое злодеяние вырастает из всякой жизни.*

Данная группа фигур подчеркивала важность предмета речи, привлекала к нему внимание слушателя.

4. Фигуры, уточняющие контакт со слушателями:

обращение:

– **«мольба»** (obsecratio, deesis): *Во имя бессмертных богов, судьи! Проявите в этом случае заботливость и предусмотрительность.*

– **«свободоречие»**, упрек (licentia, parrhesia);

– **«отвлечение»** (apostrophe): *О, Рим, развратный Рим!*

вопрос:

– **риторический вопрос, не требующий ответа** (interrogatio, erotema): *Могли ли вы подумать, что я стану молчать о таком важном обстоятельстве? Что в минуту такой огромной опас-*

ности, грозящей и государству и моему имени, я стану думать о чем-либо ином, кроме своего долга и достоинства?

– **вопрос с ответом, «подсказом»** (subiectio, arophasis): Так почему же ты, сама из именнейшего рода, вошел в прославленную семью супруга, оказалась так коротка с Целием? Родич он? Свояк? Приятель по мужу? Ни то, ни другое, ни третье. Так что же это как не сумасбродство и любово-страстие?

– **вопрос без ответа, «сомнение»** (dubitatio, diaporesis): Теперь я спрашиваю вас, судьбы, что же мне следует, по вашему мнению, делать?

– **«совещание»** (communicatio, anacoiosis): Я только не могу решить, какого именно отца изобразить? Крутого и грозного, как у Цецилия:

Нынче зол я не на шутку, вот теперь я разозлен...

Или такого:

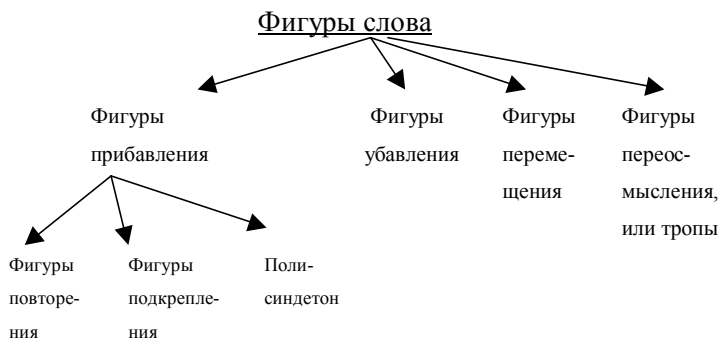
О, несчастный, о, негодник!..

Несколько особняком стоит эффектная фигура **«умолчания»**, или **«прохождения»** (praeteritio, reticentia, paraleipsis, arosiopesis): Разве недавно, когда ты, смертью своей первой жены, приготовил свой опустевший дом для нового брака, ты не добавил к этому злодеянию еще другого, невообразимого? Не стану о нем говорить... Не буду говорить о твоём полном разорении, всю тяжесть которого ты почувствуешь в ближайшие иды.

Я не стану защищать Аполлония <...>; не стану ничего говорить о его честности, благородстве, добросовестности; умолчу и о том, что Аполлонию, как я уже говорил, с его челядью, скотом, усадьбами и ссудами хуже всех пришлось бы от волнений или мятежей в Сицилии; не скажу и того, что если бы и впрямь был Аполлоний бесконечно виноват, даже тогда не следовало бы достойного гражданина достойнейшей общины подвергать столь тяжкой каре, и притом без суда.

По своему функциональному значению эта фигура, как представляется, является переходным, связующим звеном между фигурами второй и третьей группы.

Классификация *фигур слова* основана на ином принципе – принципе механизма образования, соответственно выделяются фигуры прибавления, фигуры убавления, фигуры перемещения; к ним примыкают фигуры переосмысления – тропы.

Самой многочисленной была группа *фигур прибавления*, в которой, в свою очередь, выделялись две подгруппы: фигуры повторения и фигуры подкрепления. В группу фигур прибавления входила также фигура «*полисиндетон*», или *многосоюзи*, возникавшая в результате повторения служебных слов.

Фигуры повторения образовывались путем повторения одного или нескольких слов. В зависимости от месторасположения повторяемых слов в смежных отрезках текста выделялись:

– **«удвоение»** (geminatio, epizeuxis) *Была, была некогда в нашем государстве доблесть...*

– **«анафора», единоначатие** (epanaphora), повтор начального слова предложения, колонна или строки: *Ты разделил на части Италию, ты указал, кому куда следовало выехать; ты выбрал тех, кого следовало взять с собой; ты распределил между своими сообщниками кварталы Рима, предназначенные для поджога; Вот она, защита невиновности, вот она, речь самого дела, вот он, голос самой истины! Освобождены рабы, освобождены самим судьей, освобождены на самом месте казни, освобождены после такого преступления, которое грозило свободе и жизни всех граждан.*

– **«эпифора», или антистрофа, единоскончание** (desitio, antistrophe), повтор заключительного слова: *Изгнанников возвратил умерший; не только отдельным лицам, но и народам и целым провинциям гражданские права даровал умерший; представлением неограниченных льгот нанес ущерб государственным доходам умерший.*

– **«сплетение», сочетание анафоры с эпифорой** (complexio, symploce);

– **«охват»** (inclusio, redditio, prosapodosis): *Капитон в доле, из тринадцати имений убитого три наилучших во владении Капитона; Сколько, думаете, у него чеканного серебра, сколько ковров, сколько картин, изваяний, мрамора сколько?*

– **«стык»** (reduplicatio, anadiplosis), совпадение последнего слова предыдущей фразы с первым словом последующей: *Нет, судьи, такое, разумеется, невозможно. Невозможно представить себе, чтобы Хрисогону полюбились их образованность и воспитанность, или чтобы он, хозяйствуя, оценил их усердие и надежность.*

– **«градация», или ряд последовательных «стыков»** (gradatio, climax): *В городе появляется роскошь, из роскоши с неизбежностью возникает алчность, из алчности возгорается дерзость, от которой рождаются все преступления.*

– **«эпанода»**, или регрессия, когда элементы словосочетания, встретившиеся в одном из звеньев, в следующих звеньях повторяются уже по-разному.

Если повторялись не вполне тождественные слова, то различались следующие разновидности фигур повторения:

– повторение слова в эмфатическом значении (distinctio, diaphora): *Лишь бы не показалось, что ты просто делаешь то, что и делаешь неприкрыто.*

– повторение слова в других значениях (traductio): *Не только в деле не заподозрен, но и сам о нем не подозревал; Кем убит Росций-старший <...> теми, кто <...> живет среди проливаемой крови и проливаемой кровью; Да и правда, что за жизнь – эта твоя жизнь?*

– **«созвучие»** (annominatio, paronomasia): *Целий ему не предался, меня не предал; Она – особа не только знатная, но и небезызвестная. Причина тому – не дело, но делец; Ты был обязан потребовать корабль против разбойников, а не для собственного разбоя, и он должен был охранять провинцию от грабежей, а не увозить из нее награбленное!*

– **«полиптотон»**, или «разнопадежность»: *Вот что я беру на себя, вот к чему стремлюсь, <...> вот о чем буду говорить с того места, на котором мне повелел стоять римский народ; Цезарь многим многое обещал и многих своих обещаний не выполнил...*

– **«синонимия»**: *Я этого не потерплю, не позволю, не допущу; Напоминаю, предупреждаю, объявляю заранее...*

Фигуры подкрепления образовывались путем накопления синонимических понятий и, в зависимости от местоположения синонимов в пределах фразы, выделялись:

– **«перечисление»**, или смежное подкрепление (enumeratio, recapitulatio, anacaphalaois): *Не злодеяние, не дерзость, не насилие собрали судей.*

– **«распределение»**, или периодическое подкрепление (distributio, diairesis): *Не таков ты, Катилина, чтобы совесть удержала тебя от подлости, страх – от опасных действий или же здравый смысл – от безумия.*

К фигурам прибавления относится и **«полисиндетон»**, многосоюзие: *Разве не затмевал он, почитай, всех граждан и доблестью, и славой, и достоинством; И обычаи, и помыслы, и нравы у всех различны; Ты продал и власть, и помощь, и право, и обычаи, и договор..*

Фигуры убавления – наименее многочисленная группа, в которую входят:

– **«эллипс»** (elleipsis, «оставление»): *Наконец, ты добрался до дела, а то, сам согласишься, – одни пустяки да несообразности.*

– **«зевгма»** (nexus, syllepsis, «сопряжение»): *Так останется ли за таким имя порядочного, да и вообще человека?*

– **«асиндетон»**, или бессоюзие: *Тот в нашем деле оказался вдруг старым брюзгой, цензором, школьным наставником! Отчего, когда Лициний колебался, трепетал, отступал, убегал, эти бабьи ратники его упустили, не поймали, не изобличили, не добились признанья, не созвали очевидцев, не воспользовались тем, что преступленье говорило само за себя?*

Фигуры перемещения (расположения) возникают благодаря изменению естественного порядка слов в предложении. В зависимости от специфики этого изменения различаются:

– **«анастрофа»**, т.е. перемещение двух смежных слов: *Наши предки <...> возвеличили имя народа римского.*

– **«гипербат(он)»** (transiectio), т.е. разъединение двух связанных слов: *Правды сказать никакой ты не можешь.*

– **«параллелизм»**, т.е. фигура, возникающая на основе сходного лексико-синтаксического построения отрезков фразы: *Заверяю вас, отцы-сенаторы, мы, консулы, проявим такую бдительность, вы – такой авторитет, римские всадники – такое мужество, все честные люди – такую сплоченность, что после отъезда Катилины все замыслы его вы увидите раскрытыми, разоблаченными, подавленными и понесшими должную кару.*

Но более всего, судьбы, поражало в нем умение <...> принимать то одно, то другое обличие: с угрюмыми держаться сурово, с общительными – приветливо, со стариками – степенно, с молодежью – радушно, дивить удалью разбойников и ненасытностью – развратников.

В зависимости от:

количества сходных отрезков (колонов) различаются диколоны, триколоны и т.д.;

равновеликости этих отрезков – точный «исоколон» и приближительный «парисон»;

строения – прямой параллелизм, «антаподосис», и обращенный;

звучания – незарифмованный и зарифмованный («гомеотелевтон» – со сходными окончаниями; «гомеоптотон» – со сходными падежными окончаниями);

от значения членов – синонимические (disiunctio) и антонимические (adiunctio).

Фигуры переосмысления, или тропы, представляют собой отклонение от «естественной нормы» в пределах одного слова. Тропеическое значение слова может возникнуть в результате переноса значения, сужения значения и усиления значения. Наиболее многочисленна группа тропов, основанная на переносе значения. Перенос значения осуществляется разными способами, в результате выделяются разные тропы:

– «**метафора**» (translatio) – перенос по сходству: *разящий меч вашей суровости; обвинения, которые должны его обесславить и доспех его достоинства совлечь и похитить; в юности нас бушевают страсти.*

– «**аллегория**» – развернутая метафора, иносказание: *Освободители отечества не могли находиться в том городе, с чьей выи они сбросили ярмо рабства; Но и сам я знаю немало примеров и от людей слышал о тех, что не только пригубили этой жизни, не только, как говорится, кончиками пальцев к ней прикоснулись, но и всю свою молодость потопили в наслаждениях, а все-таки рано или поздно выплыли из этой пучины...*

– «**метонимия**» (denominatio) – перенос по смежности (причина – следствие; форма – содержание; свойство – носитель; означаемое – знак): *Никогда бы людская молва с такой легкостью не подхватила бы эту сплетню, не будь любой срам к лицу Клодии; Кто величие власти, обретенной оружием, упрочивает законами.*

– «**синекдоха**» (intellectio) – перенос по количеству: часть = целое; род = вид; один = многие: *Множество глаз и ушей бу-*

дет... за тобой наблюдать и следить; Мне бы заботиться о голове Секста Росция, а я занялся заусеницей.

Частный случай синекдохи – **«антономасия»**, «противоименование» – замена собственного имени более общим;

– **«ирония»** (eironeia, simulatio, illusio) – перенос по противоположности: [*Катилина*] даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужи, воображаем, что выполняем свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увертываясь от его оружия; Там этот доблестный воин и зимовал, да так, что не только из дому не выходил, но и с ложа не сходил.

Группа тропов, основанных на сужении значения, представлена **«эмфазой»**.

Усиление значения образует два тропа:

– **«гиперболу»**, преувеличение: и Луций Сулла, кем одним устрояется государство, управляется мир, <...> может за чьим-нибудь не уследить? Если одежду с себя, если перстень свой с пальца он тебе отдал, если из всех вещей он не удержал ничего, разве себя самого в своей нагоде...

– **«мейосис»**, преуменьшение.

К тропам традиционно относятся:

– **«перифраза»** (circuitus), т.е. описательное именование предмета: ... Этот самый переезд и эта палатинская Медея как раз и стали для молодого человека источником всех бед...

– **«эвфемизм»**, частный случай перифразы, т.е. описательное именование низкого предмета: Да и не в моих обычаях враждовать с женщинами, – тем более с той, что всегда слыла скорее всеобщей подругой, нежели чьим-то недругом.

Такова разветвленная система фигур и тропов, описанных в античных риториках. Нельзя не заметить, что в современной стилистике упоминаются лишь те из них, которые активно используются в поэзии Нового времени. Такая редукция не в последнюю очередь объясняется особенностями самой античной номенклатуры фигур и тропов: «Во-первых, она очень тонко и наблюдательно отмечает отдельные стилистические «блестки» (lumina, любимое цicerоновское слово), выделяющиеся на нейтральном речевом фоне. Во-вторых, она лишь неуверенно и неумело их систематизирует, границы между видами и разновидностями фигур сплошь и рядом оказываются расплывчатыми. В-третьих, она совершенно их не объясняет, так как исходное понятие, «естествен-

ная речь», для которой эти фигуры служат «украшением», остается непроанализированным и ощущается лишь интуитивно. В-четвертых, она неправильно их применяет, предполагая, что всякое скопление фигур делает речь возвышенной и художественной, между тем как фигуры такого рода избыточны и в разговорной речи, а неупорядоченное их употребление может произвести лишь комический эффект» [34, с.47].

Однако перечисленные пробелы в *теоретическом* осмыслении «цветов красноречия» лишь предъявляют требования к современной стилистике, но не отменяют саму совокупность описанных античными риториками фигур и тропов. Совершенно очевидно, что для адекватного восприятия и анализа текстов, создававшихся в риторическую эпоху, необходимо использование именно античного риторического инструментария словесного оформления.

Отметим и другое. Выделяя фигуры и тропы, античная риторика дает статичную их классификацию и проходит мимо их динамической функции в составе текста. Между тем роль этой функции очень велика – фигуры и тропы являются мощным фактором связности текста. Заслуга античной риторики в предвосхищении современных представлений о природе текста и текстообразования.

Учение об отборе слов регламентировало правила пользования лексическим запасом языка. Четыре критерия отбора слов: употребительность (*consuetudo*), логика (*ratio*), авторитет (*auctoritas*), старина (*vetustas*) – позволяли оратору, при соблюдении должной меры (*iudicium*), создать искусственный язык ораторского высказывания, отличный от разговорного языка.

Критерии «авторитета» и «старины» ориентировали оратора на использование слов, употреблявшихся писателями-классиками и перешедших в общий язык. Слова, вышедшие из живого употребления, предлагалось использовать достаточно осмотрительно, чтобы речь не выглядела слишком архаической.

Критерий «логики» коррелировал с критерием «употребительности»: даже малоупотребительные слова, но с прозрачной этимологией, могли использоваться в речи.

Критерии отбора слов в своей совокупности ограждали ораторскую речь не только от разговорного языка, но и от потока вновь появлявшихся слов, будь то неологизмы или заимствования. В результате возникал рафинированный искусственный язык, характерными признаками которого были «почтенность» и «величавость».

Учение о сочетании слов регламентировало правила соединения слов, правила построения фраз и приемы ритмической организации высказывания.

Соединение слов регулировалось как со смысловой (расположение слов в порядке усиления значения; сохранение последовательности привычных сочетаний слов и т.д.), так и звуковой стороны – оратор должен был избегать однообразия слов, слогов, звуков, неблагозвучных сочетаний слов.

Правила *построения фраз* ориентировали оратора на создание ораторской периодической речи. Считалось, что по степени связанности речь может быть трех типов:

«распущенная», т.е. состоящая из сверхкоротких сочетаний, «отрезков» (*comma, incisum*), коротких словосочетаний или простых предложений, «членов» (*colon, membrum*); данный тип речи чаще всего встречался в жанрах, близких устной речи, в ораторском высказывании – лишь в эмоциональных или полемических фрагментах;

«нанизанная», состоящая из сменяющих друг друга колонов; этот тип речи тоже тесно связан с устной речью – с устным рассказом, а в ораторской речи использовался в повествовании;

«связанная», состоящая из периодов, т.е. сложных предложений, построенных на двучленной синтаксической конструкции – двойных союзах «если... то...», «когда..., тогда...», «поскольку..., постольку...» и т.д. Именно эта двучленная синтаксическая конструкция «держит» фразу, придает ей напряженность, ожидание конца фразы. *Если вы полномочны судить о достойных и добрых мужах и ценить заслуженных граждан, если дан наконец вам удобнейший случай, избранныкам лучших сословий, чтоб вашу заботу о тех, кто достоин и добр, теперь изъясить уж не видом и словом, как прежде, а волей и делом, – то вот и настала пора вам решить: то ли нам, покорясь, как всегда, вашей воле, удалиться отсюда в тоске и печали, то ли, напротив, столь много страдав от подлейших из граждан, найти возрождение в вас, в вашей твердости, доблести, мудрости?*

Период делится на восходящую («протасис») и нисходящую («аподосис») часть; в зависимости от равномерности/неравномерности этих частей периоды различались симметричные и асимметричные. Периодическое построение фраз придавало ораторскому высказыванию оттенок выстроенности, искусственности.

Этой же цели служило и учение о ритме. При этом ритмическая организация отнюдь не сводилась к метрической, более того,

ораторы стремились к тому, чтобы избежать возникновения в прозе стихового эффекта.

Вопросы и задания

1. Проанализируйте одну из речей античного оратора, например Цицерона, с точки зрения словесного оформления: выявите использованные риторические фигуры и тропы, объясните их функциональное назначение в тексте. Какие мысли выделяет с их помощью оратор, какого эффекта достигает?

2. Обратившись к риторическим трактатам или к соответствующему разделу в книге «Античные теории языка и стиля», проанализируйте дефиниции основных тропов и фигур и сравните с современными определениями данных терминов. В какой мере античная риторическая мысль осознавала поэтическую функцию языка?

3. Бытует мнение, что античная номенклатура фигур и тропов в литературе Нового времени представлена очень избирательно. Так ли это? Проанализируйте словесное оформление поэтического или прозаического текста, созданного в XX веке. В какой мере представлены в нем фигуры и тропы? Попробуйте определить, в чем состоит стилистический эффект используемых в этом произведении риторических фигур.

4. Как вы понимаете слова известного французского ученого-структуралиста Р.Барта: «обычно мы отправляем фигуры мысли в музей педантского формализма <...> А через эти риторические фигуры язык навязывает целую систему видения мира. Это относится к стилю? к языку? Ни к тому, ни к другому; на самом деле речь идет о совершенно особом установлении, о *форме* мира». Как античная система фигур и тропов характеризует античное видение мира? Как фигуры мысли и слова корреспондируют с системой общих мест?

5. Какие виды упражнений по совершенствованию стиля предлагали античные риторы? Сравните их с заданиями, представленными в современных учебниках по стилистике. Чем отличаются методические принципы и как можно объяснить эти отличия?

Память

Данный раздел не был изобретением ораторов – впервые об искусстве мнемотехники начал говорить поэт Симонид Кеосский. Риторы лишь удачно ввели этот раздел, равно как и раздел «Произнесение», в структуру идеоречевого акта, придав последнему смысловую и материальную завершенность.

Поскольку было не принято читать речь, оратор должен был обладать хорошей памятью. Известный совет: располагать содержание речи в каком-либо пространстве, прикрепляя тематические фрагменты высказывания к соответствующим иконическим знакам, – ведет свое начало от античных риторических трактатов. При этом запоминалось (и вспоминалось) только общее содержание речи, но не словесное выражение, которое порождалось в процессе произнесения. Данный («архитектурный») тип памяти соотносится с особенностями античного мировосприятия с его акцентом на материальной, пространственной характеристике объектов.

Вместе с тем роль раздела «Память» в системе античной риторики и его значение для последующей культуры не ограничивается прикладной задачей – разработкой приемов механического запоминания текста. В данном разделе впервые была поставлена и в общих чертах осмыслена проблема нейропсихологии памяти: условия аккумуляции, хранения информации и ее последующего извлечения, стратегии ее кодирования и декодирования. Как показывают современные исследования, древние риторы хорошо представляли сложные взаимоотношения между письмом и чтением, соединением и разделением, собиранием и использованием информации. Об этом свидетельствуют античные дискуссии о природе памяти, которые основаны на двух метафорических моделях, восходящих к Платону, может быть, даже к досократикам: память как «чистая доска для письма» и память как «хранилище для книг». Эти древние метафоры по существу являются когнитивными познавательными архетипами и потому с незначительными изменениями прошли через всю историю европейской культуры.

В то же время в разделе «Память» разрабатывалась психология творческого процесса. Выделяя два вида памяти – естественную (природную) и искусственную, – античные риторы квалифицировали последнюю как искусство, поскольку она основывается на местах (*loci*) и образах (*images*). Образы с этой точки зрения – это формы, знаки, симулякры (*formae, notae, simulacra*). Искусство памяти предстает как внутреннее письмо, поскольку «места» во многом похожи на восковые дощечки или на папирус, образы похожи на буквы, размещение образов напоминает процесс письма, произнесение соотносится с чтением. Риторы осмыслили психологические основы запоминания – почему одни образы, сильные и яркие, стимулируют процесс запоминания и вспоминания, в то время как другие оказываются настолько слабыми, что не могут выполнить эту функцию? Оппозиция банальность – необычность

проясняет ответ на этот вопрос. Экстраординарное запоминается лучше, равно как эмоциональные аффекты способствуют более яркому восприятию иконических знаков.

Аристотель поставил вопрос о том, что теория памяти основана на теории познания; память связана с воображением. Память – это совокупность умозрительных картин, возникающих на основе сенсорных впечатлений. Память участвует в творческом процессе, поскольку ассоциативное мышление, основанное на принципах подобия, несходства, смежности, помогает создавать образы. Поэтическая метафора может быть представлена как один из способов мнемоники.

Память, понятая как креативное начало, не случайно была названа Сократом матерью всех муз. Вполне очевидная преемственность объединяет риторическую память с одной стороны и такие разные явления, как средневековый «театр памяти», теория Станиславского и современные мультимедиа с другой.

В таком понимании память выполняет еще и критическую, авторефлективную функцию по отношению к работе оратора на этапах инвенции, диспозиции, элокуции, более того, является, по словам автора анонимной «Риторики к Гереннию», хранителем всех частей риторики.

Сложность и многообразие идей риторической памяти отразились в тех интерпретациях, которые она получала у античных риториков. Для Аристотеля память была хранилищем топосов и потому источником изобретения. Для Платона память – способ присоединения к божественной душе, основа всего; для Цицерона – доказательство божественности души, для Квинтилиана – источник власти оратора над людьми.

Современное литературоведение испытывает повышенный интерес к риторической памяти, справедливо усматривая в ней ключ к теории фантастического, в целом к теории художественного образа.

Вопросы и задания

1. История изобретения Симонидом Кеосским мнемотехники известна в изложении Цицерона. Прочитайте трактат Цицерона – как в этой истории проявляется связь мест и образов?

2. С какими понятиями корреспондирует риторическая теория памяти? Как они соотносятся друг с другом?

3. Сопоставьте античную теорию памяти с данными современной науки. Подготовьте сообщение на тему «Память в античном и современном представлении».

Произнесение (pronuntiatio, actio) регулировалось правилами «красноречия тела» (формула Цицерона), в которых связывались воедино голос (главные качества – громкость, твердость и гибкость) и движения тела и лица (главное требования – сдержанность и достоинство). Взятые в целом, эти правила позволяли оратору вызвать доверие и уважение слушателей к произносимой им речи.

Задание

Обобщите рекомендации античных риторик относительно поведения оратора на трибуне. Насколько применимы они в современной коммуникации?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Античную риторику в ее концептуальной завершенности следует рассматривать как неотъемлемую часть целостного античного миропонимания», – пишет А.К.Авеличев [22, с.9]. Следование «пространственно-временным принципам гармонии и соразмерности» [22,с.9] позволяло на всех уровнях высказывания воспроизвести совершенство Космоса; соответственно сама риторика создавалась как воображаемый микрокосм, как модель и вторичная семиотическая система, во всех своих конструктивных особенностях воспроизводящая и описывающая античное миропонимание.

И не только античное. Долгая жизнь риторики на протяжении столетий и возрождение в новом качестве в XX веке оказались возможны потому, что риторика – при всех своих противоречиях – способна быть автоописанием и алгоритмом культуры, причем культуры не только словесной.

Сами противоречия риторики, с одной стороны, стимулировали ее развитие, с другой – обеспечивали ее универсальность в обслуживании различных уровней культуры и функцию «оси преемственности».

Обозначим некоторые из этих противоречий:

– оппозиция *inventio* – *imitatio*: текстообразовательная модель, описанная в схеме идеоречевого акта, предполагает как аналитическое исследование действительности, так и постоянную рефлексивность оратора над целями и результатами своей речемыслительной деятельности; в то же время нормативная установка ограничивала его усилия следованием правилам и подражанием образцу;

– оппозиция устная – письменная речь: риторика как наука об ораторском искусстве рассматривает и регламентирует устное

выступление, в то же время рекомендации по словесному оформлению высказывания в большей степени ориентированы на письменное сообщение;

– оппозиция монолог – диалог: триада оратор–речь–аудитория, с одной стороны, предполагает риторическое взаимодействие, т.е. свернутый, но диалог, и эта диалогическая интенция постоянно присутствует в речи в виде обращений к аудитории; в то же время ораторская речь это всегда монолог. Соответственно демократичная в своей основе интерпретация деятельности оратора сопровождается культивированием его исключительности, элитарности.

Тем не менее эвристические возможности риторики очень велики, главным образом благодаря заложенному в ней исключительно верному пониманию механизмов человеческой коммуникации. Пожалуй, в истории культуры не было другой такой теории, которая, сложившись однажды в концептуальном ядре, сохранила в последующем развитии актуальность своих основополагающих идей и подходов. Идея диалога, речевого взаимодействия и влияния посредством слова и есть та идея, которая представляет несомненный интерес для философии и культуры XXI века.

Но в античной риторике – наряду с разработкой принципов эффективности коммуникации – присутствовали идеи, предвосхищавшие и идеи современной лингвистики текста, в частности – представления о средствах достижения связности текста. В качестве таких способов (средств) могут выступать периодическое построение фразы, а также группа фигур повторения, которые несомненно являются языковым механизмом создания связности текста.

Перспективной является и идея, положенная в основу раздела о расположении, – идея алгоритмизации творческого процесса изобретения речи. Основные композиционные части ораторской речи выделяются по функции, выполняемой ими в рамках речи, что дает возможность представить результат процесса речепорождения не как бесконечное множество текстов, а как обозримый набор блоков, использование которых позволяет продуцировать любой текст.

Несомненным эвристическим потенциалом обладает и система топосов (общих мест). По словам С.И.Гиндина, «топосы представляют собой определенные стандартные отношения между понятиями и явлениями, позволяющие по некоторому заданному понятию находить другие, с ним связанные и соотносящиеся» (см. его комментарий к изданию «Общей риторики»: 22, с.362), а взятые в совокупности дают инструмент развертывания текста из ис-

ходной единицы смысла. По существу это образец порождающей системы («порождающей поэтики»).

Наконец, идеи памяти оказываются весьма созвучны пафосу современной культуры, осознающей себя как палимпсест, в котором сквозь один слой «письма» неизбежно проступают предшествующие записи.

Эвристическая ценность идей античных риториков обусловлена не только их интуицией и высоким уровнем рефлексии по отношению к целям и результатам своей речемыслительной деятельности, хотя и это имеет место, но прежде всего комплексным характером этой рефлексии – умением видеть и анализировать исключительно сложный объект, каковым является человеческая речь, во всем его системном многообразии и единстве (см. *схему риторики, вложенную в учебное пособие*). И в этом отношении античная риторика тоже предлагает эталонный образец, утраченный современной филологией, шире – гуманитарной наукой, которая ориентируется на спецификацию исследования, но остро осознает необходимость его интеграции. Именно это и делает риторику метатекстом современной гуманитарной культуры.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. История раннего ораторского искусства в диалогах Платона «Протагор», «Гиппий большой», «Гиппий меньший», «Федр», «Горгий».

2. Сократ и его риторические идеи в диалогах Платона «Горгий», «Протагор», «Теэтет», «Федр», «Пир», «Софист».

3. Платон как оппонент софистов (диалоги «Протагор», «Софист», «Федр», «Теэтет», трактаты «Политика», «Государство», «Законы»).

4. Учение о топах (топосах) в трактатах Аристотеля «Топика» и «Риторика».

5. Проблема взаимодействия оратора и аудитории в античной риторической теории.

6. Античное стилистическое учение.

7. История античного ораторского искусства в трактатах Цицерона.

8. Суждения Цицерона об ораторском искусстве:

- общие суждения;
- качества оратора;
- советы начинающим;

- о волнении;
 - правила Антония;
 - правила Красса.
9. Наследие Цицерона в трудах Квинтилиана и Тацита.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тексты античных риторических сочинений

1. Античные риторики / Собр. текстов, ст., коммент. и общ. ред. А.А.Тахо-Годи. – М., 1978.
2. Античные теории языка и стиля. – М.; Л., 1936.
3. Аристотель. Риторика. Кн.3 / Пер. С.С.Аверинцева // Аристотель и античная литература. – М.: Наука, 1978.
4. Аристотель. Тописка // Сочинения: В 4 т. – Т.2. – М., 1978.
5. Гермоген. Об идеях // Вопросы классической филологии. Вып. VIII, IX. – М., 1984, 1987.
6. Квинтилиан. Двенадцать книг риторических наставлений / Пер. А.С.Никольского. – СПб., 1834.
7. Платон. Избранные диалоги. – М., 1965.
8. Тацит. Диалог об ораторах // Тацит. Сочинения: В 2 т. – Т.1. – Л., 1969.
9. О возвышенном / Пер., ст. и примеч. Н.А.Чистяковой. – М.: Наука, 1972.
10. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л.Гаспарова. – М.: Наука, 1972.

Тексты ораторской прозы

11. Греческие ораторы второй половины IV до н.э. / Пер. под ред. К.М.Колобовой // Вестник Древней Истории. – 1962, №1 – 1963, №1.
12. Демосфен. Речи / Пер. С.И.Радцига. – М.: Изд-во АН СССР, 1954.
13. Демосфен. Речи: В 3 т. / Под ред. Е.С.Голубцовой, М.П.Маринович, Э.Л.Фролова. – М., 1994.
14. Исократ. Речи // Вестник Древней Истории. – 1965, №3 – 1969, №1.
15. Либаний. Речи: В 2 т. / Пер. С.П.Шестакова. – Казань, 1912-1916.
16. Лисий. Речи / Пер. С.И.Соболевского. – М., 1933 (1994).
17. Ораторы Греции. – М.: Худож. литер., 1985.
18. Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства. – М., 1964.

19. Поздняя греческая проза. – М., 1960.
20. Цицерон. Избранные сочинения. – М., 1975.
21. Цицерон. Речи: В 2 ч. – М., 1962 (1993).

Дополнительная литература

22. Авеличев А.К. Возвращение риторики: Вст. ст. // Общая риторика: Пер. с фр. / Ж.Дюбуа, Ф.Пир, А.Тринон и др. – М.: Прогресс, 1986.

23. Аверинцев С.С. Античный риторический идеал и культура Возрождения // Античное наследие в культуре Возрождения. – М., 1984. – С.142-154.

24. Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература. Риторика как подход к обобщению действительности. Два рождения европейского рационализма // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

25. Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии. – М.: Наука, 1979. – С.41-81.

26. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Наука, 1977.

27. Аверинцев С.С. Риторический принцип как фактор непрерывности на переходе от античности к средневековью и от средневековья к Возрождению // Западноевропейская средневековая словесность / Под ред. Л.Г.Андреева. – М.: МГУ, 1985.

28. Адамов Е.А. Выдающиеся ораторы древнего мира и средних веков. – М., 1964.

29. Античная эпистолография. – М.: Наука, 1967.

30. Античность и Византия. – М.: Наука, 1975.

31. Аристотель и античная литература. – М.: Наука, 1978.

32. Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. – М.: Наука, 1991.

33. Варзонин Ю.Н. Теоретические основы риторики. – Тверь, 1998.

34. Гаспаров М.Л. Античная риторика как система // Античная поэтика: Риторическая теория и литературная практика. – М., 1991.

35. Гаспаров М.Л. Эллинистическая литература III-II вв. до н.э. (в соавторстве с М.Е.Грабарь-Пассек). Римская литература III-II вв. до н.э. Греческая и римская литература II-III вв. н.э. // История всемирной литературы: В 9 т. – Т.1. – М.: Наука, 1983.

36. Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика: Вст. ст. // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л.Гаспарова. – М.: Наука, 1972.
37. Гиндин С.И. Что знала риторика об устройстве текста? // Риторика. – 1995. – №2, 3.
38. Древнегреческая литературная критика. – М., 1975.
39. Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. – СПб, 1995.
40. Зелинский Ф.Ф. Художественная проза и ее судьба // Из жизни идей: В 2 т. – Т.2. – СПб, 1911.
41. Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. – М., 1984.
42. Козаржевский А.Ч. Античное ораторское искусство. – М.: Изд-во МГУ, 1980.
43. Корнилова Е.Н. Риторика – искусство убеждать: Своеобразие публицистики античной эпохи: Учебное пособие. – М.: Изд-во УРАО, 1998.
44. Кузнецова Т.И. Историография и риторика: Речи в «Истории от основания Рима» Тита Ливия // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. – М.: Наука, 1989. – С.203-228.
45. Кузнецова Т.И. Техника повествования в ораторском искусстве // Поэтика древнеримской литературы. – М.: Наука, 1989.
46. Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий. – М., 1984.
47. Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П. Ораторское искусство в древнем Риме. – М., 1976.
48. Лапина М.С. О композиции периодов у Исократ // Труды филологического факультета Харьковского гос. ун-та. – Т.10. – Харьков, 1962.
49. Лапина М.С. Антитеза в периодической речи Исократ // Труды филологического факультета Харьковского гос. ун-та. – Т.10. – Харьков, 1962.
50. Лосев А.Ф. Античные теории стиля в их историко-эстетической значимости // Античные теории стиля. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – С.5-12.
51. Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона: Вступ. ст.; Примечания // Платон. Сочинения: В 4 т. – Т.1. – М.: Мысль, 1990.
52. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. – М.: Искусство, 1969.
53. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Высокая классика. – М., 1974.

54. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика. – М., 1976.
55. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Ранний эллинизм. – М., 1979.
56. Меликова-Толстая С. Античные теории художественной речи // Античные теории языка и стиля. – М.; Л., 1936.
57. Миллер Т.А. Аристотель и античная литературная теория // Аристотель и античная литература. – М.: Наука, 1978.
58. Миллер Т.А. Греческая литература классического периода (V-IV вв. до н.э.). Проза // История всемирной литературы: В 9 т. – Т.1. – М.: Наука, 1983.
59. Миллер Т.А. От поэзии к прозе (Риторическая проза Горгия и Исократа) // Античная поэтика. – М., 1991.
60. Неориторика: генезис, проблемы, перспективы: Сб. научно-аналитических обзоров. – М., 1987.
61. Орлов Е. Демосфен и Цицерон: Их жизнь и деятельность // Демосфен и Цицерон. – Челябинск: «Урал», 1995 (ЖЗЛ. Биогр.библиотека Ф.Павленкова)
62. Покровский А. О красноречии у древних эллинов // Известия историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Т.ХХI. – Нежин, 1904.
63. Радциг С.И. История древнегреческой литературы. – Изд.3. – М., 1969. (Гл. XVI, XVII).
64. Рождественский Ю. В. Теория риторики. – М., 1997.
65. Соболевский С.И. и др. История греческой литературы. – М., 1946-1960. – Т.1-3.
66. Соболевский С.И. История римской литературы. – М., 1959-1962. – Т.1-2.
67. Татаркевич В. Античная эстетика / Пер. с польского. – М.: Искусство, 1977.
68. Федоров М.А., Мирошенкова В.И. Античная литература. Рим: Хрестоматия. – М., 1981.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ФРАГМЕНТЫ ТЕКСТОВ АНТИЧНЫХ РИТОРОВ

1. Слово. Искусство красноречия. Риторика

Каков человек, такова и его речь. (Сократ)

Подлинного искусства красноречия нельзя достигнуть, не познав истины. (Платон)

Всякое слово ничтожно, когда оно не увенчано делом. Всякое дело должно быть воплощением слов. (Платон)

<...> определим риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета (1355 b 55). (Аристотель «Риторика»)

Красноречивым можно считать того, кто, говоря и на форуме, и в суде, умеет доказывать, очаровывать и убеждать. Доказывать необходимо, очаровывать – приятно, убеждать – верный путь к победе... Доказывать надо тонко, очаровывать – в меру, убеждать – горячо; во всем этом и заключается сила оратора. (Цицерон)

Поэтами рождаются, ораторами становятся. (Цицерон)

Перо – лучший наставник красноречия. (Цицерон)

Оратор должен соединить в себе тонкость диалектика, мысль философа, язык поэта, память юрисконсульта, голос трагика и, наконец, жесты и грацию великих актеров. (Цицерон)

Подлинная сила красноречия в том, что оно постигает начало, сущность и развитие всех вещей, достоинств, обязанностей, всех законов природы, управляющей человеческими нравами, мышлением и жизнью; определяет обычаи, законы, права, руководит государством и умеет что угодно и о чем угодно высказать красиво и обильно. (Цицерон)

<...> Кронос означает время: я разумею то время, какому принадлежим и я, и вы, и прочие живые существа и растения, оно старше всего остального и в своем непрерывном течении унич-

тожает все, что было им порождено. Ему не подвластно единственно слово. Слово не страдает от времени и делает исчезающее достоянием памяти. (Фемистий «Об умеряющем свои страсти, или о чадолубце»)

(8) Если же это речь ее убедила и душу ее обманом захватила, то и здесь нетрудно ее защитить и от этой вины обелить. Ибо слово – величайший владыка: видом малое и незаметное, а дела творит чудесные – может страх прекратить и печаль отворотить, вызвать радость, усилить жалость. (9) А что это так, я докажу – ибо слушателю доказывать надобно всеми доказательствами.

Поэзию я считаю и называю речью, имеющей мерность; от нее исходит к слушателям и страх, полный трепета, и жалость, льющая слезы, и страсть, обильная печалью; на чужих делах и телах, на счастье их и несчастье собственным страданием страждет душа – по воле слов. (10) Но от этих речей перейду я к другим. Боговдохновенные заклинания напевом слов сильны и радость принести, и печаль отвести; сливаясь с души представленьем, мощь слов заклинаний своим волшебством ее чарует, убеждает, перерождает. Два есть средства у волшебства и волхвования: душевные заблуждения и ложные представления. (11) И сколько и скольких и в скольких делах убедили и будут всегда убеждать, в неправде используя речи искусство! Если б во всем все имели о прошедших делах воспоминанье, и о настоящих пониманье, и о будущих предвиденье, то одни и те же слова одним и тем же образом нас бы не обманывали. Теперь же не так-то легко помнить прошедшее, разбирать настоящее, предвидеть грядущее, так что в очень многом очень многие берут руководителем души своей представление – то, что нам кажется. Но оно и обманчиво и неустойчиво и своею обманностью и неустойчивостью навлекает на тех, кто им пользуется, всякие беды.

(12) Что же мешает и о Елене сказать, что ушла она, убежденная речью, ушла наподобие той, что не хочет идти, как незаконной если бы силе она подчинилась и была бы похищена силой. Убежденью она допустила собой овладеть; и убеждение, ей овладевшее, хотя не имеет вида насилия, принуждения, но силу имеет такую же. Ведь речь, убедившая душу, ее убедив, заставляет подчиниться сказанному, сочувствовать сделанному. Убедивший так же виновен, как и принудивший; она же, убежденная, как принужденная, напрасно в речах себе слышит поношение. (13) Что убежде-

ные, использовав слово, может на душу такую печать наложить, какую ему будет угодно, – это можно узнать прежде всего из учения тех, кто учит о небе: они, мнением мнение сменяя, одно уничтожив, другое придумав, все неясное и неподтвержденное в глазах общего мнения заставляют ясным явиться; затем – из неизбежных споров в судебных делах, где одна речь, искусно написанная, не по правде сказанная, может, очаровавши толпу, заставить послушаться; а в-третьих – из прений философов, где открываются и мысли быстрота, и языка острота: как быстро они заставляют менять доверие к мнению! (14) Одинаковую мощь имеют и сила слова для состоянья души, и состав лекарства для ощущения тела. Подобно тому как из лекарств разные разно уводят соки из тела и одни прекращают болезни, другие же жизнь, – так же и речи: одни огорчают, те восхищают, эти пугают, иным же, кто слушает их, они храбрость внушают. Бывает, недобрым своим убеждением душу они очаровывают и заколдовывают.

(Горгий «Похвала Елене»)

<...> в речи можно по-разному истолковать одно и то же – великое сделать ничтожным, малое великим, по-новому взглянуть на события прошлого, а недавние пересмотреть в свете прежних <...>. (10) Высокого совершенства достигнут искусства, и красноречие в их числе, если будет цениться не новизна, а мастерство и блеск исполнения, не своеобразие в выборе темы, а умение отличиться в ее разработке.

<...> только дар речи возвышает человека над животными, что во всем остальном по прихоти судьбы неудачу терпят и умные люди, а успеха часто добиваются глупцы, зато искусство речей глупцам недоступно, являясь уделом лишь одаренных, (49) что оно – важнейший признак образованности, что не по мужеству и богатству, но по речам познается истинное благородство и настоящее воспитание, что владеющий словом уважаем не только у себя в городе, но и повсюду.

<...> настоящему мастеру слова следует не с пустяками возиться и не то внушать слушателям, что для них бесполезно, а то, что и их избавит от бедности, и другим принесет великие блага.

(Исократ «Панегирик»)

<...> (8) Конечно, я сознаю, сколь трудна задача, которую я ставлю перед собой: в прозаическом сочинении воздать хвалу че-

ловческой доблести. В высшей степени показателен следующий факт: люди, занимающиеся философией, отваживаются трактовать о множестве разнообразных вещей, однако ни один из них никогда еще не пытался написать сочинение на данную тему. И я вполне их понимаю. (9) В самом деле, поэтам дано множество средств украсить свой рассказ: им можно, например, представить богов в общении с людьми, изобразить их беседующими с кем угодно из героев или помогающими в борьбе. При этом они могут пользоваться в своих описаниях не только обычными и чужеземными, но и вновь придуманными словами, употреблять метафоры, ничего не пропуская, а наоборот, всеми средствами расцвечивая свое творчество. (10) Напротив, ораторы не располагают ни одним из этих средств: они должны быть точными в своих описаниях, пользоваться только общеупотребительными словами и придерживаться суждений, строго соответствующих самой действительности. Кроме того, поэты при сочинении стихов всегда соотносятся с размером и ритмом, тогда как ораторам недоступно ни то, ни другое. А между тем подобные произведения обладают большой притягательной силой, так что, если даже с поэтическими оборотами и суждениями дело обстоит плохо, все равно поэт может очаровать слушателей самой ритмичностью и гармонией стиха. <...>

(Исократ «Эвагор»)

<...> (1) Встречаются подчас люди, весьма гордящиеся тем, что, выбрав удивительный и ни с чем не сообразный предмет, могут произнести на эту тему неплохую речь. Одни дожили до глубокой старости, утверждая, что невозможно ни сказать ложь, ни опровергнуть; нельзя также произнести об одном и том же предмете две различные речи. Другие рассуждали о том, что мужество, мудрость и справедливость – одно и то же, но природа не наделила нас ни одним из этих качеств: привести же к ним может одно только знание. Иные состарились, проводя жизнь в бесполезных спорах, способных только дать занятие их ученикам. (2) Я несколько не удивлялся бы поведению этих людей, если бы свойственное их речам суесловие возникло недавно и честолюбие толкало бы их к новым ухищрениям в красноречии: но кто же настолько не сведущ, что не знает Протагора и его современников софистов, оставивших нам подобные сочинения и даже еще более трудные (для понимания). (3) В самом деле, кто сможет превзойти Горгия, осмелившегося утверждать, что не существует ничего сущего, Зенона,

стремившегося доказать, что одни и те же явления одновременно возможны и невозможны, или Мелисса, который попытался доказать единство всего сущего, в то время как по самому существу дела количество вещей в природе беспредельно. (4) Все они убедительно показали, как легко сочинить лживую речь в защиту любого положения и все же еще сейчас многие продолжают делать то же. Пора этим людям перестать заниматься словесными обличениями и прибегать к разным ухищрениям, которые давно уже избалованы самой жизнью. Им следует заняться поисками истины, (5) а своих учеников знакомить с государственными установлениями нашего города, чтобы в упражнениях они приобретали опытность в общественных делах. Пусть они обучают их, памятуя, что намного важнее иметь хотя бы приблизительное представление о делах полезных, чем точное знание бесполезных. Лучше хоть немного преуспеть в значительных вопросах, чем далеко продвинуться в вопросах мелких и вовсе ненужных для жизни. (6) Но ведь эти люди думают только как бы обогатиться за счет молодежи. Наука о спорах дает им такую возможность: кого никогда не заботят ни свои, ни общественные дела, те охотнее всего интересуются речами, не приносящими пользы. (7) Так вот, молодежи вполне извинителен такой образ мыслей: ведь в этом возрасте привлекает все чрезмерное и удивительное. Тем же, кто выступает в роли воспитателей, нельзя не поставить в вину, что, обвиняя людей, прибегающих в частных сделках к обману и использующих ораторское искусство в корыстных целях, они сами поступают еще хуже. Ведь те вредят кому попало, а эти причиняют зло в первую очередь своим ученикам. <...>

(Исократ «Похвала Елене»)

Платон «Менексен»

<...>

С о к р а т. Право, Менексен, мне кажется, прекрасный это удел – пасть на войне. На долю такого человека выпадают великолепные и пышные похороны, даже если умирает при этом бедняк, вдобавок ему – даже если он был никчемным человеком – воздается хвала мудрыми людьми, не бросающими слова на ветер, но заранее тщательно подготовившимися к своей речи. Они произносят свое похвальное слово очень красиво, добавляя к обычным речам и то, что подходит в каждом отдельном случае, и, украшая свою речь великолепными оборотами, чаруют наши души: ведь они превозносят на все лады и наш город, и тех, кто пал на поле

сражения, и всех наших умерших предков и воздают хвалу нам самим. Так что я лично, Менексен, почел бы за великую честь удостоиться от них похвалы; всякий раз я стою и слушаю, околдованный, и мнится мне, что я становлюсь вдруг значительнее, благороднее и прекраснее. Как правило, ко мне в этих случаях присоединяются и слушают все это разные чужеземные гости, и я обретаю в их глазах неожиданное величие. При этом кажется, будто они испытывают в отношении меня и всего города те же чувства, что и я сам, и город наш представляется им более чудесным, чем раньше, – так убедительны речи ораторов. Подобное ощущение величия сохраняется во мне после того три дня, а то и более: столь проникновенно звучат в моих ушах речи оратора, что я едва лишь на четвертый или пятый день прихожу в себя и начинаю замечать под ногами землю, а до тех пор мне кажется, будто я обитаю на островах блаженных. Вот до чего искусны наши ораторы!

М е н е к с е н. Всегда-то ты, мой Сократ, вышучиваешь ораторов! Однако, думаю я, на этот раз избранному придется туго, ведь избрание будет поспешным, так что придется ему говорить без подготовки.

С о к р а т. Как это, мой милый? У любого из этих людей речи всегда наготове, и вообще свободная речь в этих случаях дело нетрудное. Если бы нужно было превознести афинян перед пелопоннесцами или же пелопоннесцев перед афинянами, требовался бы хороший оратор, умеющий убеждать и прославлять; когда же кто выступает перед теми самыми людьми, коим он воздает хвалу, недорого стоит складная речь.

М е н е к с е н. В самом деле ты думаешь так, Сократ?

С о к р а т. Да, клянусь Зевсом.

М е н е к с е н. И ты полагаешь, что сам сумел бы произнести речь, если бы была в том нужда и тебя избрал бы Совет?

С о к р а т. Но, Менексен, нет ничего удивительного, если бы я умел говорить: ведь моей учительницей была та, что совсем неплохо разбиралась в риторике и вдобавок обучила многих хороших ораторов, среди них – выдающегося оратора эллинов Перикла, сына Ксантиппа.

М е н е к с е н. О ком ты говоришь? Видимо, об Аспазии?

С о к р а т. Да, я имею в виду ее и еще Конна, сына Метробия. Оба они – мои учителя, он обучал меня музыке, она – риторике. И нет ничего удивительного в том, что человек, воспитанный таким образом, искусен в речах. <...> (234с – 236).

Платон «Горгий»

Определение софистической риторики, как оно давалось самими софистами

<...>

С о к р а т. Стало быть, начнем. Ты говоришь, что ты и сам сведущ в красноречии, и берешься другого сделать оратором. Но в чем же, собственно, состоит это искусство? Вот ткачество, например, состоит в изготовлении холстов. Так я говорю?

Г о р г и й. Да.

С о к р а т. А музыка – в сочинении напевов?

Г о р г и й. Да. <...> (449d)

<...>

С о к р а т. Ты прав. Теперь, пожалуйста, ответь мне так же точно насчет красноречия: это опытность в чем?

Г о р г и й. В речах.

С о к р а т. В каких именно, Горгий? Не в тех ли, что указывают большим образ жизни, которого надо держаться, чтобы выздороветь?

Г о р г и й. Нет.

С о к р а т. Значит, красноречие заключено не во всяких речах?

Г о р г и й. Конечно, нет.

С о к р а т. Но оно дает уметь говорить.

Г о р г и й. Да.

С о к р а т. И значит, размышлять о том, о чем говоришь?

Г о р г и й. Как же иначе!

С о к р а т. А искусство врачевания, которое мы сейчас только упоминали, не выучивает ли оно размышлять и говорить о больных?

Г о р г и й. Несомненно. <...> (449e)

<...>

С о к р а т. Почему же тогда ты не зовешь «красноречиями» остальные искусства, которые тоже заняты речами, раз ты обозначаешь словом «красноречие» искусство, занятое речами?

Г о р г и й. Потому, Сократ, что в остальных искусствах почти вся опытность относится к ручному труду и другой подобной деятельности, а в красноречии ничего похожего на ручной труд нет, но вся его деятельность и вся сущность заключены в речах. Вот почему я и утверждаю, что красноречие – это искусство, состоящее в речах, и утверждаю правильно, на мой взгляд. <...> (450e)

<...>

С о к р а т. <...> Раз красноречие оказывается одним из тех искусств, которые преимущественно пользуются словом, и раз

оказывается, что существуют и другие искусства подобного рода, попробуй определить: на что должна быть направлена скрывающаяся в речах сила, чтобы искусство было красноречием? <...> (451)

<...>

Г о р г и й. Способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в Народном собрании, да и во всяком ином собрании граждан. Владея такою силой, ты и врача будешь держать в рабстве, и учителя гимнастики, а что до нашего дельца, окажется, что он не для себя наживает деньги, а для другого – для тебя, владеющего словом и умением убеждать толпу. <...> (452e)

<...>

С о к р а т. <...> Ты говоришь об убеждении, которое создается красноречием, но что это за убеждение и каких оно вещей касается – не скрою от тебя, – мне недостаточно ясно. Правда, мне кажется, я догадываюсь, о чем ты говоришь и что имеешь в виду, и все же я спрошу тебя, как ты понимаешь это убеждение, порождаемое красноречием, и к чему оно применимо. <...> (453c)

<...>

С о к р а т. <...> Кажется ли тебе, что убеждение создается одним красноречием или же и другими искусствами тоже? <...> (453d)

<...>

С о к р а т. <...> если оно не одно производит такое действие, а другие искусства тоже, мы могли бы теперь точно так же, как раньше насчет живописца, задать своему собеседнику справедливый вопрос: красноречие – это искусство убеждения, но какого убеждения и на что оно направлено? <...> (454b)

<...>

Г о р г и й. Я говорю о таком убеждении, Сократ, которое действует в судах и других сборищах (как я только сейчас сказал), а его предмет – справедливое и несправедливое. <...> (454b)

<...>

С о к р а т. Тогда давай рассмотрим еще вот что. Знакомо ли тебе слово «узнать»?

Г о р г и й. Знакомо.

С о к р а т. Ну что ж, а «поверить»?

Г о р г и й. Конечно.

С о к р а т. Кажется ли тебе, что это одно и то же – «узнать» и «поверить», «знание» и «вера» – или же что они как-то отличны?

Г о р г и й. Я думаю, Сократ, что отличны.

С о к р а т. Правильно думаешь, и вот тебе доказательство. Если бы тебя спросили: «Бывает ли, Горгий, вера истинной и ложной?» – ты бы, я полагаю, ответил, что бывает.

Г о р г и й. Да.

С о к р а т. Ну а знание? Может оно быть истинным и ложным?

Г о р г и й. Никоим образом!

С о к р а т. Стало быть, ясно, что это не одно и то же.

Г о р г и й. Ты прав.

С о к р а т. А между тем убеждением обладают и узнавшие, и поверившие.

Г о р г и й. Правильно.

С о к р а т. Может быть, тогда установим два вида убеждения: одно – сообщающее веру без знания, другое – дающее знание?

Г о р г и й. Прекрасно.

С о к р а т. Какое же убеждение создается красноречием в судах и других сборищах о делах справедливых и несправедливых? То, из которого возникает вера без знания или из которого знание?

Г о р г и й. Ясно, Сократ, что из которого вера.

С о к р а т. Значит, красноречие – это мастер убеждения, внушающего веру в справедливое и несправедливое, а не поучающего, что справедливо, а что нет.

Г о р г и й. Так оно и есть.

С о к р а т. Значит, оратор в судах и других сборищах не поучает, что справедливо, а что нет, но лишь внушает веру, и только. Ну конечно, ведь толпа не могла бы постигнуть столь важные вещи за такое малое время. <...> (454d – 455)

<...>

С о к р а т. <...> Знать существо дела красноречию нет никакой нужды, надо только отыскать какое-то средство убеждения, чтобы казаться невеждам большим знатоком, чем истинные знатоки. <...> (459c)

<...>

Критика софистической риторики

С о к р а т. Ты спрашиваешь, что это за искусство, на мой взгляд?

П о л. Да.

С о к р а т. Сказать тебе правду, Пол, по-моему, это вообще не искусство.

П о л. Но что же такое, по-твоему, красноречие?

С о к р а т. Вещь, которую ты, как тебе представляется, возвысил до искусства в своем сочинении: я недавно его прочел.

П о л. Ну, так что же это все-таки?

С о к р а т. Какая-то сноровка, мне думается.

П о л. Значит, по-твоему, красноречие – это сноровка?

С о к р а т. Да, с твоего разрешения.

П о л. Сноровка в чем?

С о к р а т. В том, чтобы доставлять радость и удовольствие.

П о л. Стало быть, красноречие кажется тебе прекрасным потому, что оно способно доставлять людям удовольствие.

С о к р а т. Постой-ка, Пол. Разве ты уже узнал от меня, что именно я понимаю под красноречием, чтобы задавать новый вопрос: прекрасно ли оно, на мой взгляд, или не прекрасно?

П о л. А разве я не узнал, что под красноречием ты понимаешь своего рода сноровку?

С о к р а т. Не хочешь ли, раз уже ты так ценишь радость, доставить небольшую радость и мне?

П о л. Охотно.

С о к р а т. Тогда спроси меня, что представляет собою, на мой взгляд, поваренное искусство.

П о л. Пожалуйста: что это за искусство – поваренное?

С о к р а т. Оно вообще не искусство, Пол.

П о л. А что же? Ответь.

С о к р а т. Отвечаю: в том, чтобы доставлять радость и удовольствие, Пол.

П о л. Значит, поваренное искусство – то же, что и красноречие?

С о к р а т. никоим образом, но это разные части одного занятия.

П о л. Какого такого занятия?

С о к р а т. Я боюсь, как бы правда не прозвучала слишком грубо, и не решаюсь говорить из-за Горгия: он может подумать, будто я подымаю на смех его занятие. Я не уверен, что красноречие, которым занимается Горгий, совпадает с тем, какое я имею в виду (ведь до сих пор из нашей беседы его взгляд на красноречие так и не выяснился), но то, что я называю красноречием, – это часть дела, которое прекрасным никак не назовешь.

Г о р г и й. Какого, Сократ? Не стесняйся меня, скажи.

С о к р а т. Ну что ж, Горгий, по-моему, это дело, чуждое искусству, но требующее души догадливой, дерзкой и наделенной природным даром обращения с людьми. Суть этого занятия я зову угождением. Оно складывается из многих частей, поваренное искусство – одна из них. Впрочем, искусством оно только кажется; по-мое-

му, это не искусство, но навык и сноровка. Частями того же занятия я считаю и красноречие, и украшение тела, и софистику – всего четыре части соответственно четырем различным предметам.

Теперь, если Пол желает спрашивать, пусть спрашивает. Ведь он еще не узнал, какую часть угодничества составляет, на мой взгляд, красноречие – на такой вопрос я еще не отвечал, но Пол этого не заметил и спрашивает дальше, считаю ли я красноречие прекрасным. А я не стану отвечать ему, каким считаю красноречие, прекрасным или же безобразным, раньше чем не отвечу на вопрос, что оно такое! Это было бы не по справедливости, Пол. Но если ты все же хочешь узнать, какую, на мой взгляд, часть угодничества составляет красноречие, спрашивай.

П о л. Вот я и спрашиваю: ответь мне, какую часть?

С о к р а т. Поймешь ли ты мой ответ? Красноречие, по моему мнению, – это призрак одной из частей государственного искусства.

П о л. И дальше что? Прекрасным ты его считаешь или безобразным?

С о к р а т. Безобразным. Всякое зло я зову безобразным. <...> (462c – 463d) <...> Вот что я называю угодничеством, и считаю его постыдным, Пол, – это я к тебе обращаюсь, – потому что оно устремлено к наслаждению, а не к высшему благу. Искусством я его не признаю, это всего лишь сноровка, ибо, предлагая свои советы, оно не в силах разумно определить природу того, что само же предлагает, а значит, не может и назвать причины своих действий. Но неразумное дело я не могу назвать искусством. Если у тебя есть что возразить по этому поводу, я готов защищаться. <...> (465)

Критика теории естественного права как основы софистической риторики

<...>

С о к р а т. Ну вот, стало быть, мы обнаружили особый вид красноречия – для народа, который состоит из людей всякого разбора: из детей, женщин, мужчин – рабов и свободных. Особенно восхищаться мы этим красноречием не можем, потому что сами называем его льстивым угодничеством.

К а л л и к л. Совершенно верно.

С о к р а т. Хорошо. А красноречие для народа – в Афинах и в других городах, – который состоит из свободных мужчин, – как о нем будем судить? Кажется ли тебе, что ораторы постоянно держат в уме высшее благо и стремятся, чтобы граждане, вни-

мая их речам, сделались как можно лучше, или же и они гонятся за благоволением сограждан и ради собственной выгоды пренебрегают общей, обращаясь с народом как с ребенком – только бы ему угодить! – и вовсе не задумываясь, станет ли он от этого лучше или хуже?

К а л л и к л. Это вопрос не простой, не такой, как прежние. Есть ораторы, речи которых полны заботы о народе, а есть и такие, как ты говоришь.

С о к р а т. Достаточно и того! Если и красноречие двойственно, то одна его часть должна быть самую угодливостью, постыдным заискиванием перед народом, а другая – прекрасным попечением о душах сограждан, чтобы они стали как можно лучше, бесстрашной защитой самого лучшего, нравится это слушателям или не нравится. <...> (502d – 503b)

<...>

С о к р а т. <...> Речи достойного человека всегда направлены к высшему благу, он никогда не станет говорить наобум, но всегда держит в уме какой-то образец, как и все остальные мастера: стремясь выполнить свое дело, каждый из них выбирает нужные снасти не кое-как, но чтобы вещь, над которою они трудятся, приобрела определенный вид. <...> (503e)

<...>

С о к р а т. Стало быть, вот что будет стоять перед глазами у того оратора, искусного и честного: какие бы речи он ни произносил, воздействуя на души, какие бы поступки ни совершал и что бы ни дарил, ни отнимал – и даря, и отнимая, он постоянно будет озабочен тем, как поселить в душах сограждан справедливость и изгнать несправедливость, поселить воздержность, изгнать распущенность и вообще поселить все достоинства, а все пороки удалить. <...> (504e)

Платон «Федр»

Теория красноречия на основе учения о душе

С о к р а т. <...> всякому ясно, что писать речи само по себе не постыдно (aischron).

Ф е д р. Как может это быть постыдным?

С о к р а т. По-моему, постыдно говорить и писать не так, как следует, а безобразно (aischros) и злонамеренно.

Ф е д р. Это ясно.

С о к р а т. Какой же есть способ писать хорошо или, напротив, нехорошо? Надо ли нам, Федр, расспросить об этом Лисия или кого

другого, кто когда-либо писал или будет писать, – все равно, сочинит ли он что-нибудь об общественных делах или частных, в стихах ли, как поэт, или без размера, как любой из нас?

Ф е д р. Ты спрашиваешь, надо ли? Да для чего же, по правде говоря, и жить, как не для удовольствий такого рода? Ведь не для тех же удовольствий, которым должно предшествовать страдание, – иначе их и не ощутишь, как это бывает чуть ли не со всеми телесными удовольствиями: потому-то их по справедливости и называют рабскими.

С о к р а т. Досуг у нас, правда, есть. К тому же цикады над нашей головой поют, разговаривают между собой, как это обычно в самый зной, да, по-моему, они и смотрят на нас. Если они увидят, что и мы, подобно большинству, не ведем беседы в полдень, а по лености мысли дремлем, убаюканные ими, то справедливо осмеют нас, думая, что это какие-то рабы пришли к ним в убежище и, словно овцы в полдень, спят у родника. Если же они увидят, что мы, беседуя, не поддаемся их очарованию и плывем мимо них, словно мимо сирен, они, в восхищении, пожалуй, уделят нам тот почетный дар, который получили от богов для раздачи людям.

Ф е д р. Что же такое они получили? Я, по-видимому, и не слышал об этом.

С о к р а т. Не годится человеку, любящему Муз, даже и не слышать об этом! По преданию, цикады некогда были людьми, еще до рождения Муз. А когда родились Музы и появилось пение, некоторые из тогдашних людей пришли в такой восторг от этого удовольствия, что среди песен они забывали о пище и питье и в самозабвении умирали. От них после и пошла порода цикад: те получили такой дар от Муз, что, родившись, не нуждаются в пище, но сразу же, без пищи и питья, начинают петь, пока не умрут, а затем идут к Музам известить их, кто из земных людей какую из них почитает. Известив Терпсихору о тех, кто почтил ее в хороводах, они снискивают к ним у нее расположение; у Эрато – к тем, кто почтил ее в любовных песнях, и то же с остальными Музами, соответственно виду почитания каждой из них. Самую старшую из Муз Каллиопу – и следующую за ней – Уранию – они извещают о людях, посвятивших свою жизнь философии и почитающих то, чем ведают эти Музы. Ведь среди Муз эти две больше всех причастны небу и учениям, божественным и человеческим, потому их голос всего прекраснее. Значит, по многим причинам нам с тобой надо беседовать, а не спать в полдень.

Ф е д р. Конечно, будет беседовать.

С о к р а т. Стало быть, нам предстоит рассмотреть, как мы только что и собирались сделать, от чего это зависит – говорить и писать хорошо или нехорошо.

Ф е д р. Очевидно.

С о к р а т. Чтобы речь вышла хорошей, прекрасной, разве разум оратора не должен постичь истину того, о чем он собирается говорить?

Ф е д р. Об этом, милый Сократ, я так слышал: тому, кто намеревается стать оратором, нет необходимости понимать, что действительно справедливо, – достаточно знать то, что кажется справедливым большинству, которое будет судить. То же самое касается и того, что в самом деле хорошо и прекрасно, – достаточно знать, что таким представляется. Именно так можно убедить, а не с помощью истины.

С о к р а т. «Мысль не презренная», Федр, раз так говорят умные люди, но надо рассмотреть, есть ли в ней смысл. Поэтому нельзя оставить без внимания то, что ты сейчас сказал.

Ф е д р. Ты прав.

С о к р а т. Рассмотрим это следующим образом.

Ф е д р. Каким?

С о к р а т. Например, я убеждал бы тебя приобрести коня, чтобы сражаться с неприятелем, причем мы с тобой оба не знали бы, что такое конь, да и о тебе я знал бы лишь то, что Федр считает конем ручное животное с большими ушами...

Ф е д р. Это было бы смешно, Сократ.

С о к р а т. Пока еще нет, но так было бы, если бы я стал всерьез тебя убеждать, сочинив похвальное слово ослу, называя его конем и утверждая, что всячески стоит завести эту скотинку не только дома, но и в походе, так как она пригодится в битве, для перевоза клади и еще многого другого.

Ф е д р. Вот это было бы совсем смешно!

С о к р а т. А разве не лучше то, что смешно да мило, чем то, что страшно и враждебно?

Ф е д р. Это очевидно.

С о к р а т. Так вот, когда оратор, не знающий, что такое добро, а что – зло, выступит перед такими же несведущими гражданами с целью их убедить, причем будет расхваливать не тень осла, выдавая его за коня, но зло, выдавая его за добро, и, учтя мнения толпы, убедит ее сделать что-нибудь плохое вместо хорошего, какие, по твоему, плоды принесет впоследствии посев его красноречия?

Ф е д р. Не очень-то подходящие.

С о к р а т. Впрочем, друг мой, не слишком ли резко мы нападаем на ораторское искусство? Оно, пожалуй, возразило бы нам: «Что за вздор вы несете, странные вы люди! Никого, кто не знает истины, я не принуждаю учиться говорить, напротив, – если мой совет что-нибудь значит, – пусть лишь обладающий истиной приступает затем ко мне. Я притязая вот на что: даже знающий истину не найдет помимо меня средства искусно убеждать».

Ф е д р. Разве не было бы оно право, говоря так?

С о к р а т. Согласен, если подходящие к случаю доказательства подтвердят, что оно искусство. Мне сдается, будто я слышу, как некоторые из них подходят сюда и свидетельствуют, что красноречие не искусство, а далекий от него навык. Подлинного искусства речи, сказал лаконец, нельзя достичь без познания истины, да и никогда это не станет возможным. <...> (260-260e)

<...>

С о к р а т. Искусство красноречия не есть ли вообще уметь увлекать души словами, не только в судах и других общественных собраниях, но и в частном быту? Идет ли речь о мелочах или о крупных делах, – оно все то же, и, к чему бы его ни применять правильно – к важным ли делам или к незначительным, – оно от этого не становится ни более, ни менее ценным. (261b)

<...>

С о к р а т. В чем же нас легче обмануть и где красноречие имеет большую силу?

Ф е д р. Видно, там, где мы блуждаем без дороги.

С о к р а т. Значит, тот, кто намерен заняться ораторским искусством, должен прежде всего определить свой путь в нем и уловить, в чем признак каждой его разновидности – и той, где большинство неизбежно блуждает, и той, где этого нет.

Ф е д р. Прекрасную его разновидность, Сократ, постиг бы тот, кто уловил бы это!

С о к р а т. Затем, я думаю, в каждом отдельном случае он не должен упускать из виду, но, напротив, как можно острее чувствовать, к какому роду относится то, о чем он собирается говорить. <...> (263b – 263c)

<...>

С о к р а т. Первый – это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет получения. <...> Второй вид – это, наоборот, способность разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом

не раздробить ни одной из них, как это бывает у дурных поваров <...> (265e)

<...>

С о к р а т. <...> Разве не так следует мыслить о природе любой вещи: прежде всего, простая ли это вещь – то, в чем мы и сами хотели бы стать искусными и других умели бы сделать такими, или она многовидна; затем, если это простая вещь, надо рассмотреть ее способности: на что и как она по своей природе может воздействовать или, наоборот, что и как может воздействовать на нее? Если же есть много ее видов, то надо их сосчитать и посмотреть свойства каждого (так же как в том случае, когда она едина): на что и как каждый вид может по своей природе воздействовать и что и как может воздействовать на него. <...> (270d)

<...>

С о к р а т. Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу, тому, кто собирается стать оратором, необходимо знать, сколько видов имеет душа: их столько-то и столько-то, они такие-то и такие-то, поэтому слушатели бывают такими-то и такими-то. Когда это должным образом разобрано, тогда устанавливается, что есть столько-то и столько-то видов речей и каждый из них такой-то. Таких-то слушателей по такой-то причине легко убедить в том-то и том-то такими-то речами, а такие-то потому-то и потому-то с трудом поддаются убеждению. Кто достаточно все это продумал, тот затем наблюдает, как это осуществляется и применяется на деле, причем он должен уметь остро воспринимать и проследить, иначе он не прибавит ничего к тому, что он еще раньше слышал, изучая красноречие. Когда же он будет способен определять, какими речами какой человек даст себя убедить, тогда при встрече с таким человеком он сможет распознать его и дать себе отчет, что вот как раз тот человек и тот характер, о котором прежде шла речь. Теперь он на самом деле предстал перед ним, и к нему надо вот так применить такие-то речи, чтобы убедить его в том-то. Сообразив все это, он должен учесть время, когда ему удобнее говорить, а когда и воздержаться: все изученные им виды речей – сжатую речь, или жалостливую, или же зажигательную – ему следует применять вовремя и кстати, только тогда, и никак не ранее, его искусство будет разработано прекрасно и совершенно. <...> (271d – 272)

<...>

С о к р а т. <...> кто не учтет характеры своих будущих слушателей, кто не сумеет различать существующее по видам и ох-

ватывать одной идеей все единичное, тот никогда не овладеет искусством красноречия настолько, насколько это возможно для человека. <...> (273e)

<...>

С о к р а т. <...> надо познать истину относительно любой вещи, о которой говоришь или пишешь; суметь определить все соответственно с этой истиной, а дав определение, знать, как дальше подразделить это на виды, вплоть до того, что не поддается делению. Природу души надо рассматривать точно так же, отыскивая вид речи, соответствующий каждому характеру, и таким образом строить и упорядочивать свою речь; к сложной душе надо обращаться со сложными, разнообразными речами, а к простой душе – с простыми. <...> (277c)

2. Триада Оратор – Речь – Аудитория

<...> лучшими речами считаю такие, которые посвящены самым важным предметам, которые и оратору дают себя показать, и слушателям приносят наибольшую пользу <...>. Только тогда должен молчать оратор, когда дело сделано и обсуждать его нет смысла или когда вопрос исчерпан и к нему нечего больше добавить.

(Исократ «Панегирик»)

<...> Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или другого настроения слушателя, третьи – от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании.

[Доказательство достигается] с помощью нравственного характера [говорящего] в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произносящему, потому что вообще мы более и скорее верим людям хорошим, в тех же случаях, где нет ничего ясного и где есть место колебанию, – и подавно; и это должно быть не следствием ранее сложившегося убеждения, что говорящий обладает известными нравственными качествами, но следствием самой речи, так как несправедливо думать, как это делают некоторые из людей, занимающихся этим предметом, что в искусстве заключается и честность оратора, как будто она представляет собою, так сказать, самые веские доказательства.

Доказательство находится в зависимости от самих слушателей, когда последние приходят в возбуждение под влиянием речи, потому что мы выносим различные решения под влиянием удо-

вольствия и неудовольствия, любви и ненависти. Этих-то способов убеждения, повторяем, исключительно касаются нынешние теории словесного искусства. Каждого из этих способов в отдельности мы коснемся тогда, когда будем говорить о страстях.

Наконец, самая речь убеждает нас в том случае, когда оратор выводит действительную или кажущуюся истину из доводов, которые оказываются в наличии для каждого данного вопроса (1356a 5-20).

(Аристотель «Риторика», кн.1)

<...> Есть три причины, возбуждающие доверие к говорящему, потому что есть именно столько вещей, в силу которых мы верим без доказательств, – это разум, добродетель и благорасположение <...> (1378a 10).

<...> Страсти – все то, под влиянием чего люди изменяют свои решения, с чем сопряжено чувство удовольствия или неудовольствия, как, например, гнев, сострадание, страх и все этим подобные и противоположные им [чувства] (1378a 20).

<...> обязанность [оратора] – привести слушателей в такое состояние, находясь в котором люди сердятся, и [убедить их], что противники причастны тому, на что [слушатели] должны сердиться, и что [эти противники] таковы, каковы бывают люди, на которых сердятся (1380a).

<...> Мы сказали, при помощи чего возникают и исчезают страсти, из чего образуются способы убеждения. Вслед за этим изложим, каковы бывают нравы сообразно со страстями людей, их качествами, возрастом и жребием (1388b 30).

<...> Я называю страстями гнев, желание и тому подобные [движения души], о которых мы говорили раньше, качествами – добродетели и пороки, о них сказано раньше, а также о том, что предпочитают отдельные личности и что они способны делать. Возраст – это юность, зрелый возраст и старость. Делом случая (tyche) я называю благородство происхождения, богатство, власть и вещи противоположные этим, и вообще удачу (eutychia) и неудачу (dystychia).

Юноши по своему нраву склонны к желаниям, а также склонны исполнять то, чего пожелают, и из желаний плотских они всего более склонны следовать желанию любовных наслаждений и не воздержаны относительно его. По отношению к страстям они пере-

менчивы и легко пресыщаются ими, они сильно желают и скоро перестают [желать]; их желания пылки, но не сильны, как жажда и голод у больных. Они страстны, вспыльчивы и склонны следовать гневу. Они слабее гнева, [не могут совладать с гневом], ибо по своему честолюбию они не переносят пренебрежения, и негодуют, когда считают себя обиженными. Они любят почет, но еще более любят победу, потому что юность жаждет превосходства, а победа есть некоторого рода превосходство. Обоими этими качествами они обладают в большей степени, чем корыстолюбием: они совсем не корыстолюбивы, потому что еще не испытали нужды, как говорит изречение Питтака против Амфиарая. Они не злы, а добродушны, потому что еще не видели многих низостей. Они легковверны, потому что еще не во многом были обмануты. Они исполнены надежд, потому что юноши так разгорячены природой, как люди, упившиеся вином; вместе с тем [они таковы], потому что еще не во многом потерпели неудачу. Они преимущественно живут надеждой, потому что надежда касается будущего, а воспоминание – прошедшего; у юношей же будущее продолжительно, прошедшее же кратко: в первый день не о чем помнить, надеяться же можно на все. Их легко обмануть вследствие сказанного: они легко поддаются надежде. Они чрезвычайно смелы, потому что пылки и исполнены надежд; первое из этих качеств заставляет их не бояться, а второе быть уверенными. Никто, будучи под влиянием гнева, не испытывает страха, а надеяться на что-нибудь хорошее, значит быть смелым. Молодые люди стыдливы: они воспитаны исключительно в духе закона и не имеют понятия о других благах. Они великодушны, потому что жизнь еще не унизила их и они не испытали нужды; считать себя достойным великих [благ] означает великодушие, и это свойственно человеку, исполненному надежд. В своих занятиях они предпочитают прекрасное полезному, потому что живут более сердцем, чем расчетом; расчет касается полезного, а добродетель прекрасного. Юноши более, чем люди в других возрастах, любят друзей, семью и товарищей, потому что находят удовольствие в совместной жизни и ни о чем не судят с точки зрения пользы, так что и о друзьях не [судят так]. Они во всем грешат крайностью и излишеством вопреки Хилонову изречению: они все делают через меру: чересчур любят и чересчур ненавидят и во всем остальном также. Они считают себя всеведущими и утверждают это; вот причина, почему [они все делают] чрез меру. И несправедливости они совершают по своему высокомерию, а не по злобе. Они легко доступны состраданию, потому что считают всех честными и слишком хорошими: они меряют своих ближних

своей собственной неиспорченностью, так что полагают, что те терпят незаслуженно. Они любят посмеяться и сказать острое словцо, так как остроумие есть отшлифованное высокомерие (1388b 35 – 1389b 10).

<...> Таковы нравы юношей и стариков, и так как все хорошо относится к речам, соответствующим их характеру, и к людям себе подобным, то отсюда очевидно, как должно поступать в речи, чтобы и сами [ораторы] и их речи показались таковыми (1390a 25).

(Аристотель «Риторика», кн.2)

3. Изобретение

<...> Я называю энтимемою риторический силлогизм, а примером – риторическое наведение: ведь и все ораторы излагают свои доводы, или приводя примеры, или строя энтимемы, и помимо этого не пользуются никакими способами доказательства (1356b 5).

(Аристотель «Риторика», кн.1)

<...> Общие способы убеждения бывают двоякого рода: пример и энтимема, так как изречение есть часть энтимемы. (1393a 25).

<...> Есть два вида примеров: один вид примера заключается в том, что приводятся факты прежде случившиеся, другой – в том, что [оратор] сам сочиняет таковые; в последнем случае может быть, во-первых, притча, во-вторых, басня, каковы, например, басни Эзопа и басни ливийские (1393a 30).

<...> Примерами следует пользоваться в том случае, когда не имеешь энтимем для доказательства, ибо для того, чтобы убедить, требуется [какое-нибудь] доказательство; когда же [энтимемы] есть, то примерами следует пользоваться, как свидетельствами, помещая их вслед за энтимемами в виде эпилога (1394a 10).

<...> Изречение есть утверждение, которое относится, однако, не к отдельным случаям, например, не к тому, какой человек Ификрат, но имеет общее значение; впрочем, [касается] не всех областей (например, что прямое противоположно кривому), но лишь того, около чего вращаются житейские дела; [они имеют в виду то], что можно избирать и чего должно избегать в своей деятельности (1394a 25).

<...> По возрасту пользоваться изречениями прилично людям зрелым, и относительно того, в чем человек опытен: употреблять изречения, а также рассказывать мифы неприлично человеку, не достигшему такого возраста, употребление же изречений по пово-

ду того, в чем человек неопытен, есть признак неразумия и невоспитанности (1395а).

<...> [Изречения] представляют большую подмогу для речей, во-первых, вследствие тщеславия слушателей, которые радуются, когда кто-нибудь, говоря вообще, выскажет мнения, которых держатся слушатели в отдельных случаях (1395b).

<...> второе преимущество еще важнее: [изречения] придают речам характерность. Те речи отражают в себе характер [оратора], в которых ясны его намерения, а все изречения таковы, ибо [в них] приводящий изречение высказывается вообще о намерениях: так что если изречения по своему нравственному смыслу хороши, то они показывают, что и человек, приводящий их, обладает нравственно хорошим характером (1395b 15).

(Аристотель «Риторика», кн.2)

4. Расположение

<...> необходимые части речи – изложение и способ убеждения; они составляют ее неотъемлемую принадлежность, но по большей части бывают: предисловие, изложение, способ убеждения, заключение (1414b 5).

<...> предисловие (prooimion) есть начало речи, то же, что в поэтическом произведении есть пролог, а в игре на флейте – прелюдия. Все эти части – начало; они как бы прокладывают путь для последующего (1414b 20).

<...> виды [предисловия], которыми пользуются [ораторы], представляют собой определенные приемы (iatreumata), они общи [всем родам произведений]; содержание их слагается в зависимости от личности самого оратора, от личности слушателя, от дела, от личности противника (1415a 25).

<...> Предисловия, имеющие в виду слушателя, [возникают] из желания сделать слушателя благосклонным или рассердить его, а иногда еще из желания возбудить его внимание или наоборот, <...> [того же достигнет оратор], если выкажет себя нравственно хорошим человеком, потому что [слушатели] относятся с большим вниманием к таким людям (1415a 35).

<...> В речах эпидейктических рассказ должен быть изложен не весь сразу, а по частям, так как следует изложить те деяния, вследствие которых сложилась речь. Речь слагается, таким образом, из части, не зависящей от искусства (потому что оратор к фактам не имеет отношения), и части, зависящей от искусства; эта последняя заключается в том, чтобы показать или что предмет речи

факт, если он кажется невероятным, или что он именно таков, или настолько важен, или все [это вместе]. Поэтому-то иногда следует излагать не все подряд, потому что при таком способе изложения трудно все запомнить; на основании того-то, например, [устанавливается, что] он [то есть лицо, о котором идет речь] – человек мужественный, на основании другого, что он – человек мудрый и справедливый. При первом способе изложения речь бывает слишком проста, а при другом она разнообразна и не бесцветна.

Факты, всем известные, нужно только напоминать; поэтому для большинства [таких случаев] рассказ вовсе не нужен <...> (1416b 20–25).

<...> При защите рассказ [должен быть] короче, так как оспаривается при этом, что [то или другое] произошло, или что оно вредно, или что несправедливо, или что имело столь важное значение, так что о фактах установленных говорить не следует <...> (1417a 10).

<...> Оратор, начиная речь, совещательную или судебную, должен сначала изложить свои собственные способы убеждения, а потом выступить против доводов своего противника, уничтожая их или заранее браня их (1418b 5).

<...> При составлении эпилога оратору нужно: во-первых, постараться хорошо расположить слушателей к себе и дурно – к противнику, во-вторых, применить преувеличение и умаление, в-третьих, разжечь страсти слушателей, в-четвертых, напомнить [для чего произнесена речь] (1419b 10).

(Аристотель «Риторика», кн.3)

5. Словесное оформление

<...> недостаточно знать, что следует сказать, но необходимо также сказать это, как должно; это много способствует тому, чтобы речь произвела нужное впечатление (1403b 15).

(Аристотель «Риторика», кн.3)

<...> стиль необходимо имеет некоторое небольшое значение, потому что для выяснения чего-либо есть разница в том, выразишься ли так или этак; но все-таки [значение это] не так велико, [как обыкновенно думают]: все это относится к внешности и касается слушателя, поэтому никто не пользуется этими приемами при обучении геометрии. <...> (1404a 10).

<...> Рассмотрев это, определим, что достоинство стиля заключается в ясности (*saphe*); доказательством этого служит то, что,

раз речь не ясна, она не достигнет своей цели. [Стиль не должен быть] ни слишком низок, ни слишком высок, но должен подходить [к предмету речи] <...> (1404b).

<...> Стиль будет обладать надлежащими качествами, если он полон чувства (*pathetic*), если он отражает характер (*ethic*) и если он соответствует истинному положению вещей. Последнее бывает в том случае, когда о важных вещах не говорится слегка и о пустяках не говорится торжественно и когда к простому имени (слову) не присоединяется украшение; в противном случае стиль кажется шутовским... (1408a 10).

<...> Стиль, соответствующий данному случаю, придает делу вид вероятного: здесь человек ошибочно заключает, что [оратор] говорит искренно на том основании, что при подобных обстоятельствах он [человек] испытывает то же самое, и он понимает, что положение дел таково, каким его представляет оратор, даже если это на самом деле и не так (1408a 20).

<...> Выражение мыслей с помощью знаков (*semeion*) отражает характер [говорящего], ибо для каждого положения и душевного качества есть свой соответствующий язык; положение я различаю по возрасту, например, мальчик, муж или старик; [по полу], например, женщина или мужчина; [по национальности], например, лаконец или фессалиец. Душевными качествами [я называю] то, сообразно чему человек в жизни бывает таким, а не иным, потому что образ жизни бывает именно таким, а не иным в зависимости не от каждого душевного качества; если оратор употребляет выражения, соответствующие душевному качеству, он обнаруживает свой нравственный облик, потому что человек неотесанный и человек образованный сказали бы не одно и то же и не в одних и тех же выражениях (1408a 30).

<...> Что касается формы стиля, то он не должен быть ни метрическим, ни лишенным ритма. В первом случае [речь] не имеет убедительности, так как кажется выдуманной, и вместе с тем отвлекает внимание [слушателей], заставляя следить за возвращением сходных [повышений и понижений] (1408b 20).

<...> Стиль необходимо должен быть или непрерывным (*eiotene*) и соединенным при помощи союзов, каковы прелюдии (*anabolai*) в дифирамбах, или же периодическим и подобным антистрофам древних поэтов (1408b 25).

<...> Я называю непрерывным такой стиль, который сам по себе не имеет конца, если не оканчивается предмет, о котором идет

речь; он неприятен по своей незаконченности, потому что всякому хочется видеть конец <...> (1408b 30).

<...> стилем же периодическим называется стиль, составленный из периодов. Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозреть. Такой стиль приятен и понятен; он приятен, потому что представляет собой противоположность речи незаконченной, и слушателю всегда кажется, что он что-то схватывает, и что что-то для него закончилось; а ничего не предчувствовать и ни к чему не приходиться – неприятно. Понятна такая речь потому, что она легко запоминается, а это происходит от того, что периодическая речь имеет число, число же всего легче запоминается (1409b 5).

(Аристотель «Риторика», кн.3)

<...> Существуют четыре основных стиля (haploî characteres): простой (ischnos), величественный (megaloprepes), изящный (glaphyros) и мощный (deinos) и сверх того различные их сочетания. Но не всякий стиль может вступать в сочетания с любым другим. Так, изящный стиль сочетается с простым и величественным, мощный с ними обоими. И только стиль величественный не сочетается с простым, напротив, эти два стиля противоположны друг другу, несовместимы и как бы исключают один другой (36).

<...> Подобно тому как хорошее (asteios) очень тесно граничит с дурным, как смелость с дерзостью, скромность с [чрезмерной] застенчивостью, точно таким же образом каждый вид стиля соседствует со [своим] искаженным соответствием. Сначала мы обратимся к типу речи, соседствующему с величественным. Его называют выпрненным (psychros), а, по определению Феофраста, выпрненным считается способ высказывания, превышающий свой предмет <...> (114).

<...> имеется искаженный вид и у стиля изящного. Я назову его обычным именем «безвкусный» (cacodzelos) (186).

<...> Рядом с простым [стилем] существует его искажение – так называемый сухой (xeros) стиль (236).

<...> Наряду с мощным стилем существует и его искажение, так называемый назойливый (acharis) (302).

(Деметрий «О стиле»)

<...> задача соединения заключается в том, чтобы естественно расположить слова по отношению друг к другу, придать колонам соответствующее построение и целую речь расчленить на периоды.

В последовательности рассмотрения словесной части соединение занимает лишь второе место, ибо подбор слов здесь первенствует и естественно предшествует ему, однако и приятность речи, и убедительность, и мощь гораздо более зависят именно от соединения (9).

<...> Всякая речь, которой выражаем мы мысли, бывает либо стихотворной, либо прозаической. Как в той, так и в другой стихи и проза становятся красивыми тогда, когда достигается красивая стройность (to metron cai ton logon); слово же, брошенное наугад, как попало, губит вместе с собой и полезную мысль (11).

<...> Пожалуй, соединение слов так же относится к подбору, как слова относятся к мыслям. Как бесполезна хорошая мысль, если ты не украсишь ее прекрасным словесным выражением, так точно и здесь нет никакого проку в изыскании чистого, благозвучного выражения, если последнее не вправлено в соответствующее ему красивое построение (cosmon ... harmonias) (12).

<...> есть два основных начала, к которым надлежит стремиться составителям и стихов и прозы: это – приятность и красота (52).

<...> Приятной и красивой становится речь благодаря следующим четырем решающим и важнейшим вещам: мелодии (melos), ритму (rhythmos), разнообразию (metabole) и, наконец, уместности (pregon), сопутствующей каждому из этих трех качеств. Под приятностью я понимаю свежесть, привлекательность, благозвучие, сладость, убедительность и тому подобное; а под красотой – великолепие, вескость, важность, достоинство, убедительность и тому подобное (53).

<...> благодаря сплетению букв получается различный склад слогов, а благодаря сочетанию слогов – разнообразие природы слов, а благодаря построению слов – многообразность речи. Отсюда, таким образом, необходимо следует, что красива та речь, в которой слова красивы, а слова красивы благодаря слогам и буквам; точно так же и приятна та речь, в которой приятно действуют на слух слова, слоги и буквы; и даже те особенности каждого единичного случая, в которых выявляются и характеры, и чувства, и настроения, и действия лиц, и то, что со всем этим связано, происходят от первичного построения букв (96).

<...> благородные, исполненные достоинства и величавости ритмы дают сильные, достойные и величавые сочетания, неблагоприятные же и низкие ритмы дают сочетания, лишенные величия и важности, безразлично, будут ли эти ритмы взяты сами по себе, одни, или же в сплетении друг с другом. Итак, если представится

нам возможность сложить всю речь из одних только лучших ритмов, то это будет исполнением заветнейших наших желаний; но если будет необходимо давать попеременно ритмы и получше и похуже (как это обычно и бывает, ибо свои названия вещи носят случайно), то придется искусно распределять ритмы, прелестью сочетаний скрадывая необходимость, тем более, что мы это можем делать вполне безнаказанно: ведь прозаической речи ни один ритм не противопоказан, не то что стихам (112).

<...> Под этим словом я разумею <...> разнообразие однородного. Ибо при неизменном повторении надоедает даже и всяческая красота, как и вообще все приятное; а в разнообразии перемен она продолжает вечно оставаться новой (129).

<...> Что же касается прозаической речи, то она может совершенно свободно распоряжаться разнообразием перемен по своему желанию. Речь эта сильнее всех прочих, поскольку она вольна давать неограниченное число пауз и перемен в построении: тут она укладывается в период, там выходит из периода; один период сплетен из большего числа членов, другой из меньшего; самые члены бывают то короче, то длиннее, то быстрее, то медленнее, то утонченнее; ритмы то одни, то другие, фигуры разнообразные, напряжение голоса – так называемые ударения – различные, и такая пестрота делает невозможным всякое пресыщение. Есть особая прелесть в таком складе, в котором и склада не заметно (132).

<...> Если общепризнано, что уместность – это то, что соответствует данным лицам или предметам, тогда, подобно тому как один выбор слов будет уместен для данного содержания, а другой неуместен, точно так же и соединение слов. Примером тому может служить сама действительность. Я имею в виду то, что ведь не одни и те же употребляем мы соединения слов, когда сердимся и когда радуемся, когда сетуем и когда страшимся, когда постигнуты каким-нибудь горем и несчастьем и когда предаемся размышлению, не смущаемые и не печалимые ничем. <...> одни и те же люди, в одном и том же состоянии духа, рассказывая о событиях, которых они были свидетелями, не обо всем говорят одинаковыми соединениями слов, а невольно подчиняются естественному стремлению и подражательно передают рассказываемое даже самым соединением слов. Присматриваясь к этому, должен и хороший поэт, так же как и хороший оратор, подражать тому, о чем он говорит, не только подбором слов, но и их соединением (136).

<...> родовых различий соединения, по моему убеждению, насчитывается три. <...> я <...> приложу к ним <...> переносные

обозначения, назвав один род соединений строгим, другой – гладким или цветистым, а третий – общим (146).

(Дионисий Галикарнасский «О соединении слов»)

<...> период не что иное, как определенное соединение слов. И если, нарушив кругообразное построение, переставить слова, то содержание не изменится, но периода не будет (11).

<...> Происхождение периода таково. Существует два вида речи (*he hermeneia*). Первый из них называют закругленным (*catestrammene*), ибо он сплошь состоит из периодов. Таковы речи Исократы, речи Горгия и Алкидаманта. <...> Другой вид речи называют разорванным (*dieremene hermeneia*), так как такую речь «разрывают» колоны, плохо пригнанные друг к другу. Таковы многие места из Гекатея, Геродота и вообще вся архаика. <...> Колоны здесь как бы нагромождены и набросаны друг на друга. Они не связаны и не оказывают друг другу ни сопротивления, ни поддержки, как это бывает в периодах (12).

<...> Периодическую речь можно уподобить камням, подпирающим и несущим сводчатую кровлю, а колоны разорванной речи – камням, лишь лежащим рядом, но не соединенным в постройке (13).

Поэтому речи древних присуща некая суховатость и собранность (*eystales*), точно так же, как и их статуям, где искусство составляет строгость и простота. Речь же поздних авторов можно сравнить уже с творениями Фидия, где величие (*megaleion*) [формы] соединено с тщательностью (*acribes*) (14).

Я же не одобряю ни речи, сплошь сплетенной из периодов, как у Горгия, ни целиком разорванной, как у древних, но предпочитаю речь, соединяющую то и другое. Тогда она будет одновременно и тщательно отделанной и безыскусственной, а исходя из двух этих качеств приятной (*hedys*) – и не совсем проста (*idioticos*) и не слишком изысканна (*sophisticos*) (15).

(Деметрий «О стиле»)

<...> Известно, что даже флейта внушает слушателям такие чувства, которые заставляют их как бы расставаться с рассудком и впасть в состояние близкое к безумию. Флейта способна подчинить слушателя своему ритму и заставить его, даже полностью лишённого всякой музыкальности, ритмично двигаться в такт ее напева.

... Сочетание слов и предложений тоже представляет собой гармонию, но не гармонию звуков, а слов, – того дара, который

свойствен лишь людям. В гармонии слов рождается пестрая вереница представлений о словах, мыслях, определенных предметах; в ней же заложены разнообразные виды того прекрасного и благозвучного, чем мы наделены от рождения и с чем навсегда породнились; благодаря единству и многообразию своих созвучий эта гармония вливает незаметно в сердца слушателей те глубокие чувства, которые свойственны самому оратору, и таким образом слушатели приобщаются к величию гармонии. А разве в общем сочетании мыслей и слов такая гармония не становится созвучной величественному? Разве всеми своими средствами не чарует она нас и, всецело овладев нашей волей, разве не увлекает каждый раз к чему-то значительному, торжественному и возвышенному, то есть ко всему тому, чем преисполнена она сама?

(Анонимный трактат «О возвышенном»)

Гермоген «Об идеях, или о видах слога»

(О характерности)

Как получается ясная, исполненная достоинства, а также красивая и выразительная речь, мы выяснили в предыдущих разделах, после чего неизбежно следует раздел о характерности слога. Дело в том, что весьма полезно как ничто другое изучить этот вид слога, чтобы по возможности то всей речи в целом придавать тот или иной характер, когда это нужно, то примешивать черты характерности к резкому или величавому, или красивому, или к остальным видам слога. Ибо я считаю, что характерность не есть попросту лишь нечто по необходимости выявляющееся во всей речи, как цвет у тела, но она призвана примешиваться и к резкости, и к грубости, и ко всему остальному. Эта характерность получается тогда, когда кто-то принаравливает к действующим лицам собственные и подобающие им речи, например, стратегам или риторам, или частным лицам, которые, собственно, и называются характерными, как-то: обжоры, трусливые или сребролюбивые, или т.п. <...> (116)

(О простоте)

Итак, простые мысли, если сказать одним словом, это чистые мысли, т.е. общие всем, всем доступные или, как кажется, доступные, не содержащие тайных глубин или скрытого умысла, — что такие мысли будут для нас простыми и чистыми, это ясно. Например: «Меня считайте плохим гражданином, а его оправдай-

те». И это не вызывает сомнений, что чистые мысли всецело будут простыми, а простые – чистыми. Собственно простыми называют мысли, свойственные бесхитростным характерам, почти ребяческим, чтобы не сказать глупым. Например, если кто-то распространяется о некоторых вещах и рассуждает о них без малейшей необходимости, когда никто об этом не спрашивал <...> Я имею в виду мысли, которые возникают даже у малых детей, как я говорил, и у зрелых мужей, что недалеко ушли от младенцев по свойствам своего ума, а также у женщин и деревенских жителей, одним словом, у действительно простых и безобидных людей. <...> Острословие и остроумное возражение противнику или где-то еще, которое многие считают видом живой речи, не только не относится к простоте, но прямо противоположно ей. Дело в том, что это особенность мастерства, поскольку такое острословие есть не что иное, как вышедшая на поверхность глубина, что не мешает ему быть видом живой речи. И, несмотря на название, мы не видим здесь различия, когда мысль глубокая излагается без прикрас и прозрачно, производя впечатление простоты. Много таких примеров у Ксенофонта. <...>

Обороты и колоны у простого слога те же, что у чистого, так же и стяжения. Наиболее просты более свободные, например, «выслушайте мою справедливую защиту», и большинство оборотов у Ксенофонта или Сократика и, между прочим, у Никострата. Отсюда же ясно и каков ритм простого слога, поскольку и здесь ритм зависит от того, какое бывает стяжение.

Прерывания и размер у простого слога ступенчатые. Дело в том, что, хотя такое прерывание свойственно величавости, оно сюда более подходит, чем – как бы сказать – «захватывания» и «сцепления», поскольку относится к средствам украшения. Итак, простому слогу более, нежели слогу с утонченным ритмом, свойственны устойчивые размеры и ступенчатые прерывания. <...>

(О сладости)

<...> прежде всего сладость и приятность придают слогу, как я сказал, мифические мысли. На втором же месте стоят рассказы, близкие к мифу, например, когда кто-то распространяется о Троянской войне или о чем-то в этом роде. Третье место занимают рассказы, имеющие лишь немного общего с мифами и более достоверные, чем те. Таково все сочиненное Геродотом, поскольку мифического в них мало, например, сказание о Пане, Иакхе и, может быть, некоторые другие, очень немногие. Прочие же расска-

зы у него и внушают доверие и отличаются от мифов, вот почему в них не столько сладости, сколько в настоящих мифах. Кроме них, есть еще один вид мыслей приятных и сладостных, который в разных случаях имеет разное значение, то превосходя часто приятностью даже мифические мысли, то уступая порой даже тем, что занимают третье место. А состоит он в следующем. Все, что приятно нашим ощущениям, я разумею вещи, приятные взгляду или осязанию, или вкусу или еще как-то доставляющие наслаждение, будучи названо в речи, доставляет удовольствие. <...>

<...> Слова же сладостные – те, что свойственны простому слогу в отличие от чистого, о чем мы говорили, а, кроме того, поэтические. Такими словами пользовался Геродот, более всего помышлявший о сладости слога, наряду с теми методами и мыслями, какими и мы охарактеризовали сладостный слог. Везде и всегда каждое употребленное им слово простое, как мы и говорили, но особенная и явственная их сладость проистекает еще и оттого, что он предпочел говорить на диалекте сугубо поэтическом, ибо ионийский диалект, будучи поэтическим, приятен по природе своей. <...> впление стихов в речь тоже доставляет удовольствие. <...> При этом следует знать, что такие впления собственных или чужих стихов, если они впадают не органически, так чтобы стихи и проза составляли единое тело, а зачитываются с расстановкой, как законы и постановления во время судебного выступления, то они не производят того утонченно сладостного ощущения, их действие бывает несколько иным. <...>

<...> Живые слова, о которых мы сейчас будем говорить, тоже придают речи сладость. Обороты сладостного слога те же, что у простого, как мы говорили, и у чистого слога. Сюда же относятся обороты, свойственные красивому и разукрашенному слогу.

Стяжения сладостного слога, очевидно, те же, что у красивого, т.е. приближающие речь к тому или иному метру, поскольку сладостная речь должна доставлять чувству удовольствие также и своими стяжениями. Причем, здесь должны преобладать стопы, свойственные величавому слогу. Так же и прерывания в речи, имеющей некую приятность, будут величавые и ступенчатые. О том, что здесь должен быть ступенчатый ритм, мы говорили уже в разделе о простоте. <...>

(О живости, остроловиш, о свежем и пленительном слоге)

<...> Слова, придающие речи живость, сами по себе никакой живости не имеют, если отделить их от мысли, ради которой они

взяты, или от сказанного до нее. В иных видах слога этого не было, но и чистые слова оставались; разумеется, чистыми, даже если они возвещали величавые мысли и если до них не было сказано ничего, также и величавые слова – величавыми, даже если ими выражается невеличавая мысль и ничто им не предшествует, то же относится к словам всех прочих видов слога. Не таковы слова живого слога, сами по себе они не имеют ничего подобного, обозначая неподвластную им мысль, или же, следуя за какими-то другими словами, они приобретают живость благодаря какой-нибудь милой шутке, и вся речь как бы оживает. <...> Живость другого рода проистекает из паронимии, т.е. не из сходства слов, а когда, употребив имя или глагол в его собственном значении, мы тут же рядом прилагаем его к такому предмету, в отношении к которому это слово, собственно, не употребляется. <...>

<...> Остается третий вид живого слова, каким наш ритор пользовался, не соединяя его с другими. Он получался тогда, когда, употребив какой-то троп, не очень грубый и навязчивый, мы сопровождаем его другим, уже более навязчивым тропом, который, однако, в соседстве с первым уже не производит столь досадного ощущения. Например: «Но подобное могущество может установиться всего лишь однажды, да и то на короткое время, оно, может быть, даже пышно расцветает, преисполняя надеждами, но со временем все-таки разоблачает себя и увядает». В слове «расцветает» есть троп, но не грубый и не очень навязчивый, как в слове «увядает», но и последний не кажется таковым благодаря соседству с первым, поскольку по отношению к тому, что отцвело, слово «увядать» употребляется в собственном смысле. <...>

(О скромности)

Скромным характерный слог получается благодаря мысли, а именно когда кто-то начинает прибедняться напоказ. <...> Или же тогда, когда кто-то выставляет себя одним из многих, хотя и не принадлежит к большинству, что почти тождественно сказанному прежде. <...>

<...> Вообще же, как я сказал в самом начале разговора о скромности, все, что составляет добровольное самоуничижение какого-то лица, делает слог характерным и скромным по мысли. <...>

<...> Метод же скромной речи почти не отличается от скромных мыслей, а именно это добровольное умаление своих достоинств или своих преимуществ перед противником и воздержание от резких выражений. <...> За ним следует метод «умолчания».

Дело в том, что, когда кто-то добровольно умалчивает о том, что он мог бы сказать в свою пользу или во вред противнику, это производит впечатление скромности. Такие умолчания весьма повышают доверие к речи благодаря этой показной скромности, а получаются они, как я уже говорил, двойко, т.е. когда умалчивают и о том, что против нас, и о том, что за нас. И бывают они двух видов, как и умаление наших преимуществ перед противником бывает двух видов, о чем мы уже говорили. Дело в том, что говорящий либо просто умалчивает о чем-то, либо, ничего не добавляя, только делает вид и как бы присоединяет нечто неопределенное. Например: «Таких случаев, когда может быть какое-нибудь сомнение насчет того, говорил ли он в самом деле в защиту нашего государства, я не стану касаться». Или примеры такого рода: «Многое я опускаю, по тем-то, – говорит он, – и по тем-то причинам». Можно поступать либо так, либо, пользуясь методом умолчания, тем не менее все это дело излагать. Например: «Я не стану ничего говорить... ни о том, выкупал ли я кого-нибудь из плена у врагов, ни о том, помогал ли я каким-нибудь беднякам выдавать замуж дочерей с приданым» или это: «Я не говорю про Олинф, Мефону, Аполлонию и про тридцать два города во Фракии» и т.д. <...>

<...> Третий метод скромного слога делает речь чистой, поскольку он же делает ее простой. Дело в том, что, когда говорящий выказывает скромность, он должен проявить также много простоты, и это может почувствовать всякий, кто хоть немного усвоил из теории красноречия. Слова скромного слога также чисты и просты, таковы же обороты и колоны стяжения. То же относится и к прерываниям и ритмам, если и отсюда можно извлечь что-то для того, чтобы речь производила впечатление скромности.

(О правдивой речи)

Искренняя и правдивая и как бы непосредственная речь по большей части зависит от метода и оборотов, от слов и всего с ним и связанного, хотя получается и благодаря мысли. Дело в том, что все простые мысли должны относиться и к искреннему слогу, иначе как бы могли они иметь точную характерность? Пожалуй, скромные мысли тоже могут относиться к этому виду. <...> я утверждаю, что почти единственный метод всякой искренней речи – это не говорить наперед, что-де кто-то клянется, но попросту как бы обронить эту клятву, чтобы мольба не была включена в речь, а просто вырвалась у говорящего. <...> Также и удивление перед какой-то вещью делает речь характерной и искренней. Однако если

ты скажешь предварительно, что удивляешься, то речь уже не сохранит той искренности, а станет лишь характерной и как бы безыскусной, и лишь в этой мере правдивой, но не по-настоящему правдивой. Если же ты не станешь говорить, что удивляешься, а откровенно назовешь сами по себе те вещи, которым дивишься, выказывая при этом самое это удивление, то сделаешь речь более искренней и поистине непосредственной. <...>

<...> Есть еще один метод правдивой и как бы непосредственной речи, почти тождественный названному раньше, имеющий, впрочем, некоторое отличие от него. Он состоит в том, чтобы не только в злоречии, но и в других случаях казаться говорящим по первому движению, без заранее обдуманного намерения. <...>

<...> Слова же, сюда подходящие, это все грубые, резкие, выражающие гневное расположение духа, особенно в обращениях, где бывают уместны и непривычные, тут же сочиненные слова <...>

(Об отягченности)

К отягченному слогу принадлежат все мысли, заключающие в себе порицание, когда кто-то, рассказывая о совершенных им благих делах, с укором говорит, что ничего и почти ничего не был удостоен, а даже, напротив, удостоился наказания вместо почета. Особенно отягченным слог получается тогда, когда кто-то начинает рассказывать о людях, совершивших мало или ничего хорошего, или даже, напротив, причинивших много зла, а затем получивших то, чего сам рассказчик не удостоился. <...>

(О мастерстве)

Мастерство в области красноречия есть, по моему мнению, не что иное, как правильное использование всех названных до сих пор видов речи и противоположных им, а также всего остального, составляющего тело речи. Ибо знать, так или иначе и в какое время и как должно употреблять все виды слога, все возражения и уверения, какие мысли подходят для вступления, основной части речи и заключения, – одним словом, уметь должным образом и ко времени пользоваться всем тем, что призвано составить тело речи, – такова, мне кажется, самая суть мастерства. Ибо говорят: он работает как мастер – про того, разумеется, кто должным образом употребляет любую подручную вещь, словно некий материал своего ремесла; и такой стратег будет мастером, кто со знанием дела должным образом применяет все, относящееся к стратегии, поскольку таков вооб-

ще его материал, так и ритор тот будет мастером, кто должным образом употребляет риторические вещи и материи. Вещами же и материями риторики будет, разумеется, все, названное выше, я разумею виды речи и все остальное. Если кто-то знает, когда что следует говорить, когда нет и где, в какой манере, по отношению к кому, как и почему это следует делать, если при этом он располагает не только знанием, но и умением, то, безусловно, он будет самым большим мастером и сможет всех превзойти <...>

<...> речь мастера отличают мысли неизбитые, глубокие и сильные, до конца продуманные. <...>

<...> придется рассмотреть всякие положения, всякие виды и способы, всякие мысли и построение их, чтобы показать, какие подходят для вступления, какие для доказательства, какие для снятия всех возможных вопросов, какие для послесловия во всех видах речи, а при этом еще, какой вид речи в целом подходит тому или иному вопросу, мужу, говорящему лицу, времени и месту, а также какое построение рассуждений. Еще придется исследовать, что из обретенного материала лучше сказать, а что оставить здесь невысказанным (может случиться так, что в другой раз нужно будет поступить противоположным образом), какой порядок высказывания суждений наиболее приемлем теперь и относительно каких вещей (ибо опять-таки по отношению к другим вещам и в другое время все может сложиться иначе), как нужно вводить одни вещи, а как другие. Какие мысли лучше распространить и каким способом, а с какими разделаться возможно скорее и как упомянуть об этом наиболее кратко, – все это и т.п. разобрать со знанием дела, не слишком затягивая изложение <...>

6. Произнесение

<...> Действие заключается здесь в голосе; [следует знать], как нужно пользоваться голосом для каждой страсти, например, когда следует [говорить] громким голосом, когда тихим, когда средним, и как нужно пользоваться интонациями, например, пронзительной, глухой и средней, и какие ритмы [употреблять] для каждого данного случая. Здесь есть три пункта, на которые обращается внимание: сила (*megethos*), гармония и ритм (1403b 30).

(Аристотель «Риторика»)

7. Советы молодым ораторам

<...> [Трудность красноречия.] Но это объясняется тем, что красноречие есть нечто такое, что дается труднее, чем это

кажется, и рождается из очень многих знаний и стараний. 5. И точно, при взгляде на великое множество учащихся, необыкновенное обилие учителей, высокую даровитость народа, бесконечное разнообразие тяжб, почетные и щедрые награды, ожидающие красноречие, какую можно предположить другую причину этого явления, кроме как невероятную обширность и трудность самого предмета? В самом деле, ведь здесь необходимо усвоить себе самые разнообразные познания, без которых беглость в словах бессмысленна и смешна; необходимо придать красоту самой речи, и не только отбором, но и расположением слов; и все движения души, которыми природа наделила род человеческий, необходимо изучить до тонкости, потому что вся мощь и искусство красноречия в том и должны проявляться, чтобы или успокаивать, или возбуждать души слушателей. Ко всему этому должны присоединяться юмор и остроумие, образование, достойное свободного человека, быстрота и краткость как в отражении, так и в нападении, проникнутые тонким изяществом и благовоспитанностью. Кроме того, необходимо знать всю историю древности, чтобы черпать из нее примеры; нельзя также упускать знакомства с законами и с гражданским правом. Нужно ли мне еще распространяться о самом исполнении, которое требует следить и за телодвижениями, и за жестикულიацией, и за выражением лица, и за звуками и оттенками голоса? Как это трудно само по себе, показывает даже легкомысленное искусство комедиантов в театре: хоть они и силятся владеть и лицом, и голосом, и движениями, но кто не знает, как мало меж ними и было и есть таких, на которых можно смотреть с удовольствием? Наконец, что сказать мне о сокровищнице всех познаний – памяти? Ведь само собою разумеется, что если наши мысли и слова, найденные и обдуманые, не будут поручены ей на хранение, то все достоинства оратора, как бы ни были они блестящи, пропадут даром.

Поэтому перестанем недоумевать, отчего так мало людей красноречивых: мы видим, что красноречие состоит из совокупности таких предметов, из которых даже каждый в отдельности бесконечно труден для разработки. Постараемся лучше добиться, чтобы наши дети и все, чья слава и достоинство нам дороги, полностью представили себе эту трудность задачи и поняли бы, что привести их к желанной цели никак не могут те правила, учителя и упражнения, к которым прибегают нынче все, а нужны какие-то совсем другие. 6. По крайней мере мое мнение таково, что невозможно быть во всех отношениях достохвальным оратором, не изучив всех важнейших предметов и наук. Речь должна расцветать и

разворачиваться только на основе полного знания предмета; если же за ней не стоит содержание, усвоенное и познанное оратором, то словесное ее выражение представляется пустой и даже режиссерской болтовней. <...> (16-20).

<...> «Право, – сказал он, – я не знаю ничего прекраснее, чем умение силою слова приковывать к себе толпу слушателей, привлекать их расположение, направлять их волю куда захочешь и отворачивать ее отсюда хочешь. Именно это искусство у всех свободных народов и, главным образом, в мирных и спокойных государствах пользовалось во все времена особенным почетом и силой. В самом деле, можно ли не восхищаться, когда из бесчисленного множества людей выступает человек, который один или в числе немногих умеет осуществить на деле то, что таится во всех лишь в виде врожденной способности? И что так приятно действует на ум и на слух, как изящно отделанная речь, блистающая мудрыми мыслями и полными важности словами? Или что производит такое могущественное и возвышенное впечатление, как когда страсти народа, сомнения судей, непреклонность сената покоряются речи одного человека? Далее, что так царственно, благородно, великодушно, как подавать помощь прибегающим, ободрять сокрушенных, спасать от гибели, избавлять от опасностей, удерживать людей в среде их сограждан? С другой стороны, что так необходимо, как иметь всегда в руках оружие, благодаря которому можно то охранять себя, то угрожать бесчестным, то мстить за нанесенную обиду? Но даже помимо этого, даже на покое, вдали от форума, с его судейскими скамьями, трибунами, курией, – что может быть отраднее и свойственнее человеческой природе, чем остроумная и истинно просвещенная беседа? Ведь в том-то и заключается наше главное преимущество перед дикими зверями, что мы можем говорить друг с другом и выражать свои ощущения словом. Как же этим не восхищаться и как не употребить все силы, чтобы превзойти всех людей в том, в чем все люди превзошли зверей? Но даже этого мало. Какая другая сила могла собрать рассеянных людей в одно место или переменить их дикий и грубый образ жизни на этот человеческий и гражданский быт, или установить в ново-созданных государствах законы, суды и права? Чтобы не громоздить примеры до бесконечности, я выражу свою мысль в немногих словах: истинный оратор, говоря я, своим влиянием и мудростью не только себе снискивает почет, но и множеству граждан, да и всему государству в целом приносит счастье и благополучие. Поэтому продолжайте, молодые люди, идти намеченным путем и

прилагайте старание к изучению избранного вами предмета себе во славу, друзьям в пользу и государству во благо. <...> (30-34).

<...> Прежде всего: науки красноречия, на мой взгляд, вовсе не существует, а если и существует, то очень скудная; и все ученые препирательства об этом есть лишь спор о словах. В самом деле, если определять науку, как только что сделал Антоний, – «наука покоится на основах вполне достоверных, глубоко исследованных, от произвола личного мнения независимых и в полном своем составе усвоенных знанием», – то, думается, никакой ораторской науки не существует. Ведь сколько ни есть родов нашего судебного красноречия, все они зыбки и все приноровлены к обыкновенным, ходячим понятиям. Но если умелые и опытные люди взяли и обратились к тем простым навыкам, которые сами собой выработались и соблюдались в ораторской практике, осмыслили их и отметили, дали им определения, привели в ясный порядок, расчленили по частям, – и все это, как мы видим, оказалось вполне возможным, – в таком случае я не понимаю, почему бы нам нельзя было назвать это наукой, если и не в смысле того самого точного определения, то по крайней мере согласно с обыкновенным взглядом на вещи. Впрочем, наука ли это или только подобие науки, пренебрегать ею, конечно, не следует; но не следует забывать и о том, что для достижения красноречия требуется и кое-что поважнее. <...> (108-109).

<...> первое и важнейшее условие для оратора есть природное дарование. <...> Ведь для красноречия необходима особенного рода живость ума и чувства, которая делает в речи нахождение всякого предмета быстрым, развитие и украшение – обильным, запоминание – верным и прочным. А наука может в лучшем случае разбудить или расшевелить эту живость ума; но вложить ее, даровать ее наука бессильна, так как все это дары природы. <...> (113-114).

<...> оратор должен обладать остроумием диалектика, мыслями философа, словами чуть ли не поэта, памятью законоведа, голосом трагика, игрою такой, как у лучших лицедеев. Вот почему в роде человеческого ничто не попадает так редко, как совершенный оратор. <...> оратор может рассчитывать на успех лишь в том случае, если владеет всеми предметами и всеми в совершенстве. <...> (128).

<...> рвение и восторженная любовь к делу! Без этого в жизни нельзя дойти вообще ни до чего великого, а тем более, до того, к чему ты стремишься. <...> (134).

<...> Начинал я, конечно, с того, что, как подобает человеку свободному по происхождению и воспитанию, проходил общеизвестные и избитые правила. Во-первых, что цель оратора – говорить убедительно; во-вторых, о том, что для всякого рода речи предметом служит или вопрос неопределенный, без обозначения лиц и времени, или же единичный случай с известными лицами и в известное время. В обоих случаях предмет спорный непременно заключается в одном из вопросов: совершилось ли данное событие? Если совершилось, то каково оно? И наконец: под какое оно подходит определение? К этому некоторые прибавляют: законно ли оно? Спорные пункты возникают также из толкования письменного документа; здесь возможны или двусмысленность, или противоречие, или же несогласие между буквой и смыслом; для каждого из этих случаев определен особенный способ доказательств. Что же касается обсуждения случаев единичных, с общими вопросами не связанных, то они бывают частью судебные, частью совещательные; а есть еще третий род – восхваление или порицание отдельных лиц. Для каждого рода есть особые источники доказательств: для судебных речей – такие, где речь идет о справедливости; для совещательных – другие, в которых главное – польза тех, кому мы подаем совет; для хвалебных – также особенные, в которых все сводится к оценке данного лица. Все силы и способности оратора служат выполнению следующих пяти задач: во-первых, он должен приискать содержание для своей речи; во-вторых, расположить найденное по порядку, взвесив и оценив каждый довод; в-третьих, облечь и украсить все это словами; в-четвертых, укрепить речь в памяти; в-пятых, произнести ее с достоинством и приятностью. Далее, я узнал и понял, что прежде чем приступить к делу, надо в начале речи расположить слушателей в свою пользу, далее разъяснить дело, после этого установить предмет спора, затем доказать то, на чем мы настаиваем, потом опровергнуть возражения; а в конце речи все то, что говорит за нас, развернуть и возвеличить, а то, что за противников, поколебать и лишить значения. **32.** Далее, учился я также правилам украшения слога: они гласят, что выражаться мы должны, во-первых, чисто и на правильной латыни, во-вторых, ясно и отчетливо, в-третьих, красиво, в-четвертых, уместно, то есть соответственно достоинству содержания; при этом я познакомился с правилами на каждую из этих частей учения. Даже в таких вещах, которые более всего зависят от природных данных, я увидел способы использовать науку: ведь и для произношения речи и для запоминания существуют правила хоть и краткие, но полезные для упражнений; я познакомился и с ними.

Вот чем приблизительно и исчерпывается содержание всей науки, излагаемой в этих учебниках. Если бы я сказал, что она вовсе бесполезна, это было бы ложью. В ней есть для оратора некоторые указания, что он должен иметь в виду и на что обращать внимание, чтобы не слишком удалиться от своей задачи. Но я все эти правила понимаю так: не правилам знаменитые ораторы обязаны своим красноречием, а сами правила явились как свод наблюдений над приемами, которыми красноречивые люди ранее пользовались бессознательно. Не красноречие, стало быть, возникло из науки, а наука – из красноречия. Впрочем, я уже сказал, что науки я вовсе не отвергаю: если для красноречия она и не обязательна, то для общего образования она небесполезна.

[Упражнения.] А еще необходимы для дела некоторые упражнения не столько даже вам, ибо вы-то давно уже идете по ораторской дороге, сколько тем, которые только еще вступают на поприще и которых упражнения могут заблаговременно приучить и приготовить к судебным делам, как потешный бой – к настоящей битве.

– С этими-то упражнениями, – сказал Сульпиций, – мы и желаем познакомиться. Конечно, нам тоже хотелось бы услышать побольше о науке, которую ты нам обрисовал так бегло, хоть мы с нею и сами знакомы. Но об этом после: а теперь мы желаем узнать твое мнение именно об упражнениях.

33. – Я вполне одобряю и ваши обычные упражнения, – отвечал Красс, – те, когда вы задаете себе тему в виде судебного дела, во всем похожее на настоящее, и затем стараетесь говорить на эту тему, как можно ближе держась действительности. Однако многие упражняют при этом только голос и силу своих легких, да и то без толку; они учатся болтать языком и с удовольствием предаются такой болтовне. Их сбивает с толку слышанное ими изречение, что речь развивается речью. Но справедливо говорится и то, что порченная речь развивается порченной речью и даже очень легко. Поэтому, если ограничиваться только такими упражнениями, то нужно признать: хоть и полезно говорить часто без приготовления, однако же гораздо полезнее дать себе время на размышление и зато уж говорить тщательней и старательней. А еще того важнее другое упражнение, хоть у нас оно, по правде сказать, и не в ходу, потому что требует такого большого труда, который большинству из нас не по сердцу. Это – как можно больше писать. Перо – лучший и превосходнейший творец и наставник красноречия; и это говорится не даром. Ибо как внезапная речь наудачу не выдерживает сравнения с подго-

товленной и обдуманной, так и эта последняя заведомо будет уступать прилежной и тщательной письменной работе. Дело в том, что когда мы пишем, то все источники доводов, заключенные в нашем предмете и открываемые или с помощью знаний, или с помощью ума и таланта, ясно выступают перед нами и сами бросаются нам в глаза, так как в это время внимание наше напряжено и все умственные силы направлены на созерцание предмета. Кроме того, при этом все мысли и выражения, которые лучше всего идут к данному случаю, поневоле сами ложатся под перо и следуют за его движениями; да и самое расположение и сочетание слов при письменном изложении все лучше и лучше укладываются в меру и ритм, не стихотворный, но ораторский: а ведь именно этим снискивают хорошие ораторы дань восторгов и рукоплесканий. Все это недоступно человеку, который не посвящал себя подолгу и помногу письменным занятиям, хотя бы он и упражнялся с величайшим усердием в речах без подготовки. Сверх того, кто вступает на ораторское поприще с привычкой к письменным работам, тот приносит с собой способность даже без подготовки говорить, как по писаному; а если ему случится и впрямь захватить с собой какие-нибудь письменные заметки, то он и отступить от них сможет, не меняя характера речи. Как движущийся корабль даже по прекращении гребли продолжает плыть прежним ходом, хотя напора весел уже нет, так и речь в своем течении, получив толчок от письменных заметок, продолжает идти тем же ходом, даже когда заметки уже иссякли.

34. Что же касается меня, то я в моих юношеских ежедневных занятиях обычно задавал себе по примеру моего известного недруга Гая Карбона вот какое упражнение. Поставив за образец какие-нибудь стихи, как можно более возвышенные, или прочитав из какой-нибудь речи столько, сколько я мог удержать в памяти, я устно излагал содержание прочитанного в других и притом в самых лучших выражениях, какие мог придумать. Но впоследствии я заметил в этом способе тот недостаток, что выражения самые меткие и вместе с тем самые красивые и удачные были уже предвосхищены или Эннием, если я упражнялся на его стихах, или Гракхом, если именно его речь я брал за образец; таким образом, если я брал те же слова, то от этого не было пользы, а если другие, то был даже вред, так как тем самым я привыкал довольствоваться словами менее уместными. Позднее я нашел другой способ и пользовался им, став постарше: я стал перелагать с греческого речи самых лучших ораторов. Из чтения их я выносил ту пользу,

что, передавая по-латыни прочитанное по-гречески, я должен был не только брать самые лучшие из общеупотребительных слов, но также по образцу подлинника чеканить кое-какие новые для нас слова, лишь бы они были к месту.

Что же касается упражнений для развития голоса, дыхания, телодвижений и наконец языка, то для них нужны не столько правила науки, сколько труд. Здесь необходимо с большой строгостью отбирать себе образцы для подражания; причем присматриваться мы должны не только к ораторам, но и к актерам, чтобы наша неумелость не вылилась в какую-нибудь безобразную и вредную привычку. Точно так же следует упражнять и память, заучивая слово в слово как можно больше произведений как римских, так и чужих; и я не вижу ничего дурного, если кто при этих упражнениях прибегнет по привычке к помощи того учения о пространственных образах, которые излагаются в учебниках. Затем слово должно выйти из укромной обстановки домашних упражнений и явиться в самой гуще борьбы, среди пыли, среди крика, в лагере и на поле судебных битв: ибо, чтобы отведать всяких случайностей и испытать силы своего дарования, вся наша комнатная подготовка должна быть вынесена на открытое поприще действительной жизни. Следует также читать поэтов, знакомиться с историей, а учебники и прочие сочинения по всем благородным наукам нужно не только читать, но и перечитывать и в видах упражнения хвалить, толковать, исправлять, порицать, отвергать; при этом обсуждать каждый вопрос с противоположных точек зрения и из каждого обстоятельства извлекать доводы наиболее правдоподобные. Следует изучать гражданское право, осваиваться с законами, всесторонне знакомиться с древними обычаями, с сенатскими порядками, с государственным устройством, с правами союзников, договорами, соглашениями и вообще со всеми заботами державы. Наконец, необходимо пользоваться всеми средствами тонкого образования для развития в себе остроумия и юмора, которым, как солью, должна быть приправлена всякая речь. Вот я и вывалил перед вами все, что думаю; и, пожалуй, вцепись вы в любого гражданина среди любой компании, вы услышали бы от него на ваши расспросы точно то же самое. (138-159). <...>

<...> Итак, разобравшись в деле и поняв, какого оно рода, я принимаюсь за его разработку. Прежде всего я решаю, на чем следует мне сосредоточиться в той части речи, которая относится к расследованию и суду. А затем я тщательнейшим образом обдумываю две другие вещи: во-первых, как достичь расположения к

себе и к подзащитным; во-вторых, как обратить мысли слушателей в желательном для меня направлении. Таким образом, все построение убедительной речи основывается на трех вещах: доказать правоту того, что мы защищаем; расположить к себе тех, перед кем мы выступаем; направить их мысли в нужную для дела сторону.

Для доказательства оратор располагает средствами двоякого рода. Первое состоит не в том, что придумывает оратор, а в том, что он планомерно извлекает из самого дела; это – документы, свидетельства, договоры, соглашения, показания, законы, постановления сената, судебные решения, указы, заключения правоведов и все остальное, что не сам оратор измышляет, а что доставляют ему содержание дела и его участники. Второе же средство всецело заключается в рассуждениях и доказательствах самого оратора. Соответственно в первом случае следует обдумать, как рассматривать доказательства, а во втором – как их подбирать. (114-117). <...>

<...> **[Разработка доводов.]** <...> Ведь не каждый раз, когда мы пишем слово, нам приходится подбирать его по буквам, и не каждый раз, когда ведется дело, должны мы ворошить предназначенные для него доказательства. Нет, нам надо иметь всегда наготове такие источники, откуда требуемые доказательства, как буквы для слова, появлялись бы сразу сами собой. <...> все без исключения спорные вопросы по природе их и существу могут быть рассмотрены в общем и целом. <...> нет ни одного дела, в котором расследование обсуждаемого вопроса определялось бы личностью ответчиков, а не общим разбором такого рода случаев.

Даже в таких случаях, где спор идет о том, было дело или нет, например «взял ли Деций деньги противозаконно», доказательства и обвинения и защиты должны быть сводимы к общему роду и существу таких случаев: при обвинении растратчика – к расточительству; корыстолюбца – к алчности; мятежника – к беспокойству и злонамеренности граждан; при обвинении многими – к характерам свидетелей; и обратно, все, что будет говорить за защиту ответчика, также будет непременно возводиться от частного случая и лица к общего рода обстоятельствам и понятиям. (130, 134-136). <...>

<...> Может ли что-нибудь затруднить человека, если он понял, что все средства, служащие в речи для утверждения и опровержения, берутся или из самой сущности дела, или со стороны? Из сущности дела, когда берется предмет в целом, или часть его,

или название его, или что угодно к нему относящееся; со стороны, – когда подбирается то, что вне предмета и не связано с существом его. Если предмет берется в целом, то его общий смысл должен быть раскрыт в определении, например, так: «Если величие есть достоинство и честь государства, его умалил тот, кто предал войско врагам римского народа, а не тот, кто сделавшего это предал власти римского народа». Если берется часть предмета, то смысл раскрывается с помощью разделения, например так: «Для блага республики надо было или повиноваться сенату, или учредить другой законодательный совет, или действовать по своему усмотрению; учреждать другой совет было бы высокомерно, действовать по своему усмотрению – дерзко; поэтому надо было следовать решению сената». Если берется название предмета, то надо рассуждать, как Карбон: «Если консул есть советник, дающий советы отечеству, то что, как не это, сделал Опимий!» Если же берется что-то еще относящееся к предмету, то кладезей и источников доказательств здесь будет великое множество. Ибо мы будем подыскивать и подходящие случаи, и родовые, и видовые, и сходные, и отличные, и противоположные, и соотносительные, и соответственные, и как бы предшествующие, и противоречащие, исследуем причинную связь вещей и возникающие из причин следствия, будем подыскивать примеры и более важные, и равноценные, и менее важные.

40. Из подходящих случаев выводятся доказательства по такому образцу: «Если благочестие заслуживает величайшей похвалы, вы должны быть потрясены столь благочестивою скорбью Квинта Метелла». А из родовых по такому: «Если должностные лица обязаны повиноваться римскому народу, почему ты обвиняешь Норбана, который, будучи трибуном, подчинился воле народа?» А из видовых так: «Если мы должны дорожить теми, кто заботится о государстве, то в первую очередь мы должны дорожить, конечно, полководцами, благодаря заботам, доблести и отваге которых блюдетя и наше благополучие и достоинство власти». А из сходства: «Если дикие звери любят своих детенышей, с какою же нежностью должны относиться к своим детям мы?» А вот из отличия: «Если варвары живут сегодняшним днем, мы должны принимать во внимание вечность». И в том и в другом роде примеры сходства и отличия берутся из чужих действий, слов или случаев, и часто приходится обращаться к выдумкам. Теперь из противоположности: «Если Гракх поступил нечестиво, Опимий поступил достойно». Из соотносительности: «Если он был заколот, и

ты, его враг, был захвачен на этом самом месте с окровавленным мечом, и никто, кроме тебя, не был там замечен, и никто не был причинен, и ты всегда необуздан, как же можно нам сомневаться в преступлении?» Из соответствия, из предшествования и из противоречия, как в свое время юный Красс: «Если ты, Карбон, защищал Олимпия, то не поэтому судья будет считать тебя благонамеренным гражданином. Ты явно притворствовал и на что-то рассчитывал, раз постоянно в своих выступлениях оплакивал смерть Тиберия Гракха, раз был соучастником убийства Публия Африкана, раз ты в бытность трибуном предложил этот свой закон, раз ты всегда расходился с людьми достойными». Из причинной связи вещей так: «Если вы хотите уничтожить корыстолюбие, следует уничтожить мать его – роскошь». А по следствиям из причин: «Если мы пользуемся государственной казной и для военных нужд и для мирного процветания, позаботимся о налогах». А при сопоставлении более важного, менее важного и равноценного примеры будут такие. Для более важного: «Если доброе имя важнее богатства, а денег так усиленно добиваются, то насколько же усиленное следует добиваться славы!» Для менее важного:

«Едва знакомый с ней,

Он к сердцу принял смерть ее! А будь влюблен?

Так как же будет плакать об отце, о мне!»

Для равноценного: «И хищение и растрата денег во вред государству – одинаковое преступление». (163-172). <...>

<...> 72. Итак, когда я взялся вести дело и по мере сил разобрал его мысленно, когда я рассмотрел и изучил основания дела и те доводы, какими можно привлечь и какими можно взволновать судей, тогда я устанавливаю, какие в моем деле стороны выгодные и какие невыгодные. Ибо нет, пожалуй, такого предмета разбирательства или спора, в котором бы не было и тех и других сторон; вопрос в том, каких больше, каких меньше. А затем мой обычный способ речи состоит в том, чтобы охватить все выгодные стороны, приукрасить их, приумножить; на них я останавливаюсь, на них задерживаюсь, на них сосредоточиваюсь; а от слабых и неблагоприятных для дела искусно уклоняюсь, – не так, чтобы это казалось бегством, но так, чтобы полностью скрыть и затмить все невыгодное, украсив и приумножив все выгодное. И если дело решается доказательствами, я поддерживаю самые из них сильные, будь их несколько или хотя бы одно; если же дело решается благосклонностью или взволнованностью судей, я обращаю все внимание на то, что больше всего может повлиять на настроение

людей. Словом, в этого рода выступлениях самое важно вот что: если речь может оказаться сильнее при опровержении противника, чем при утверждении наших собственных доводов, я все свои стрелы обращаю против него; если же проще доказать наши, чем разбить чужие, я стараюсь отвлечь внимание от защиты противника и привлечь к себе. (291-294) <...>

<...> справедливо усмотрел Симонид (или кто бы там ни открыл эту науку), что у нас в уме сидит крепче всего то, что передается и внушается чувством, а самое острое из всех наших чувств – чувство зрения; стало быть, легче всего бывает запомнить, если воспринятое слухом или мыслью передается уму еще и посредством глаз. И когда предметам невидимым, недоступным взгляду, мы придаем какое-то очертание, образ и облик, то это выделяет их так, что понятия, едва уловимые мыслью, мы удерживаем в памяти как бы простым созерцанием. Но эти облики и тела, как и все, что доступно глазу, должны иметь свое место, поскольку тело немислимо без места. Все это вещи знакомые и общеизвестные; поэтому, чтобы не докучать и не надоедать, я буду краток.

Места, которые мы воображаем, должны быть многочисленными, приметными, раздельно расположенными, с небольшими между ними промежутками; а образы – выразительными, резкими и отчетливыми, чтобы они бросались в глаза и быстро запечатлевались в уме. Достигнуть этого нам помогут упражнения, переходящие в навык, а именно: во-первых, подбор похожих слов, в которых лишь изменены падежные окончания или видовое значение заменено родовым, и, во-вторых, обозначение целой мысли одним словом-образом, самый вид которого будет соответствовать его месту в пространстве, как это бывает у искусных живописцев. **88.** Память на слова менее важна для оратора; она использует больше разных отдельных образов, ибо есть множество словечек, соединяющих члены речи, подобно суставам, и их ни с чем невозможно сопоставить, так что для них нам приходится раз навсегда измышлять образы совершенно произвольные. Зато память на предметы – необходимое свойство оратора; и ее-то мы и можем укрепить с помощью умело расположенных образов, схватывая мысли по этим образам, а связь мыслей по размещению этих образов. (357-359) <...>

<...> совершенно очевидно, что одного и того же рода речь не годится для любого дела, любого слушателя, любого лица, любого времени. Потому что особого звучания требуют дела уголовные и особого – дела гражданские и заурядные; и особого рода способ выражения нужен для речей совещательных, особый для хвалеб-

ных, особый для судебных, особый для собеседования, особый для утешения, особый для обличения, особый для рассуждения, особый для изложения событий. Существенно также и то, перед кем ты выступаешь: перед сенатом или перед народом, или перед судьями; много ли слушателей, или их мало, или их всего несколько человек, и каковы они. Ораторам надо принимать во внимание и свой собственный возраст, должность и положение; и, наконец, помнить, мирное ли время или военное, есть ли досуг или же надо торопиться. Поэтому тут заведомо нельзя давать никаких предписаний, кроме разве того, что из трех форм речи – более полной, более скудной или же средней между ними – мы должны выбирать ту, которая подходит к нашему делу. Соответственно, одними и теми же украшениями в одних случаях придется пользоваться решительнее, в других сдержаннее. А в конце концов, здесь, как и везде, здравый смысл подскажет нам, что и в каком случае уместно, а наука и дарование помогут этой уместности достичь. (210-212) <...>

<...> поскольку душевное возбуждение, которое главным образом следует обнаружить или представить исполнением, часто бывает настолько беспорядочным, что затемняется и почти теряется, то оратору и следует устранить то, что его затемняет, и выявить то, что в нем ярко и наглядно. Ведь всякое душевное движение имеет от природы свое собственное обличье, голос и осанку; а все тело человека и лицо и его голос, подобно струнам лиры, звучат соответственно тронувшему их душевному движению. (216) <...>

<...> движениям души должно сопутствовать движение тела, но движение не сценическое, воспроизводящее каждое слово, а иное, поясняющее общее содержание мыслей не показом, но намеком. Поворот тела должен быть уверенный и мужественный, не как у актеров на сцене, а как у бойца при оружии; кисть руки – не слишком подвижная, сопровождающая, а не разыгрывающая слова пальцами; рука – выдвинутая вперед, вроде как копье красноречия; удар ступней – то в начале, то в конце страстных частей. Но главное дело в лице. А в нем вся мощь – в глазах <...> Ведь движущая сила исполнения – душа, а образ души – лицо, а выразители ее – глаза. Ибо это единственная часть тела, которая в состоянии передать все, сколько ни на есть, оттенки и перемены душевных движений. И с закрытыми глазами никто этого сделать не может. (220-221). <...>
(Марк Туллий Цицерон «Об ораторе»)

<...> **[Оратор должен владеть всеми стилями речи.]** Речь бывает трех родов: иные отличались в каком-нибудь отдельном

роде, но очень мало кто во всех трех одинаково, как мы того ищем. Были ораторы, так сказать, велеречивые, обладавшие одинаково величавой важностью мыслей и великолепием слов, сильные, разнообразные, обильные, важные, способные и готовые волновать и увлекать души, причем одни достигали этого речью резкой, суровой, грубой, незавершенной и незакругленной, а другие – гладкой, стройной и законченной. Были, напротив, ораторы сухие, изысканные, способные все преподать ясно и без пространности, речью меткой, отточенной и сжатой; **(6)** речь этого рода у некоторых была искусна, но не обработана и намеренно уподоблялась ими речи грубой и неумелой, а у других при той же скудности достигала благозвучия и изящества и бывала даже цветистой и умеренно пышной. Но есть также расположенный между ними средний и как бы умеренный род речи, не обладающий ни изысканностью вторых, ни бурливостью первых, смежный с обоими, чуждый крайностей обоих, входящий в состав и того и другого, а лучше сказать, ни того, ни другого; слог такого рода, как говорится, течет единым потоком, ничем не проявляясь, кроме легкости и равномерности: разве что вплетет, как в венки, несколько бутонов, приукрашивая речь скромным убранством слов и мыслей. (20-21) <...>

<...> тем красноречивым оратором, которого мы ищем вслед за Антонием, будет такой, речь которого как на суде, так и в совете будет способна убеждать, услаждать, увлекать. Первое вытекает из необходимости, второе служит удовольствию, третье ведет к победе – ибо в нем больше всего средств к тому, чтобы выиграть дело. А сколько задач у оратора, столько есть и родов красноречия: точный, чтобы убеждать, умеренный, чтобы услаждать, мощный, чтобы увлекать, – и в нем-то заключается вся сила оратора. Твердый ум и великие способности должны быть у того, кто будет владеть ими и как бы соразмерять это тройкое разнообразие речи: он сумеет понять, что для чего необходимо, и сумеет это высказать так, как потребует дело.

Но основанием красноречия, как и всего другого, является философия. В самом деле, самое трудное в речи, как и в жизни, – это понять, что в каком случае уместно. Греки это называют *πρε'πον*, мы же назовем, если угодно, уместностью. Об этом-то в философии немало есть прекрасных наставлений, и предмет этот весьма достоин познания: не зная его, сплошь и рядом допускаешь ошибки не только в жизни, но и в стихах и в прозе. Оратор к тому же должен заботиться об уместности не только в мыслях, но и в словах. Ведь не всякое положение, не всякий сан, не всякий авторитет, не всякий

возраст и подавно не всякое место, время и публика допускают держаться одного для всех случаев рода мыслей и выражений. Нет, всегда и во всякой части речи, как и в жизни, следует соблюдать уместность по отношению и к предмету, о котором идет речь, и к лицам как говорящего, так и слушающих. (69-71) <...>

(Марк Туллий Цицерон «Оратор»)

<...> Вышеупомянутые правила, необходимые, правда, для знакомства с теорией предмета, не могут еще сделать истинным оратором, если нет в своем роде прочного навыка <...> В таких случаях, насколько мне известно, часто спрашивают, приобретается ли он путем стилистических упражнений или путем чтения и произнесения речей.

Если бы мы могли быть удовлетворены одним из видов этих упражнений, мы должны были бы остановиться на нем более подробно; но все они связаны между собой так тесно, составляют такое целое, что, оставив без внимания одно, напрасно станем работать над остальными, Красноречие никогда не будет иметь ни энергии, ни мощи, если мы не станем черпать силы в стилистических упражнениях, как погибнут и наши труды, точно корабль без штурмана, раз у нас не найдется образца для чтения. Затем человек, хотя бы и знающий, что говорить, и умеющий облечь свою мысль в надлежащую форму, но лишенный способности говорить на всякий случай, не готовый к этому, станет играть роль сторожа мертвого капитала.

<...> Если бы для каждой вещи было свое слово, хлопот было бы, конечно, меньше, – все они тотчас приходили бы на ум при одном взгляде на предмет; между тем одни из них удачнее, эффективнее, сильнее или звучат лучше других. Поэтому всех их следует не только знать, но и иметь под рукой или даже, если можно выразиться, перед глазами, чтобы, руководясь своим вкусом, будущий оратор легко выбирал лучшие из них. Я, по крайней мере, знаю лиц, которые имеют привычку учить наизусть синонимы, чтобы легче выбирать из массы их какой-нибудь и, употребив один, брать, во избежание повторения, другой синоним, если повторение необходимо сделать через короткий промежуток. <...> нам следует пользоваться богатым выбором слов умело, так как мы должны иметь перед глазами не рыночную болтовню, а настоящее красноречие, последнего же мы достигаем путем чтения или слушания лучших образцов. Тогда мы учимся не только называть, но и называть всего удачнее каждый из предметов.

В речи могут употребляться почти все слова, за исключением немногих, неприличных <...>.

<...> Все слова, за исключением тех, о которых я говорил выше, вполне хороши везде, – иногда приходится прибегать и к словам простонародным и вульгарным; кажущиеся грубыми, в тщательно отделанных частях, оказываются удачными, если они уместны.

Знать и понимать не только их значение, но грамматические их формы и количественные их размеры, чтобы употреблять затем исключительно на своем месте, мы можем только путем усидчивого чтения и слушания, так как всякое слово мы, прежде всего, слышим. <...>

<...> В некоторых случаях, однако, больше пользы в слушании, в других – в чтении. Оратор действует на нас своим собственным воодушевлением, возбуждает не только описанием, абрисом предмета, но и самим предметом. Все в нем живет и движется; мы слушаем что-то новое, как бы зарождающееся, и слушаем с удовольствием, соединенным с беспокойством. Мы боимся не только за исход процесса, но и лично за оратора. Затем голос, изящная, красивая жестикуляция в тех местах, где она необходима, далее декламация, – едва ли не самое важное в речи, вообще, все действует одинаково поучительно.

Читая, мы судим вернее, слушая же, часто отдаемся на волю собственной симпатии или одобрительных криков других. <...>

Чтение – свободно в суждениях; оно не летит так быстро, как речь, напротив, можно часто повторять отдельную фразу, если ты ее не понимаешь или хочешь запомнить. Советую повторять прочитанное, вдумываясь в каждое слово. <...>

<...> Долгое время мы должны читать исключительно лучших авторов, таких, которые всего менее способны обмануть оказываемое им доверие, читать внимательно и даже с такой тщательностью, как если бы ты сам писал книгу, разбирать все сочинение не только по частям, а после прочтения книги следует приняться за нее снова, в особенности за речи, красоты которых нередко скрывают преднамеренно. Оратор часто готовится, притворяется, ставит ловушки и говорит в первой части речи то, что должно произвести свое действие лишь в конце. Вот почему, пока мы не знаем, для чего это сказано, оно кажется нам неуместным; поэтому, узнав все, нам следует прочесть речь еще раз.

Приступая к чтению, необходимо, однако, быть свободным от предубеждения, что каждое слово великого писателя носит на себе

печать совершенства, – и они подчас теряют почву под ногами, и они выбиваются из сил, и они отдаются капризам своего таланта, не всегда энергичны, иногда устают. Цицерону кажется, что спит подчас Демосфен, а Горацию – даже сам Гомер. Правда, они гении, но они же и люди. Случается также, что те, кто считают законом для оратора все, что находят в великих писателях, – подражают их ошибкам – что легче – и высшую степень сходства с великими людьми считают в том, что разделяют их недостатки. <...>

<...> По словам Теофраста, чтение поэтов весьма полезно для будущего оратора. Многие разделяют этот взгляд, и вполне основательно. У поэтов можно заимствовать полет мысли, возвышенный тон, всякого рода сильные аффекты, удачную обрисовку характеров. <...>

<...> Оратор может находить своего рода богатую и приятную пишу и в чтении истории. <...>

<...> оратору безусловно необходимо быть знакомым с бытиями и примерами, чтобы брать эти примеры не исключительно от тяжущихся сторон, но заимствовать преимущественно из древней истории, с которой следует быть хорошо знакомым. <...>

<...> Вопросы о сущности справедливого, честного, полезно и противоположных им понятий и, главным образом, религиозными вопросами занимаются и с увлечением спорят при этом – философы. В особенности могут оказать пользу будущему оратору своею диалектикой и своей системой вопросов – сократики. Но здесь одинаково необходимо поступать осмотрительно. Мы, правда, рассуждаем об одном и том же, тем не менее должно знать, что есть разница между речью на суде и разговором философского характера, форумом и аудиторией, как между теорией и процессом. <...>

<...> Уменье говорить экспромтом – лучший результат учения и своего рода самая богатая награда за долгие труды. Кто окажется не в состоянии приобрести его, должен, по крайней мере, по моему убеждению, отказаться от мысли о профессии юриста и своей единственной способности владеть пером найти лучше другое применение <...> Я, впрочем, хлопочу не о том, чтобы будущий оратор отдавал предпочтение импровизациям, но о том, чтобы мог произносить их; это же достигается всего лучше следующим образом.

Во-первых, необходимо иметь представление о плане речи, – нельзя добежать до призового столба, не зная предварительно, в каком направлении и каким путем следует бежать к нему. Так мало и знать основательно части судебной речи или уметь правильно

ставить главные вопросы, – хотя это весьма важно – нужно знать также, при всяком случае, что поставить на первом месте, что на втором и т.д. Связь здесь так естественна, что нельзя ничего переставить или выбросить, не внося дисгармонии. Но желающий построить свою речь методически, прежде всего, пусть возьмет своего рода руководителем самый порядок вещей, поэтому люди, даже мало практиковавшиеся, очень легко умеют сохранить нить в своем рассказе. Далее, они должны знать, где что искать, не глазеть по сторонам, не сбиваться с толку не идущими к делу сентенциями и вносить беспорядок в речь – чуждыми элементами, прыгая, если можно выразиться, то туда, то сюда и ни на минуту не останавливаясь на месте. Следует, кроме того, держаться меры и цели, чего не может быть без деления. Сделав, по мере возможности, все предложенное, мы придем к убеждению, что покончили со своею задачей.

Все это дело теории, дальнейшее – практики: приобретение запаса лучших выражений сообразно предписанным заранее правилам, образование слога, путем продолжительных и добросовестных стилистических упражнений, причем даже то, что случайно сходит с пера, должно носить характер написанного, и, наконец, долгие устные беседы при долгих письменных работах, – легкость дают преимущественно привычка и практика. Если их прервать хоть на короткое время, не только ослабевают прославленная эластичность, но становится неповоротливым и самый язык, – его сводит: хотя здесь необходима своего рода природная живость ума, чтобы в тот момент, когда мы говорим ближайшее, мы могли строить дальнейшее предположение и чтобы к только что сказанному всегда примыкала заранее составленная фраза, все же едва ли природа или теоретические правила в состоянии дать столь разнообразное применение мозговой работе, чтобы ее одновременно доставало для инвенции, диспозиции, выражения, правильной последовательности слов и мыслей – как в отношении того, что говорят или что намерены сказать сейчас, так и в отношении того, что следует иметь в виду потом – и внимательного отношения к своему голосу, декламации и жестикуляции. Необходимо быть внимательным далеко заранее, иметь мысли у себя перед глазами и потраченное до сих пор на произнесение речи пополнять, заимствуя из недосказанного еще, чтобы, пока мы идем к цели, мы, если можно выразиться, шли вперед не меньше глазами, нежели ногами, раз не желаем стоять на месте, ковылять и произносить свои короткие, отрывистые предложения на манер заикающихся. <...>

<...> Мне кажется, человек, говорящий неправильно, неизящно и необстоятельно, не говорит, а звонит. Никогда не стану я восторгаться и стройной импровизацией, раз вижу, что этого не занимать стать даже у сварливых баб. Другое дело, если у импровизатора воодушевление гармонирует с вдохновением, – тогда бывает часто, что и тщательно отделанная речь не в состоянии сравниться по благоприятному впечатлению с экспромтом. <...>

<...> Не следует обходить молчанием и то, что рекомендует тот же Цицерон, – не позволять себе относиться небрежно ни к одному нашему слову: все, что мы говорим где бы то ни было, должно, конечно, по мере возможности, носить на себе печать совершенства. Писать, конечно, следует всего больше тогда, когда мы намерены долго говорить экспромтом, – этим путем мы сохраним силу выражения, причем легко плавающие на поверхности слова должны будут уйти в глубину. <...> Декламация и письменные упражнения могут, пожалуй, взаимно принести пользу, если ими заниматься серьезно и старательно: благодаря письменным упражнениям, мы будем осторожно выражаться, благодаря декламациям – легче писать. Значит, писать речи надо всякий раз, как это будет возможно; если же этого сделать нельзя, необходимо обдумать тему, когда же немислимо ни то, ни другое, следует все-таки стараться защитнику не казаться захваченным врасплох, клиенту – брошенным на произвол судьбы. <...>

По моему же мнению, не следует записывать того, что мы в состоянии сохранить путем запоминания, – иногда наша мысль невольно обращается к написанному, не позволяя попытать счастья в импровизации. Тогда наш ум беспощадно начинает колебаться из стороны в сторону, так как он и забыл написанное, и не ищет нового. <...>

(Марк Фабий Квинтилиан «Правила ораторского искусства»)

СОДЕРЖАНИЕ

Риторика в системе гуманитарных наук.....	3
Исторические судьбы риторики.....	7
Основные этапы развития античной риторики.....	55
Античное риторическое учение.....	85
Заключение.....	87
Темы рефератов.....	88
Рекомендуемая литература.....	92
Приложение. Фрагменты текстов античных риториков.....	

Учебное издание

Автухович Татьяна Евгеньевна

АНТИЧНАЯ РИТОРИКА

Учебное пособие

Редактор Е.А.Смирнова
Компьютерный набор: А.А.Семак
Компьютерная верстка: М.И.Верстак

Сдано в набор 27.11.2002. Подписано в печать 07.03.2003.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 150 экз. Заказ .

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».
ЛВ №96 от 02.12.2002. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.

Отпечатано на технике издательского отдела
Учреждения образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».
ЛП №111 от 29.12.2002. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.